

П. А. Дружинин

**ИДЕОЛОГИЯ
И
ФИЛОЛОГИЯ**

ЛЕНИНГРАД, 1940-Е ГОДЫ

Петр Дружинин

**Идеология и филология.
Ленинград, 1940-е
годы. Документальное
исследование. Том 1**

«НЛО»

2012

УДК 82.0(470.23-25) (091) "194"

ББК 83.3 т (2)62

Дружинин П. А.

Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы. Документальное исследование. Том 1 / П. А. Дружинин — «НЛО», 2012

ISBN 978-5-44-482075-9

Книга П.А. Дружинина посвящена наиболее драматическим событиям истории гуманитарной науки XX века. 1940-е годы стали не просто годами несбывшихся надежд народа-победителя; они стали вторым дыханием сталинизма, годами идеологического удушья, временем абсолютного и окончательного подчинения общественных наук диктату тоталитаризма. Одной из самых знаменитых жертв стала школа науки о литературе филологического факультета Ленинградского университета. Механизмы, которые привели к этой трагедии, были неодинаковы по своей природе; и лишь по случайному стечению исторических обстоятельств деструктивные силы устремились именно против нее. На основании многочисленных, как опубликованных, так и ранее неизвестных источников автор показывает, как наступала сталинская идеология на советскую науку, выявляет политические и экономические составляющие и, не ограничиваясь филологией, дает большую картину воздействия тоталитаризма на гуманитарную мысль.

УДК 82.0(470.23-25) (091) "194"

ББК 83.3 т (2)62

ISBN 978-5-44-482075-9

© Дружинин П. А., 2012

© НЛО, 2012

Содержание

Введение	5
Глава 1	15
Философия – важнейшая отрасль идеологии	26
Урок истории	33
Идеологическая линия сформулирована	42
Начало эпохи Жданова	47
Атомная бомба как фактор идеологии	61
Мобилизация на идеологическом фронте	69
Черная пятница августа 1946 года	73
Постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград»	75
Конец ознакомительного фрагмента.	79

П. А. Дружинин

Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы. Документальное исследование. Том 1

*Посвящается памяти моего отца
Евгения Николаевича Филинова
(15.III. 1932–15.V. 2006)*

Введение

История отечественной гуманитарной науки в годы советской власти может быть охарактеризована как эпоха противостояния науки и идеологии. Это противостояние закончилось неминуемым подчинением науки идеологическому диктату, уничтожением как отдельных ученых, так и целых научных школ и направлений. Наука о литературе полностью разделила эти тяготы. До середины XX в. ей еще удалось просуществовать на дореволюционном наследии вкупе с плодами научного свободомыслия первых пореволюционных лет, в науке еще было место для таких ученых, как М. М. Бахтин, Г. А. Гуковский, В. М. Жирмунский, В. Я. Пропп, Ю. Н. Тынянов, Б. М. Эйхенбаум и др. Но после стерилизации 1949 г. наука о литературе превратилась в одну из отраслей политсхоластики, оказавшись если не в интеллектуальном вакууме, то в условиях, приближенных к таковому.

Немногочисленные ростки мысли, которые смогли взойти в столь невыносимых условиях, выжили и утвердились только лишь потому, что долгое время не воспринимались этой самой «наукой» всерьез. Именно по этой причине вторая половина XX в. представляется временем, когда наука о литературе развивалась не благодаря, а исключительно вопреки руководящей воле.

В результате ее символами стали Ю. М. Лотман, Н. Я. Эйдельман и другие ученые. Они – настоящие герои науки о литературе, по гамбургскому счету; и сейчас уже не имеет значения, что Ю. М. Лотман не имел академических лавров, а Н. Я. Эйдельман или В. Э. Вацуро не были докторами наук... Скорее это укор современникам и верный диагноз системе научной иерархии.

Таким образом, пройдя за 70 лет дантовы круги советской действительности, гуманитарная мысль не только смогла выжить, но и дожидаться смерти последней. Но какова была цена! Наука о литературе вышла обескровленной, с извращенной системой ценностей, отягощенная методологическим и кадровым балластом.

Столь пессимистический взгляд лишь усиливается проблематикой, которой посвящена настоящая книга. 1940-е гг. стали не просто годами несбывшихся надежд; они стали вторым дыханием сталинизма, годами идеологического удушья, временем абсолютного и окончательного подчинения общественных наук диктату тоталитаризма. Цена победы режима была велика: из науки были выдавлены не только отдельные ученые, но уничтожены целые научные направления, с превеликим трудом сформировавшиеся в предвоенные годы.

Одной из самых знаменитых жертв, принесенных на алтарь сталинизма в 1940-е гг., стала школа науки о литературе филологического факультета Ленинградского университета. Механизмы, которые привели к уничтожению этой научной школы путем изгнания ее ведущих представителей, были неодинаковы по своей природе; и лишь уникальным стечением исторических обстоятельств можно объяснить то, что деструктивные силы оказались в конце 40-х гг. направлены именно против нее.

Естественно, столь печальный итог может быть лаконично объяснен той идеологической линией, которую проводило сталинское руководство. Но динамика этого процесса, в ходе которого на «идеологический фронт» поочередно вступали различные управляемые или спонтанные разрушительные силы, порой не всегда очевидно «идеологические», оказывается важной для осмысления истории советского общества и истории отечественной науки вообще.

Исследованию как самих механизмов идеологии советского тоталитаризма 1940-х гг., так и результата их воздействия на науку о литературе и отдельных ее представителей посвящена наша работа.

* * *

Поскольку мы рассматриваем различные и многочисленные аспекты как политической, так и интеллектуальной истории СССР 1940-х гг., то историография исследуемого вопроса оказывается достаточно обширной и неоднородной.

Непосредственному вопросу нашей книги – влиянию идеологии на развитие ленинградского литературоведения в первые послевоенные годы – посвящено не так много исследований. По сути, они исчерпываются знаменитой статьей К. М. Азадовского и Б. Ф. Егорова «Космополиты»¹, которая представляет собой расширенный вариант их более ранней работы «О низкопоклонстве и космополитизме: 1948–1949»². Основанные преимущественно на печатных источниках, с привлечением рукописных документов из архива К. М. Азадовского, эти публикации имели известный резонанс и давно стали хрестоматийными.

То обстоятельство, что за прошедшие годы к двум указанным текстам не прибавилось сколько-нибудь ощутимых работ по данной проблематике, где бы публиковались неизвестные ранее источники, нуждается в объяснении. По-видимому, связано это с тем, что 1940-е гг., особенно в отдельно взятой научной области (притом локализованной географически), не представляются уж настолько далеким прошлым, прикосновение к которому происходило бы безболезненно для современников. Учитывая то обстоятельство, что многие участники тех событий имеют ныне здравствующих учеников, последователей да и просто потомков, историки науки из числа филологов практически не касались в своих изысканиях подробностей конца 40-х гг., ограничиваясь картиной, данной К. М. Азадовским и Б. Ф. Егоровым.

Но многие вопросы, рассмотренные нами, к настоящему времени имеют фундаментальные исследования; особенно это касается работ, необходимых для осмысления общей идеологической атмосферы середины XX в. Таковы книги Д. Л. Бабиченко³, Ю. Н. Жукова⁴ и особенно Г. В. Костырченко⁵. Также необходимо отметить труды менее масштабные по тематическому охвату, но оттого не менее важные для осмысления эпохи и ее движущих сил – это книги В. М. Алпатов⁶, В. Ф. Зимы⁷, В. А. Иванова⁸, В. Н. Сойфера⁹ и некоторых других, которые являют собой примеры детально документированных и выверенных в своих выводах исторических исследований.

¹ Азадовский К., Егоров Б. «Космополиты» // Новое литературное обозрение. М., 1999. № 36. С. 83–135.

² Азадовский К., Егоров Б. О низкопоклонстве и космополитизме: 1948–1949 // Звезда. Л., 1989. № 6. С. 157–176.

³ Бабиченко Д. Л. Писатели и цензоры: Советская литература 1940-х годов под политическим контролем ЦК. М., 1994.

⁴ Жуков Ю. Н. Сталин: тайны власти. М., 2005.

⁵ Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина: Власть и антисемитизм. М., 2001; *Он же*. В плену у красного фараона: Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие: Документальное исследование. М., 1994.

⁶ Алпатов В. М. История одного мифа: Марр и марризм. М., 1991.

⁷ Зима В. Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: Происхождение и последствия. М., 1996.

⁸ Иванов В. А. Миссия Ордена: Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20-х – 40-х гг.: На материалах Северо-Запада РСФСР. СПб., 1997.

⁹ Сойфер В. Н. Власть и наука: (Разгром коммунистами генетики в СССР). 4-е изд., перераб. и доп. М., 2002.

Источниковедческая направленность нашей работы, а также стремление представить верную и аргументированную картину происходившего поставили нас перед необходимостью направить максимальные усилия на формирование репрезентативной источниковой базы. Причем важно было не только хронометрировать события, происходившие в ленинградской науке, но и попытаться выявить их предпосылки, а также обозначить их место на общем фоне отечественной истории 1940-х гг.

Традиционно источники в историческом исследовании разделяются на печатные и рукописные (опубликованные и неопубликованные), причем использование рукописных (неопубликованных) источников почитается, особенно в квалификационных работах, показателем глубины исторического исследования. Несмотря на справедливость такого положения, оно все же не является аксиомой и требует специальной оговорки. Дело в том, что зачастую привлечение рукописных источников диктуется не столько отсутствием их печатных аналогов, сколько сложностью эвристики печатных источников вообще. Рукописные источники, ценность которых неоспорима, нередко дублируют те сведения, которые могут быть почерпнуты из книг, периодических и ведомственных изданий. Кроме того, на практике библиографическая эвристика в силу своей многогранности оказывается порой сложнее эвристики архивной, почему часто нахождение публикации какого-либо документа в печати оказывается даже более трудоемким, нежели выявление его в архивохранилище¹⁰. Причем это утверждение справедливо как для исследователя отечественной истории середины XX, так и XVIII столетия.

Таким образом, в процессе написания этой работы мы со всем возможным вниманием отнеслись к печатным источникам, совокупность которых следует рассматривать в качестве нескольких больших комплексов.

Во-первых, это тематические документальные сборники, прежде всего – основанной А. Н. Яковлевым серии «Россия. XX век. Документы»¹¹, а также серии «Документы советской истории»¹². Несмотря на неодинаковый уровень археографической подготовки различных томов, ценность опубликованных в них документов велика, а обстоятельства последних лет, когда наблюдается ужесточение допуска исследователей к архивным документам, лишь увеличивают ее.

Во-вторых, это публикации в периодических изданиях. Наиболее важными из них представляются газеты, как центральные, так и областные, городские и многотиражные, – значительное число их за 1945–1949 гг. было просмотрено полностью¹³. Также были просмотрены

---

¹⁰ В качестве примера этого явления приведем следующий. Многочисленные ведомственные издания середины XX в. – циркулярные письма, отдельные приказы наркоматов и министерств, своды ведомственных инструкций или распоряжений, агитационные и информационные листовки и брошюры, а также описания циклов лекций, программы конференций и совещаний, каталоги выставок и т. п. – в большинстве случаев оказываются не только не отражены в каталогах крупнейших библиотек, но и не сохранены наряду с книгами, газетами и журналами в их фондах. Такие издания не обрабатывались и не хранились традиционно (как книги или периодические издания), а поступали на хранение в так называемый сектор групповой обработки библиотек, где значительная их часть со временем сдавалась в макулатуру. Часть оставшегося (в РНБ или РГБ, например) сохраняется ныне перевязанной в пачки или картонки, будучи собрана по тематическому принципу; выдача же таких подборок в читальные залы сопряжена с большими трудностями и чаще всего не практикуется. Вполне очевидно, что многие исследователи даже не подозревают о существовании таких печатных материалов, группа которых действительно многочисленна, а ценность в качестве источника неоспорима.

¹¹ Нами были использованы тома: Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике, 1917–1953 / Сост. А. Н. Аргизов, О. В. Наумов. М., 2002; Сталин и космополитизм: Документы Агитпропа ЦК КПСС, 1945–1953 / Сост. Д. Г. Наджафов, З. С. Белоусова. М., 2005; Большая цензура: Писатели и журналисты в Стране Советов, 1917–1956 / Сост. Л. В. Максименков. М., 2005; Государственный антисемитизм в СССР: От начала до кульминации, 1938–1953 / Сост. Г. В. Костырченко. М., 2005; и др.

¹² Особенно нам были важны два тома этой серии: Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР, 1945–1953 / Сост. О. В. Хлевнюк и др. М., 2002; Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «Коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы / Авт. – сост. А. Я. Лившин, И. Б. Орлов. М., 2007.

¹³ В числе просмотренных полностью – «Правда», «Культура и жизнь», «Литературная газета», «Учительская газета», «Советское искусство», «Ленинградская правда», «Вечерний Ленинград», «Смена», «Московский университет», «Ленинградский университет» и др.

полностью многие журналы за 1941–1950 гг., общественно-политические, литературно-художественные и отраслевые¹⁴. Значительное число важных государственных документов – приказов и постановлений – было привлечено нами по публикациям в ведомственных изданиях¹⁵.

В-третьих, значительную ценность в качестве источников имеют отдельные печатные издания изучаемого периода – публикации стенограмм совещаний в ЦК ВКП(б) и в других учреждениях¹⁶, а особенно – многочисленные стенограммы выступлений и лекций партийных и государственных деятелей, издававшиеся Всесоюзным обществом по распространению политических и научных знаний¹⁷.

Четвертая группа – это опубликованные эпистолярные источники. Она не столь многочисленна, но включает в себя один принципиально важный – переписку М. К. Азадовского с Ю. Г. Оксманом¹⁸, благодаря которой можно оценить обстановку 1940-х гг. глазами участников событий.

Отдельным корпусом опубликованных источников является мемуарная литература. Имея возможность соотнести находящиеся в нашем распоряжении документы с фактологией мемуаров, особенно написанных на излете века, мы нередко испытывали к последним некоторое недоверие. В этой связи стоит вспомнить мнение Марка Блока относительно таких свидетельств: «Даже самые наивные полицейские прекрасно знают, что свидетелям нельзя верить на слово. Но если всегда исходить из этого общего соображения, можно вовсе не добиться никакого толку. Давно уже догадались, что нельзя безоговорочно принимать все исторические свидетельства. <...> Однако принципиальный скептицизм – отнюдь не более достойная и плодотворная интеллектуальная позиция, чем доверчивость, с которой он, впрочем, легко сочетается в не слишком развитых умах»¹⁹.

Конкретизируем нашу мысль: часто нарочитая тенденциозность становится причиной того, что в некоторых мемуарах можно отметить как искажение или замалчивание определенных фактов, так и заведомую ложь. Например, в мемуарах К. М. Симонова²⁰ и Д. Т. Шепилова²¹, несмотря на действительную ценность этих текстов как источников, многое оказывается изображенным в ином свете, что является следствием попыток авторов отгородиться от сталинизма, во времена которого они жили, работали и которому они преданно служили. По этой причине мы старались по возможности перепроверять фактическую сторону мемуарных свидетельств.

Завершить обзор опубликованных источников следует группой печатных изданий, которые хотя и были изначально изданы типографски, но печатались с грифом «Секретно» или

¹⁴ «Большевик», «Октябрь», «Знамя», «Новый мир», «Крокодил», «Звезда», «Пропаганда и агитация», «Вестник Московского университета», «Вестник Ленинградского университета», «Вестник Академии наук СССР», «Известия Академии наук СССР: Отделение литературы и языка», «Вестник Высшей школы», «Литература в школе», «Народное образование», «Советская этнография», «Советская педагогика», «Славяне» и пр.

¹⁵ В том числе таких, как «Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических Республик, издаваемое Управлением Делами Совета Народных Комиссаров Союза ССР», «Собрание постановлений и распоряжений Правительства Российской Советской Федеративной Социалистической Республики», «Бюллетень Министерства высшего образования СССР», «Министерство Просвещения РСФСР: Приказы и инструкции», «Сборник важнейших приказов и инструкций по вопросам карточной системы и нормированного снабжения»; «Научный бюллетень Ленинградского государственного ордена Ленина университета» и т. д.

¹⁶ Совещание деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б). М., 1948; Дискуссия по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии», 16–25 июня 1947: Стенографический отчет // Вопросы философии. М., 1947. № 1; Советская литература: Материалы совещания-семинара преподавателей советской литературы педагогических институтов. М., 1947; и др.

¹⁷ Перечень московских изданий Общества см.: Каталог стенограмм публичных лекций и брошюр, изданных с 1947 по 1953 год / Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. М., 1954.

¹⁸ Марк Азадовский, Юлиан Оксман: Переписка, 1944–1954 / Изд. подгот. К. М. Азадовский. М., 1998.

¹⁹ Блок М. *Апология истории*. М., 1973. С. 47.

²⁰ Симонов К. М. Глазами человека моего поколения: Размышления о И. В. Сталине. М., 1989.

²¹ Шепилов Д. Т. *Непримкнувший*. М., 2001.

«Совершенно секретно», то есть содержали сведения, составляющие государственную тайну, и хранились соответственно (в отличие от книг, имеющих гриф «Для служебного пользования», которые поступали в спецхраны библиотек). По прошествии же времени эти издания подлежали уничтожению. Как особенно ценные источники данной группы укажем изданный с грифом «Секретно» объемный справочник «Научные кадры ВКП(б)» 1930 г.²², единственный известный нам экземпляр которого сохраняется в частном собрании (г. Москва), а также напечатанный с грифом «Совершенно секретно» подробный отчет Академии наук СССР за 1949 г.²³, который сохранился в архивном фонде В. М. Молотова²⁴.

Значительную часть материалов для написания данной работы составляют неопубликованные источники. Круг документов и архивохранилищ оказался в результате довольно многочисленным, что объясняется как различной ведомственной подчиненностью рассмотренных вопросов, так и зачастую раздробленностью фонда одного учреждения между несколькими архивохранилищами. Также отметим, что необходимость репрезентативного поиска источников не позволила нам остановиться на «базовом», если так можно выразиться, архивохранилище; с другой стороны, это обстоятельство позволило выявить множество источников, без которых написание этой работы было бы невозможно во всей полноте. Неопубликованные источники также можно разделить на несколько групп, очертив лишь основные комплексы документов.

Первая группа – документы высших органов власти, союзных и российских министерств и ведомств. Прежде всего, это сохраняющиеся в РГАСПИ материалы ЦК ВКП(б), в числе которых отложились и кадровые решения, и обращения ленинградских ученых, и прочие важные для настоящей работы материалы. Значительная часть использованных документов сохраняется в ГА РФ, где мы пользовались фондами МВО СССР, ВАК при СМ СССР, Славянского комитета СССР, Министерства просвещения РСФСР и др. Кроме того, мы использовали материалы Секретариата ССП СССР, носившие директивный характер²⁵.

Вторая группа – документы, относящиеся к общественно-политической и научной жизни Ленинграда. В качестве дополнения к материалам, которые публиковались в газетах, оказалось возможным обратиться к достаточно специфическому и малоизвестному источнику, который существенно дополнил хроникальную часть работы. Речь идет о «Вестнике ленинградской информации», ежедневно рассылаемом Ленинградским отделением ТАСС и полностью сохранившемся за интересующие нас годы в фондах ЦГАЛИ СПб (фонд ЛенТАСС). В том же архиве сохраняется еще один важный и столь же мало используемый источник – это так называемые микрофонные материалы Ленинградского радиокomiteта, представляющие собой цензурные экземпляры текстов, шедших в радиоэфир, причем как материалы прямого эфира, так и записанные для трансляции на специальные носители²⁶. Наиболее важной частью этого комплекса

²² Научные кадры ВКП(б): Персональный справочник о составе научных работников членов и кандидатов ВКП(б). М.: ЦК ВКП(б), 1930. [Издано с грифом «Секретно».]

²³ Отчет о деятельности Академии наук Союза ССР за 1949 год / Редакция – С. И. Вавилов, А. В. Топчиев. [М.]: Издательство Академии наук СССР, 1950. [Издано с грифом «Совершенно секретно».]

²⁴ РГАСПИ. Ф. 82 (В. М. Молотов). Оп. 2. Д. 935. (Экземпляр № 6.)

²⁵ Секретариат ССП СССР, сформированный после постановления «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» и начавший работу в сентябре 1946 г., напоминал по своим методам и задачам отдел ЦК ВКП(б), а протоколы его заседаний имели характер информационных бюллетеней ССП, которые размножались на ротаторе и рассылались циркулярно. Именно такой «комплект», направлявшийся из Москвы в ССП Татарской ССР и сохранившийся в его материалах (НА РТ. Ф. 7083), был нами использован в работе.

²⁶ Основным источником для радиотрансляций в те годы, за исключением прямого эфира и воспроизведения грампластинок, были записи на восковые носители (восковой оригинал пластинки допускает до пяти-шести качественных воспроизведений); таким способом записывались интервью, радиообращения, стихотворения и прочее. В 1931 г. на фабрике звукозаписи при Всесоюзном радиокomiteте были сделаны первые опыты магнитной записи, но ее широкое использование началось по окончании Великой Отечественной войны, когда союзники получили возможность разделить между собой наиболее совершенную на то время германскую звукозаписывающую промышленность. В Ленинградском доме радио трофейное

являются сохранившиеся в максимальной полноте тексты новостных выпусков Ленинградского радио. Ценность этих материалов также велика по той причине, что они не подверглись чистке в связи с «ленинградским делом». Важным источником стали документы партийных организаций Ленинграда – обкома и горкома ВКП(б), а также некоторых райкомов, особенно Василеостровского, сохраняющиеся в ЦГАИПД СПб.

Третья группа – материалы по истории филологической науки, преимущественно ЛГУ и Пушкинского Дома. Документы Ленинградского университета сохранились с достаточной полнотой, но распределены по нескольким хранилищам – собственно Архив СПбГУ, ЦГА СПб, а также ЦГАИПД СПб, где отложились материалы парторганизации ЛГУ (в том числе стенограммы проработочных собраний). Большая часть материалов Пушкинского Дома за указанные годы сохраняется в ПФА РАН (включая некоторые важные стенограммы, приказы дирекции, распоряжения Президиума АН СССР), здесь же в отдельном фонде отложились материалы академика А. С. Бушмина, по которым оказалось возможным восстановить его роль в событиях тех лет; документы парторганизации ИРЛИ также отложились в ЦГАИПД СПб. Значительная часть материалов по истории науки о литературе выявлена нами в фондах ЛО Союза советских писателей СССР и ЛО издательства «Советский писатель» (ЦГАЛИ СПб), а также в фондах их первичных парторганизаций (ЦГАИПД СПб).

Четвертая группа – биографические материалы, которые активно использовались нами как для установления либо уточнения биографических данных многочисленных персоналий, так и для максимально точной датировки кадровых решений²⁷. Это, прежде всего, практически исчерпывающий комплекс приказов и распоряжений ректоров ЛГУ, сохраняющийся в архиве СПбГУ; там же находятся и бухгалтерские личные счета, которые велись на всех студентов и профессорско-преподавательский состав университета. Стоит отметить, что в процессе работы в архиве СПбГУ мы смогли прочувствовать происходившее ужесточение доступа к архивным документам этого вуза: началось с того, что в начале 2000-х гг. нам перестали выдавать личные дела студентов и преподавателей, но тогда для уточнения биографических сведений мы открыли для себя такой важный источник сведений как личные счета; однако с конца 2000-х гг., нам перестали выдавать и их, одновременно закрыв доступ ко всем приказам ректора. В настоящее время вопрос решен принципиально: в архиве СПбГУ закрыты для исследователей вообще все (!) документы после 1937 г. Учитывая сказанное, отрадно отметить тот факт, что еще до введения таких «новшеств» оказалось возможным воспользоваться как личными делами ленинградских филологов – членов Союза советских писателей (ЦГАЛИ СПб), так и произвести подробный просмотр большей части аттестационных дел филологов в фонде ВАКа (ГА РФ; дела находятся на хранении в ЦХСФ Росархива в г. Ялуторовске Тюменской обл.)²⁸.

звукзаписывающее оборудование было установлено в августе 1947 г., с осени оно использовалось для стационарной записи с последующей передачей по радио; обычно в таких случаях на микрофонных материалах Ленрадиокомитета имеется пометка «Магнетофон» [sic!]. Удобством использования магнитная запись быстро вытеснила воск, крупные студии перешли на нее уже в 1948 г. (см.: *Волков-Ланит В. Ф.* Искусство запечатленного звука: Очерки по истории граммофона. М., 1964. С. 45).

²⁷ Особенно это стало актуальным тогда, когда оказалось, что в печатных изданиях по истории ЛГУ отсутствуют (либо приведены с ошибками) даже даты назначения ректоров и деканов, а вышедший недавно четвертым изданием массивный справочник «Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета: Материалы к истории факультета» (СПб., 2008) не может восприниматься в качестве безупречного источника биографических сведений. Кроме того, некоторые печатные источники оказываются поистине губительными для исследователя: например, в важнейшем справочнике «Диссертации, защищенные в Ленинградском ордена Ленина государственном университете имени А. А. Жданова, 1934–1954 гг.: Библиографический указатель» (Сост. Н. Н. Кирикова, Е. П. Таубина. Л., 1955), где представлены сведения о 2105 кандидатских и 173 докторских диссертациях, в действительности неверно указаны даты защит (sic!), которые установлены, по-видимому, исходя из даты регистрации текстов диссертаций в библиотеке ЛГУ, причем зачастую они оказываются даже более поздними, нежели утверждение диссертаций в ВАКе.

²⁸ К сожалению, в фонде сохранились преимущественно дела докторов наук и профессоров; ср.: «С начала 80-х годов проводилась экспертиза составляющих большую часть фонда личных аттестационных дел, в процессе которой выделялись к уничтожению личные аттестационные дела кандидатов наук, доцентов и старших научных сотрудников, завершённые делом производством после 1 января 1945 г.» (Государственный архив Российской Федерации: Путеводитель. М., 1997. Т. 3. С. 219).

Кроме того, с целью уточнения биографических сведений мы обращались к личным делам ученых-филологов в архивах вузов и академических институтов Москвы, Санкт-Петербурга и Казани, которые более доступны для исследователей.

Пятая группа – дневники и мемуары современников, написанные непосредственно в 40-х гг., до сих пор не увидевшие света. Мы пользовались лишь частично опубликованными дневниками Б. М. Эйхенбаума (РГАЛИ) и дневником Н. С. Державина (ПФА РАН). Но наибольшей ценностью, да и вообще едва ли не самым значительным неопубликованным источником для нашей работы являются записки профессора О. М. Фрейденберг, с машинописной копией которых мы могли ознакомиться благодаря Н. В. Брагинской. Дух этих записок во многом определил тональность настоящей работы²⁹.

Шестая группа – эпистолярный ленинградских ученых-филологов. Этот материал относится преимущественно к тому времени, когда ленинградские ученые были разбросаны войной по разным городам страны. Мы использовали в своей работе письма ученых из Архива РАН, ПФА РАН и ЦГАЛИ СПб.

Завершить обзор неопубликованных источников хотелось бы перечнем того, что было желательно, но по не зависящим от нас причинам не оказалось возможным использовать в нашей работе. Речь идет даже не о тех документах, доступ к которым для рядовых исследователей с 2004 г. был окончательно закрыт по политическим мотивам (от комплексов важнейших партийных документов, остающихся на хранении в Архиве Президента РФ, до следственных дел Г. А. Гуковского, А. А. Вознесенского и многих других в ЦА ФСБ)³⁰. Хотя и здесь ужесточения с каждым годом все более напоминают спуск железного занавеса. В ЦА ФСБ, например, даже получение стандартных кратких справок по уголовным делам (дата и причина ареста, дата вынесения приговора и прочие краткие сведения), ранее не встречавшее сложностей, ныне сопряжено с серьезными трудностями, которые оказались для наших скромных возможностей, увы, непреодолимыми. Также органы ЗАГС, где ранее без особенного труда мы уточняли даты смерти, с некоторого времени перестали предоставлять такую информацию, мотивируя свой отказ «конфиденциальностью»³¹. Кроме того, в РГАСПИ и ЦГАИПД СПб в последние годы оказались закрытыми некоторые документы, которые беспрепятственно выдавались нам ранее³², и т. д. Эти преграды могут быть объяснены обстоятельствами переживаемого нами периода борьбы с «фальсификацией истории» и носят всеобщий характер.

Говоря о неопубликованных источниках, необходимо упомянуть и те, которые оказались недоступными по иным обстоятельствам. Вероятно, эти документы и не столь важны для нашей работы, особенно с учетом уже выявленных материалов, но одно осознание того, что они существуют, но нет никакой возможности с ними ознакомиться, не дает нам покоя. Перечислим наиболее болезненную *desiderata*. Во-первых, в конце 1990-х гг. наследники Б. М. Эйхен-

---

²⁹ Читатель сможет не раз убедиться в том, насколько точно и бесстрашно Ольга Михайловна диагностирует эпоху; вместе с тем необходимо оговорить то обстоятельство, что в личностных характеристиках она может быть излишне категоричной. (Хотя и не настолько, чтобы согласиться с мнением В. М. Алпатова, будто «принимать на веру оценки Фрейденберг (что в наши дни нередко делается) никак нельзя»; см.: *Алпатов В. М.* Волошинов, Бахтин и лингвистика. М., 2005. С. 95.)

³⁰ Законодательно это было закреплено в статье 24.4 Федерального закона РФ от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации»: «Ограничение на доступ к архивным документам, содержащим сведения о личной и семейной тайне гражданина, его частной жизни, а также сведения, создающие угрозу для его безопасности, устанавливается на срок 75 лет со дня создания указанных документов...»

³¹ Действующий Федеральный закон РФ «Об актах гражданского состояния» (№ 143-ФЗ от 15 ноября 1997 г., в том числе и в редакции с последними изменениями на 28 июля 2010 г.) в статье 9.1. устанавливает, что «повторное свидетельство о регистрации акта гражданского состояния выдается: <...> родственнику умершего или другому заинтересованному лицу в случае, если лицо, в отношении которого была составлена ранее запись акта гражданского состояния, умерло»; однако после принятия в 2004 г. Закона об архивном деле РФ это выполняется только в том случае, если в заявлении указывается точная дата смерти.

³² Некоторые документы для сверки текста нам удалось получить вновь лишь после процедуры рассекречивания; некоторые документы вновь получить так и не удалось.

баума закрыли для доступа исследователей его личный фонд (РГАЛИ. Ф. 1527)³³. Во-вторых, не обработаны и не выдаются рядовым читателям материалы личного фонда Л. Я. Гинзбург (ОР РНБ. Ф. 1377). В-третьих, долгие годы лежат без движения коробки с материалами журнала «Звезда» за послевоенные годы, которые также не выдаются исследователям (РО ИРЛИ РАН. Ф. 109). И, наконец, закрыт фонд стенгазет академических учреждений, в составе которого, согласно описи, имеются и стенгазеты Пушкинского Дома за 1940-е гг. (ПФА РАН, разряд VII)³⁴.

Важными для настоящей работы оказались аудиовизуальные источники: мы ознакомились с хранящейся в РГАКФД (г. Красногорск Московской обл.) практически исчерпывающей подборкой киножурналов 1940-х гг. и прочих киноматериалов, изготовленных Ленинградской студией кинохроники («Ленинградский киножурнал», документальные спецвыпуски и т. д.). На основании монтажных карт хроникальных кинолент, которые были просмотрены полностью за интересующие годы, оказалось возможным просмотреть в РГАКФД интересующие выпуски всесоюзных киножурналов («Новости дня», «Союзкиножурнал» и др.), выпущенных на Центральной студии документальных фильмов (г. Москва), в которых имеются киноматериалы по теме нашей работы³⁵. Запись документальной ленты «Разгром» (Ленинградское телевидение, 1989 г.), использованная в настоящей работе, была нами получена из архива К. М. Азадовского.

Материалы РГАФД (бывший Архив звукозаписей СССР) использовались для уточнения цитат из выступлений руководителей партии и правительства, поскольку стенограммы зачастую серьезно редактировались перед выходом в свет (в меньшей степени такие различия между звукозаписями и печатными изданиями характерны для выступлений А. А. Жданова, в большей – для речей И. В. Сталина)³⁶. Здесь же укажем, что наше обращение к фонотеке бывшего Ленинградского радиокомитета (ГТРК «Санкт-Петербург») не принесло результата, поскольку материалы за 1940-е гг. в ее фондах практически отсутствуют.

Подбор иллюстраций, которому мы уделили значительное внимание на последнем этапе работы, производился преимущественно в государственных хранилищах – РГАКФД, ЦГАКФФД СПб, ПФА РАН, фототеке Музея ИРЛИ РАН, фототеке ВМП; ряд фотографий почерпнут из частных собраний. В РГАКФД с целью подбора иллюстраций мы использовали как фотофонд, так и кинофонд архива, включая немые киноленты Центральной и Ленинградской студий документальных фильмов. При подборе иллюстраций мы не только стремились найти малоизвестные или совсем неизвестные кадры, но и не нарушить хронологических рамок работы. При этом подписи к иллюстрациям тщательно перепроверялись, а в большинстве случаев – делались нами заново.

³³ Оговоримся, что несколько единиц хранения, шифры которых были нам известны по ссылкам в литературе, были нам выданы; но прочие материалы, равно как и как опись фонда, остались недоступными.

³⁴ Некоторые материалы стенгазет, своевременно не переданных в 1950-х гг. в Архив АН СССР и оставшихся таким образом в ИРЛИ, были частично опубликованы в кн.: Пушкинский Дом в лицах: Неформальная история в фотографиях, рисунках и забытых текстах / Сост. В. С. Логинова. СПб., 2007.

³⁵ О роли документального кино как исторического источника мы скажем словами чехословацкого режиссера Петра Скалы (род. 1947): «Документальный фильм, на мой взгляд, как бы бомба с часовым механизмом. Поскольку, с одной стороны, мы обращаемся к современнику, к его жизни в нынешнем мире, а затем через столько-то лет рассказываем будущим поколениям о нашем времени и о нашем видении этого мира. История немилосердно выведет на свет все наши непоследовательности, слабости и неспособности. История проверит, говорили ли мы правду или нет. Если мы врани современникам, то наши дети простым сопоставлением фильмов с историческими фактами выяснят, как много мы врани. Они даже выяснят, зачем мы это делали. И таким образом документальный фильм скажет правду о времени и правду о нас. Это и есть незаменимая роль документального фильма, это и есть наша ответственность перед сегодняшним и завтрашним днем, поскольку документальный фильм говорит даже тогда, когда он умалчивает» (Скала П. Помнить о страшном суде / Правда времени и правда о времени, 1987 // Документальное кино: вчера, сегодня, завтра...: (По материалам международных симпозиумов документалистов. Город Юрмала, 1977–1989 гг.): Сборник стенограмм. Б. м. и г. С. 33–34).

³⁶ К сожалению, среди звукозаписей РГАФД 1940-х гг. имеются лишь те, которые передавались полностью по Всесоюзному радио или издавались в виде грампластинок.

* * *

Несколько слов о структуре работы и о принятом нами подходе к использованию источников. Книга состоит из 7 глав и заключения; в главах 1–2 рассматривается эволюция советской государственной идеологии 1940-х гг., а также различные политические и социально-экономические обстоятельства эпохи, без которых невозможно объективно воспринимать главы 3–6, где представлена картина наступления идеологии на филологию и хроника ленинградской науки о литературе второй половины 1940-х гг. Последняя глава повествует о судьбах основных участников описываемых в книге событий.

В тексте работы весьма значительное место занимают выдержки из источников, причем мы сознательно не передаем их содержание своими словами, а стараемся по возможности приводить в виде цитат. Хотя эстетика документов той эпохи достаточно неприглядна, и «мы разумеем риторику ее лганья, семантику полуслов и перифраз, неконтролируемые подтексты»³⁷, однако это разумение, как нам кажется, приходит лишь при общении непосредственно с источниками. Что же касается до того, что обилие цитат, причем довольно тяжелых по слогу, порой грозит раздавить читателя монотонностью трагической безысходности, то здесь также нужно сказать об умышленном характере такого приема. Постоянное давление эпохи на человека, «удушающий газ», как называла сталинскую «заботу» О. М. Фрейденберг, было настолько тягостно, что, быть может, нам удастся хотя бы посредством цитат передать толику той атмосферы, в которой вынуждены были существовать участники событий – «в это дикое время, среди этого мракобесия, лакейства и подлости»³⁸.

Кроме того, именно благодаря цитатам мы попытались избежать категоричности авторских суждений, предоставляя возможность говорить историческим источникам – не только более красноречивым и беспристрастным, но и более убедительным.

При цитировании документов мы старались по возможности сохранить в неприкосновенности их стиль, но несоответствия правилам современной орфографии, которые не несут смыслового или историко-культурного значения, равно и откровенные несообразности, опiski и опечатки, исправлены нами при публикации без дополнительных оговорок.

Даже с учетом вынужденных сокращений наша работа может показаться громоздкой, перегруженной фактами, излишними подробностями, нарочито выверенными датами, точным указанием должностей и прочим. «Ваша работа переполнена материалом, фактов чересчур много, но ни одной мысли!»³⁹ Осознавая эту особенность, лишь скажем, что именно подробная фактологическая скрупулезность послужила твердым основанием для документального исследования и обоснованных выводов.

Также мы осознаем то обстоятельство, что многие из публикуемых нами фактов или документов достойны более подробных комментариев; однако ограниченность объема книги не позволила нам изложить свои мысли по многим вопросам во всей полноте.

* * *

Пользуясь такой возможностью, считаю необходимым поблагодарить всех, кто поощрял автора как помощью и добрым отношением, так и долготерпением.

---

³⁷ *Тименчик Р. Д.* Анна Ахматова в 1960-е годы. М.; Торонто, 2005. С. 10.

³⁸ Слова Б. М. Эйхенбаума из дневника, 11 июля 1947 г.; цит. по: *Тоддес Е. А.* Б. М. Эйхенбаум в 30–50-е годы: К истории советского литературоведения и советской гуманитарной традиции // *Тыняновский сборник*. М., 2002. Вып. 11. С. 687.

³⁹ Мы осмелились привести цитату из отзыва С. А. Жебёлева на одну из работ О. М. Фрейденберг (*Брагинская Н. В.* Филологический роман: Предварение к запискам Ольги Фрейденберг // *Человек*. М., 1991. Вып. 3. С. 143).

Прежде всего, Елизавету Викторовну Дружинину и Александра Львовича Соболева, чью постоянную поддержку я чувствовал все годы работы над книгой; Марину Витальевну Бокариус и Михаила Пантелеевича Лепехина, которые искренне и безотказно помогали мне добрыми советами; Нину Владимировну Брагинскую за возможность воспользоваться неопубликованными материалами О. М. Фрейденберг; Марину Федоровну Румянцеву, Юрия Николаевича Жукова, Романа Борисовича Казакова и Александра Сергеевича Сигова за помощь и неизменное дружеское отношение.

Также спешу поблагодарить тех, кто внимательно и терпеливо прочитал рукопись книги и высказал свои мнения и замечания относительно прочитанного – моих рецензентов Константина Марковича Азадовского и Рафаила Шоломовича Ганелина, а также издателя Ирину Дмитриевну Прохорову. Не могу не отметить и значительную помощь, оказанную мне редактором Олегом Васильевичем Ивченко в процессе работы над книгой.

Отдельная благодарность – сотрудникам всех архивохранилищ, где мне представилась счастливая возможность работать, а особенно – Галине Рауфовне Злобиной (РГАЛИ), Нине Ивановне Абдулаевой и Людмиле Геннадиевне Киселевой (ГА РФ), Вере Игоревне Поповой и Наталии Викторовне Быковой (ЦГАИПД СПб), Ирине Георгиевне Таракановой (АРАН), Наталье Сергеевне Прохоренко и Ирине Владимировне Тункиной (ПФА РАН), Ларисе Яковлевне Федудиной (ЦГА СПб), Ларисе Сергеевне Георгиевской (ЦГАЛИ СПб), Лесе Борисовне Кучер (Архив СПбГУ), Ларисе Александровне Тимохиной (ЦХСФ Росархива, г. Ялуторовск Тюменской обл.), Валентине Сергеевне Логиновой (Музей ИРЛИ РАН).

Москва, февраль 2011 г.

Глава 1

Большая идеология

День роспуска Коминтерна, 15 мая 1943 г., казался многим современникам знаменательным: наконец-то большевики сами отказались от идеи мирового господства «пролетариев всех стран». На фоне победных новостей с фронтов роспуск Коминтерна казался еще одним из взятых городов или еще одной из выигранных кровопролитных битв, за которыми должны были последовать еще более масштабные и радостные свершения на идеологическом фронте. По крайней мере, как свидетельствуют агентурные сводки Наркомата государственной безопасности, именно такие мысли рождались в умах интеллигенции.

«Скоро нужно ждать еще каких-нибудь решений в угоду нашим хозяевам (союзникам), наша судьба в их руках. Я рад, что начинается новая разумная эпоха. Они научат нас культуре...»⁴⁰ – говорил К. И. Чуковский. В этом же ключе высказывался профессор-пушкиновед С. М. Бонди:

«Для большевиков наступил серьезный кризис, страшный тупик. И уже не выйти им из него с поднятой головой, а придется ползать на четвереньках, и то лишь очень короткое время. За Коминтерном пойдет ликвидация более серьезного порядка... Это не уступка, не реформа даже, целая революция. Это – отказ от коммунистической пропаганды на Западе, как помехи для господствующих классов, это отказ от насильственного свержения общественного строя других стран. Для начала – недурно... Вот вам то первое, творческое, что дали немцы и война с ними...»⁴¹

Более категоричен был Я. Э. Голосовкер:

«Советский строй – это деспотия, экономически самый дорогой и непроизводительный порядок, хищническое хозяйство. Гитлер будет разбит и союзники сумеют, может быть, оказать на нас давление и добиться минимума свобод...»⁴²

Но не все были столь единодушны; тонко чувствующий конъюнктуру времени В. Б. Шкловский не отходил от трезвого пессимизма:

«Все равно, у нас никто не в силах ничего изменить, если нет указки свыше... Меня по-прежнему больше всего мучает та же мысль: победа ничего не даст хорошего, она не внесет никаких изменений в строй, она не даст возможности писать по-своему и печатать написанное»⁴³.

Но лишь будущее могло подтвердить или опровергнуть начертанные перспективы внутривнутриполитических изменений. В приведенных выше цитатах обращает на себя внимание то, что высказывания объединены одинаковым заблуждением, будто «спасение» придет извне. Именно преувеличением роли и влияния союзников на поступки сталинского руководства отличались настроения тех лет. Иногда такие настроения даже превращались, как, например, в словах К. А. Федина, в страх:

---

⁴⁰ Сообщение Управления контрразведки НКГБ СССР «Об антисоветских проявлениях и отрицательных политических настроениях среди писателей и журналистов». [Не позднее 24 июля 1943 г.] // Власть и художественная интеллигенция... С. 491.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. С. 492.

⁴³ Сообщение Управления контрразведки НКГБ СССР... С. 493–494.

«Ничего мы сделать без Америки не сможем. Продав себя и весь свой народ американцам со всеми нашими потрохами, мы только тогда сможем выйти из этого ужаса разрушения... Отдав свою честь, превратившись в нищих и прося рукой подаяния, – вот в таком виде мы сейчас стоим перед Америкой. Ей мы должны поклониться и будем ходить по проволоке, как дрессированные собаки...»⁴⁴

Трудящиеся тыла испытывали иное воздействие союзников: поступавшие из-за границы в качестве помощи продовольственные товары, предметы одежды и повседневного быта почти всегда превосходили по качеству и удобству отечественные; причем некоторые бытовые новинки казались иноземным чудом – например, застежки типа «молния» на бывшей в употреблении заграничной одежде. Вполне естественно, что это порождало непривычный для советского человека притягательный образ западных стран и соответствующие настроения. Даже на фронте, куда от союзников поступали медикаменты и перевязочные материалы, были заметны их значительные преимущества перед отечественными аналогами.

Действительно, примерно с момента заключения 23 августа 1939 г. Советско-германского договора о ненападении (пакт Молотова – Риббентропа) сталинское руководство оказалось отвлечено подготовкой войны с Германией, тем самым сила воздействия на идеологическом направлении несколько ослабла. Репрессии, волна которых уменьшилась в конце 1938 г., перестают носить сплошной и всепоглощающий характер; появляются намеки на свободу литературно-художественного творчества и научной работы. В общественных науках открываются возможности для обсуждения устоявшихся концепций и даже их критики. Одновременно война настолько мобилизовала моральные силы советских людей, что страна испытывала гигантский подъем патриотизма, а с переломом войны – все возрастающей национальной гордости.

Вместе с тем народ-победитель надеялся и на милость от власти; лелеялось и ожидание большей свободы. «Да и с фронта, – говорил в 1943 г. поэт И. Уткин, – придут люди, которые захотят, наконец, получше жить, посвободнее...»⁴⁵

Все это были ожидания военного времени, которое, несмотря на все ужасы, казалось совершенно новой эпохой. Б. Л. Пастернак писал в романе «Доктор Живаго»:

«...По отношению ко всей предшествующей жизни тридцатых годов, даже на воле, даже в благополучии университетской деятельности, книг, денег, удобств, война явилась очистительной бурей, струей свежего воздуха, веянием избавления. <...> И когда возгорелась война, ее реальные ужасы, реальная опасность и угроза реальной смерти были благом по сравнению с бесчеловечным владычеством выдумки и несли облегчение, потому что ограничивали колдовскую силу мертвой буквы».

Но именно «мессианские» настроения внутри страны, а также, начиная с освобождения Европы, рассказы демобилизованных солдат об условиях заграничной жизни, резко контрастирующие с традиционным, сформированным многолетней пропагандой представлением советского человека, заставили руководство страны задуматься о возможных последствиях. Поэтому с того самого момента, как ход войны был переломлен, активизируется работа сталинского идеологического аппарата. И если с началом войны целью пропаганды являлось усиление патриотизма и антинемецких настроений, то теперь идеологический вектор был направлен на разжигание национальной гордости с одновременной жесткой критикой прозападных настро-

---

⁴⁴ Там же. С. 495.

⁴⁵ Там же. С. 488.

ений и симпатий. И эта идеология наступала широким фронтом с середины войны вплоть до конца 1940-х гг., когда она окончательно вытеснила какие-либо альтернативные настроения.

Еще до этого, 31 июля 1942 г., секретарь Московского обкома и горкома ВКП(б) и одновременно секретарь ЦК ВКП(б) по пропаганде А. С. Щербаков на заседании Бюро МГК ВКП(б) вдруг вспомнил об обсуждении в конце 1935 г. в ЦК вопроса о героизме Минина и Пожарского:

«...Много было нигилизма к своей русской истории (непонимание наследства), а затем поняли. После постановления ЦК партии было издано много книг о Минине и Пожарском, об Александре Невском... Это указание ЦК партии было связано с разгромом троцкистских и бухаринских историков, с разгромом школы Покровского – вот это куда вело»⁴⁶.

Однако исходили подобные умонастроения, конечно, не от Щербакова, а от руководителя страны. Еще до войны Сталин верифицировал свои мысли; впервые во всеуслышание он высказал свою точку зрения 17 марта 1938 г. в Кремле на торжественном приеме в честь папанинцев:

«За малоизвестных раньше, а теперь известных всему миру наших героев, за папанинцев! За то, чтобы мы, советские люди, не пресмыкались перед западниками, перед французами, перед англичанами и не заискивали перед ними! За то, чтобы мы, советские люди, усвоили, наконец, новую меру ценности людей, чтобы людей ценили не на рубли и не на доллары! Что такое доллар? Чепуха! За то, чтобы мы научились, как советские люди, ценить людей по их подвигам! А что такое подвиг, чего он стоит? Никакой американец, никакой француз, никакой англичанин вам этого не скажет, потому что у него есть одна оценка – доллар, стерлинг, франк. Только мы, советские люди, поняли, что талант, мужество человека – это миллиарды миллиардов презренных долларов, презренных стерлингов, презренных франков (слова Сталина покрываются бурной овацией всех присутствующих)»⁴⁷.

Осенью того же 1938 г. Сталин, по воспоминаниям Ю. А. Жданова, озвучил подобные мысли на праздновании 40-летия МХАТа:

«Знайте, что в мире нет театра, подобного вашему, и, поверьте, французы подметки вашей не стоят. У нас, у русских, с дореволюционных времен сохранилось преклонение перед границей. Это рабская черта. На этом иностранные шпионы ловили русских людей»⁴⁸.

Но вряд ли эти высказывания вождя стали полной неожиданностью; еще летом 1936 г. в газетах получили отклик две кампании, знаменующие новую линию во внутренней политике. То были кампании по обвинению математика Н. Н. Лузина и сотрудников Пулковской обсерватории во главе с Б. П. Герасимовичем в антипатриотизме и преклонении перед иностранщиной. Тогда стал очевиден формирующийся политический вектор, и, видя аресты своих коллег, «советские ученые полагали неблагоприятным публиковать свои статьи за границей или участвовать в работе западных лабораторий»⁴⁹. В те годы Большой террор окончательно отбил желание налаживать связи с границей.

---

⁴⁶ Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина... С. 252.

⁴⁷ Сталин И. В. Сочинения. Тверь, 2006. Т. 18. С. 153.

⁴⁸ Жданов Ю. А. Взгляд в прошлое: Воспоминания очевидца. Ростов-на-Дону, 2004. С. 159.

⁴⁹ Александров Д. А. Почему советские ученые перестали печататься за рубежом: Становление самодостаточности и изолированности отечественной науки, 1914–1940 // Вопросы истории естествознания и техники. М., 1996. № 3. С. 3. (Цит. фраза А. Вусинича.)

Мысль Сталина была мгновенно подхвачена партийной печатью: 1 мая 1938 г. журнал ЦК ВКП(б) «Большевик» напечатал статью Б. М. Волина⁵⁰ «Великий русский народ», заголовок которой станет девизом советской идеологии следующих пятнадцати лет. Да и все основные идеи этой, тогда еще не вполне понятной, идеологии оказались сформулированы умелым пером Волина:

«Советский патриотизм русского народа – это любовь к социалистической родине – отечеству трудящихся всего мира. Советский патриотизм неразрывно связан с пролетарским интернационализмом, с симпатиями к трудящимся всего мира, борющимся против фашизма, против империалистической буржуазии. <...>

Нет такой отрасли мировой науки и культуры, где бы русский народ не был представлен своими талантливыми сынами.

Гений русского народа неиссякаем. Он творил вопреки неистовствам и зверствам господствующих классов и их правительств. Гений русского народа в великую социалистическую эпоху творит свободно и радостно на свободной советской земле.

Русская литература, русская наука, русское искусство являлись и являются образцом для всех народов нашей страны, для трудящихся всего мира. Культура народов СССР исторически связана с культурой русского народа, она неизменно испытывала и испытывает на себе благотворное влияние передовой русской культуры. Народы СССР с живейшим интересом и вниманием изучают русский язык, изучают искусство, литературу, науку, созданную русским народом. <...>

Иуда-Бухарин в своей ненависти к социализму клеветнически писал о русском народе как о “нации Обломовых”. Гончаровское понятие “обломовщины” этот гнусный фашистский выродок пытался использовать в своих контрреволюционных целях. Это была подлая клевета на русскую нацию, на мужественный, свободолюбивый русский народ, который в неустанных боях, в напряженнейшем труде выковал свое счастливое настоящее и создает еще более счастливое и прекрасное будущее»⁵¹.

Эта программная статья без труда нашла отклик в историко-литературной области: здесь проводником идей патриотизма оказался Валерий Яковлевич Кирпотин, профессор Института красной профессуры и сотрудник ИМЛИ имени А. М. Горького (в 1932–1936 гг. секретарь Оргкомитета ССП СССР и заведующий сектором художественной литературы Отдела партийной пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)). 15 июня 1938 г. в том же журнале «Большевик» вышла в свет его статья под нейтральным заглавием «Русская культура», однако она символично началась словами: «Русский народ – великий народ». Эта статья, подобно другим текстам этого тенденциозного литературного критика, выдает и неудовлетворенные амбиции самого Кирпотина, который претендовал на лавры идеолога в области литературы:

---

⁵⁰ Волин Борис Михайлович (настоящее имя Фрадкин Иосиф Ефимович; 1886–1957), – публицист и партийный деятель, член РСДРП с 1904 г., в 1918–1922 гг. близко общался с В. И. Лениным, делегат VIII, IX и XVI съездов партии. Уже в середине 20-х гг. встал на сторону Сталина, играл важную роль в системе политпросвещения. В 1931–1935 гг. директор ИКП, начальник Главлита и член Коллегии НКП, в 1935–1936 гг. руководил Отделом школ ЦК ВКП(б), в 1936–1937 гг. заместитель министра просвещения РСФСР, затем заведующий кафедрой марксизма-ленинизма в ИФЛИ (с 1939 г. – профессор). В 1941 г. ушел на фронт, участвовал в партизанском движении, после войны работал в ИМЭЛ и преподавал в МГУ. С 1931 по 1945 г. был главным редактором «Исторического журнала», позднее входил в редколлегию «Вопросов истории». См.: *Куй-бышева К. С.* Борис Михайлович Волин // Воспитанники Московского университета – большевики дооктябрьского призыва: Библиограф. словарь. М., 1977. С. 53–59.

⁵¹ *Волин Б.* Великий русский народ // Большевик. М., 1938. № 9. 1 мая. С. 26–27, 34.

«Неизбежное торжество социализма во всем мире подготовлено всей предшествующей историей человечества. Триумф учения Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина в нашей стране – воплощение в жизнь мечты лучших умов всех прошлых поколений, в том числе и лучших людей прошлой культуры русского народа. Русский народ уже в начале своей исторической жизни проявил высокие гражданские доблести и замечательную творческую энергию. Во времена феодальной раздробленности среди русского народа жило сознание национального единства. Летопись повествует об истории “русской земли”, ставя понятие национального единства и национальный патриотизм выше антагонизма уделов. Русский народ населял территорию, веками подвергавшуюся нападениям воинственных кочевников. Воодушевлением в борьбе за единство русского народа, против врагов-иноземцев рождено “Слово о полку Игореве” <...>.

То, что было не под силу даже гигантской и всевластной энергии Петра I, сделал гениальный русский ученый, крестьянский сын Михайло Ломоносов. <...> Ломоносов впервые сделал русский язык языком науки и литературы. В этом он является гениальным предшественником Пушкина. В среде, смотревшей на родной язык как на язык варваров, Ломоносов с истинно патриотической гордостью доказывает теоретически и практически полноценность и богатство русского языка. <...> Связанный кровными узами с русским народом, Ломоносов думал не о корысти или о карьере, а о благе народа и о величии своей страны <...>.

Мировая роль русской культуры проявилась с особенной силой, в невиданном масштабе, когда во главе революционной борьбы русского народа стал рабочий класс. <...> Это обстоятельство и явилось причиной превращения России в очаг ленинизма – «высшего достижения» (Сталин) русской культуры.

Деятельность вождей рабочего класса – Ленина и Сталина, – воспитанных на опыте мирового революционного движения и революционных традициях русского народа, превратила нашу страну в центр мировой культурной жизни. Народы всего мира смотрят на русский народ как на учителя борьбы и победы. Советский народ пользуется величайшей любовью и уважением среди всех народов мира. Труднейшие проблемы, над разрешением которых билось все человечество, впервые разрешены народами СССР во главе с русским народом, под руководством Ленина и Сталина»⁵².

В качестве образца советского патриота Кирпотин выдвигает Горького:

«А. М. Горький был патриотом своей социалистической родины, учеником, единомышленником, другом и соратником Ленина и Сталина. Он звал всех честных работников культуры всего мира под знамя Ленина – Сталина, он учил в каждом деле руководствоваться великими идеями Ленина и Сталина. <...>

Горький, этот величайший гуманист, страстно ненавидел врагов рабочего класса, врагов народа, врагов культуры. “Если враг не сдается – его уничтожают”, – говорил Горький. Эти слова Горького продиктованы великой любовью к трудящимся. Подлейшие из подлых, изменники и предатели, шпионы и наемники фашистских контрразведок, троцкистско-бухаринские бандиты убили Горького, величайшего мастера русской и

---

⁵² Кирпотин В. Русская культура // Большевик. М., 1938. № 12. 15 июня. С. 47–49, 55, 57.

мировой культуры, ибо они являются злейшими врагами культуры, злейшими врагами трудящихся всего мира и русского народа, посягавшими на существование СССР – родины всего передового человечества»⁵³.

Однако маховик пропаганды советского патриотизма, готовый раскрутиться еще тогда, не был запущен: внешняя политика Сталина требовала попридержаться великодержавные амбиции и продемонстрировать лояльность фашизму. Но осенью 1941 г., когда анестетическая оторопь от гитлеровского нападения отпустила руководство страны, идеологическая машина начала активно работать – тема русского героизма стала самой актуальной.

«Вероятно, он раньше и лучше других в партийном руководстве понял, что народ не будет воевать за колхозы, а за родину – будет, что война должна быть отечественной»⁵⁴.

7 ноября 1941 г. «Правда» напечатала речь Сталина, сказанную накануне на торжественном заседании Моссовета. В частности, глава государства сказал о фашистах:

«И эти люди, лишенные совести и чести, люди с моралью животных, имеют наглость призвать к уничтожению великой русской нации – нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова!»

А уже с начала 1943 г. газета «Литература и искусство», у руля которой стоял секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Фадеев, начала масштабную кампанию по пропаганде русского патриотизма. Велась она достаточно тонко, особенно с учетом таланта главного редактора – а Фадеев был очень умелым политическим стратегом. Поэтому газета не так часто публиковала громкие редакционные передовые, делая упор на персональные выступления известных деятелей литературы и искусства – А. Н. Толстого, И. Г. Эренбурга, А. М. Герасимова и др.⁵⁵ Давая возможность высказаться представителям литературы и искусства, газета таким образом формировала новое мировоззрение коллег по цеху (газета «Литература и искусство» на несколько военных лет объединила «Советское искусство» и «Литературную газету»)⁵⁶.

Стоит отметить, что именно в газете «Литература и искусство» 3 июля 1943 г. в статье И. Эренбурга «Долг искусства» появилось не слишком знакомое слово, которое через несколько лет станет клеймом:

«...Мы знаем, что искусство связано с землей, с ее солью, с ее запахом, что вне национальной культуры нет искусства. Космополитизм – это мир, в котором вещи теряют цвет и форму, а слова лишаются их значимости»⁵⁷.

Да и сам Фадеев, выступая с весны 1943 г. в подобном ключе, не жалел сил для пропаганды советского патриотизма. Сделав в конце августа на созванном ГлавПУРОм РККА совещании редакторов фронтовых и армейских газет доклад «О советском патриотизме и национальной гордости народов СССР», он затем выступил с ним по радио, после чего в последние месяцы 1943 г. переработанный автором текст доклада был напечатан сразу в нескольких жур-

⁵³ Кирпотин В. Русская культура. С. 58–59.

⁵⁴ Ганелин Р. Ш. СССР и Германия перед войной: Отношения вождей и каналы политических связей. СПб., 2010. С. 267. (Цитируется фраза из письма А. Х. Горфункеля Р. Ш. Ганелину, 2001 г.)

⁵⁵ Подробнее см.: Жуков Ю. Н. Сталин: тайны власти. С. 191–194.

⁵⁶ «Литература и искусство» – газета Союза советских писателей СССР и Всесоюзного комитета по делам искусств при СНК СССР, выходила с 1 января 1942 по 28 октября 1944 г.; начиная с 7 ноября 1944 г. «Советское искусство» и «Литературная газета» стали выходить по отдельности. См.: Газеты СССР, 1917–1960: Библиографический справочник. М., 1970. Т. 1. С. 35.

⁵⁷ Цит. по: Жуков Ю. Н. Указ. соч. С. 191–194.

налах («Под знаменем марксизма», «Знамя», «Краснофлотец» и др.) Столь массивное внедрение идей, доступно отраженных в названии доклада, в народные массы велось, несомненно, с ведома ЦК ВКП(б). Кроме непосредственной пропаганды, Фадеев указал и на явления, которым нет места в условиях нового идеологического курса:

«Конечно, в нашей стране существует еще незначительное охвостье людей, враждебных нашему строю. Кроме того, враг засылает к нам своих агентов, которые могут пытаться путем разжигания националистических предрассудков и пережитков среди отсталых людей – вносить национальную рознь в братское содружество народов СССР или подрывать в наших народах чувство национальной чести и гордости раболепным преклонением перед всем, что носит заграничную марку, или ханжескими проповедями беспочвенного “космополитизма”, исходящего из того, что все, дескать, “люди на свете”, а нация, родина – это, мол, “отжившее понятие”.

Опыт войны наглядно показал, что в нашей стране нет почвы для того, чтобы эти вражеские попытки могли увенчаться сколько-нибудь серьезным успехом. Но эти попытки, рассчитанные на людей отсталых, могут причинять нам известный вред. Надо уметь вовремя разоблачать эти попытки и давать им жестокий отпор.

У нас в прошлом были такие люди, которые думали, что перенесение на нашу почву из стран Западной Европы всевозможных упадочных, безыдейных, формалистических школок в области искусства является чем-то «левым». В результате таких влияний мы получили, например, в области архитектуры некоторое количество серых, некрасивых зданий – коробок, в которых при всей их “левизне”, а вернее благодаря ей, совершенно невозможно жить. Чуждые влияния в свое время сказывались и в живописи, и в литературе, и в театре, и в музыке, и в кино.

Отечественная война окончательно разоблачила и отбросила эти не критически перенесенные с Запада, застарелые и изрядно вылинявшие пережитки декаданса в искусстве, всевозможные лжетеории – “искусства для искусства”, “формализма” – на основе которых за всю историю человечества, как известно, не было создано и не могло быть создано ничего подлинно великого.

Отечественная война разоблачила их окончательно потому, что они, эти пережитки и лжетеории, совершенно лишены народной, национальной почвы; они порождены претенциозной, но по существу своему глубоко антихудожественной, импотентной мыслью»⁵⁸.

Итак, представители так называемой творческой интеллигенции делались проводниками идей высшего руководства страны в борьбе с любыми порождениями той самой «глубоко антихудожественной, импотентной мысли», которая, несмотря на такое определение, в действительности была достаточно плодотворной.

Кроме того, уже с середины 1943 г. проводились различные совещания писателей, драматургов, кинематографистов, художников, где провозглашались всё те же идеи «русской национальной гордости», «великого русского патриотизма» и т. п. О таких совещаниях, а еще более об их идеологической составляющей тот же А. А. Фадеев писал в начале августа 1943 г. Вс. Вишневскому:

---

⁵⁸ Фадеев А. За тридцать лет: Избранные статьи, речи и письма о литературе и искусстве. М., 1957. С. 285–286.

«У нас закончилось на днях совещание, специально посвященное работе писателей на фронте. <...> Один из наиболее острых вопросов не только на нашем совещании, а и на пленуме Оргкомитета художников и на совещании композиторов по вопросам песни, был вопрос о сущности советского патриотизма, взятый в национальном разрезе. Есть люди, которые не очень-то хорошо понимают, почему мы так заостряем теперь вопрос о национальной гордости русского народа. Этому непониманию, к сожалению, способствуют некоторые деятели искусства, совершенно не понимающие глубоко советской сущности нашей национальной гордости, не понимающие того, что мы гордимся как раз тем, что история выдвинула нас в качестве передовой силы в освободительной борьбе человечества, и скатывающиеся к квасному “расейскому” патриотизму. Однако дело, конечно, не в них, поскольку корни шовинизма в русском народе да и в других народах СССР уже подрублены и им не на чем распусться. А дело в том, что среди известных кругов интеллигенции еще немало людей, понимающих интернационализм в пошло-космополитическом духе и не изживших рабского преклонения перед всем заграничным. Именно из этой среды в первый период войны раздавались голоса о будто бы существующем преимуществе немцев перед нами в области организации, в области военной науки и т. п. Мне кажется, что Эренбург, при всей его несомненной ненависти к немцам, не вполне, однако, понимает всего значения национального вопроса в области культуры и искусства и, сам того не замечая, противопоставляет всечеловеческое значение подлинной культуры ее национальным корням»⁵⁹.

Результатом такой масштабной «артподготовки» явилось то, что к началу 1944 г., «всего за несколько месяцев не только возросло, но и окрепло, пышно зацвело древо исконного, насчитывающего не одно столетие русского государственного национализма или национальной государственности. Вновь стала реальностью, хотя пока лишь внешне, в отдельных чертах, старая официальная идеология великодержавности, прежде отождествлявшаяся с самодержавием, решительно осуждавшаяся как противоречащая марксизму-ленинизму, с которой боролись более двух десятилетий...»⁶⁰.

Кроме общего воздействия, требовались и точечные удары по наиболее важным идеологическим областям. Особенное внимание Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), читай высшее руководство страны, уделяло литературе и кинематографии.

Для более умелого руководства кинематографией в структуре Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) 17 февраля 1943 г. Секретариатом ЦК ВКП(б) был учрежден отдел кинематографии⁶¹. С этого времени процесс не только утверждения, но и всей подготовки киносценариев ведомства И. Г. Большакова перешел под строгий контроль ЦК.

Что касается идеологических установок, в качестве каковых обычно воспринимались передовицы «Правды», постановления ЦК или выступления высших руководителей государства, то наблюдалось странное молчание.

⁵⁹ *Фадеев А.* Собрание сочинений: В 7 т. М., 1971. Т. 7. С. 140. Хотя составители датируют это письмо мартом – маем 1943 г., это, конечно, ошибка – совещание по песенной тематике состоялось в июле 1943 г.; кроме того, в начале письма Фадеев пишет о большом интересе А. Я. Таирова к новой пьесе Вс. Вишневского, разумея «У стен Ленинграда». 13 августа 1943 г. Вишневский записал в дневнике: «Сегодня дал Оттену письма для передачи в ЦК, Комитету искусств <...> Фадееву, журналу «Знамя» и пьесу для Таирова. Ну, «У стен Ленинграда» двинулось в Москву...» (*Вишневский Вс.* Собрание сочинений: В 5 т. М., 1958. Т. IV. С. 317). А 18 августа отметил: «Получил телеграмму от Таирова – благодарит за пьесу» (Там же. С. 328). То есть письмо Фадеева датируется первыми числами августа 1943 г.

⁶⁰ *Жуков Ю. Н.* Указ. соч. С. 189–190.

⁶¹ Там же. С. 195.

«Даже летом 1943 г., когда изменения идеологического курса приобрели уже достаточно отчетливые очертания, Щербаков и тем более Александров не сочли возможным познакомиться с ними деятелей кино. На совещании, созванном 31 июля на Старой площади, Щербаков сообщил писателям, драматургам, режиссерам не конкретные задания, не установки партии, а другое – сценаристы, мол, обязаны сами осознать, что же ждут от них. Он дал понять, что требуются не слепые исполнители чужой воли, а сознательные сторонники, люди, самостоятельно пришедшие к необходимым взглядам, сами занявшие определенную твердую позицию. И предложил пока единственную форму помощи – “совет”»⁶².

«Как может развиваться искусство без критики? – добавил Щербаков. – Это невозможно. Это значит поставить искусство в тепличные условия, под стеклянный колпак. Критика должна быть, во-первых, вокруг Союза советских писателей и вокруг Комитета по делам кинематографии. Они прежде всего должны организовать эту критику, критику товарищескую. Причем следует так разнести, чтобы камня на камне не осталось»⁶³.

Деятельность Комитета по делам кинематографии при СНК и его руководитель И. Г. Большаков фактически полностью были подчинены Управлению пропаганды и агитации ЦК, но личностная критика коснулась тогда по большей части одного А. П. Довженко. Сам режиссер в частной беседе по поводу критики его киноповести «Украина в огне» недоумевал: «Но почему у нас делается так, что сначала все говорят – “хорошо, прекрасно”, а потом вдруг оказывается чуть ли не клевета на советскую власть»⁶⁴.

Удивительно, что руководство страны в лице «зама по идеологии» – начальника ГлавПУРа РККА А. С. Щербакова не озвучило новых идеологических настроений в традиционном докладе в годовщину смерти Ленина 21 января 1944 г.; о патриотизме Щербаков даже не обмолвился⁶⁵. Тем не менее воздействие ЦК на идеологически важные сферы деятельности, оставшиеся без серьезного попечения в первые годы войны, продолжало усиливаться.

Но литературу, совершенно иную по масштабам и централизации, нежели кино, быстро обуздать не представлялось возможным. При этом по силе воздействия на массы литература была уникальным и давно испытанным, привычным для Сталина инструментом, который было необходимо настроить на верный лад. В первую очередь досталось «толстым» литературным журналам, на страницы которых, как было тогда установлено Центральным Комитетом, проникают «антихудожественные, политически вредные и лживо изображающие советский народ» произведения. Именно поэтому уже в декабре 1943 г. Секретариат ЦК ВКП(б) принимает два постановления.

2 декабря 1943 г. – «О контроле над литературно-художественными журналами», в котором осуждается повесть Зощенко «Перед восходом солнца» и стихи Сельвинского. На Управление агитации и пропаганды возлагается задача улучшения контроля над литературными журналами, причем ответственность за конкретные журналы распределена между руководителями Управления («Новый мир» – главе Управления Г. Ф. Александрову, «Знамя» и «Октябрь» – его заместителям А. А. Пузину и П. Н. Федосееву). А чтобы еще более повысить чувство лич-

⁶² Там же. С. 197.

⁶³ Там же. С. 198.

⁶⁴ Информация наркома государственной безопасности СССР В. Н. Меркулова секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Жданову о политических настроениях и высказываниях писателей. [31 октября 1944] // Власть и художественная интеллигенция. С. 525.

⁶⁵ Щербаков А. С. Под знаменем Ленина – Сталина советский народ идет к победе: Доклад 21 января 1944 года на торжественном заседании, посвященном XX годовщине со дня смерти В. И. Ленина. [М.; Л.], 1944.

ной ответственности, в постановлении подчеркивалось, «что наблюдающие за этими журналами несут перед ЦК ВКП(б) всю полноту ответственности за содержание журналов»⁶⁶.

Естественно, вслед за возросшей ответственностью контролирующего аппарата были предъявлены новые требования к редакциям, чему посвящено второе постановление (от 3 декабря 1943 г.) «О повышении ответственности секретарей литературно-художественных журналов», где редакторам выносятся на вид их бездеятельность: «В результате безответственного отношения секретарей журналов к публикации художественных произведений, в печать проникают серые, недоработанные, а иногда и вредные произведения»⁶⁷. В этом постановлении «Перед восходом солнца», напечатанная в журнале «Октябрь», характеризуется уже как «антихудожественная, пошлая повесть Зоценко», а стихотворение Сельвинского «Кого баюкала Россия» оценено как «политически вредное»⁶⁸.

Зоценко, узнав о постановлении, 8 января написал заявление в ЦК ВКП(б), где признал все свои ошибки и обещал загладить вину⁶⁹, чем в данном случае спас себя от последствий. Сельвинский же, не среагировавший в нужной форме, особенно учитывая наличие у него партбилета, удостоился персонального постановления Секретариата ЦК ВКП(б) «О стихах И. Сельвинского «Кого баюкала Россия»» от 10 февраля 1944 г., в котором отмечалось, что автор этим стихотворением «клеветает на русский народ»; вследствие чего было решено «освободить т. Сельвинского от работы военного корреспондента до тех пор, пока т. Сельвинский не докажет своим творчеством способность правильно понимать жизнь и борьбу советского народа»⁷⁰.

Оговоримся, что указанные постановления ЦК открыто не публиковались, не обсуждались в печати, а лишь были разосланы упоминавшимся в них авторам, редакциям и руководству ССП и имели, по сути, характер циркулярного письма. Удивительно, что о них особенно не вспоминали даже в 1946 г., когда уже одно их упоминание лишней раз доказывало бы правоту власти. «Причина того, что два столь важных партийных постановления оказались на деле засекреченными, крылась в том, что они так и не могли решить до конца те задачи, ради которых и замышлялись»⁷¹.

Конечно, ведавший в 1946 г. вопросами идеологии А. А. Жданов даже в заблокированном Ленинграде, будучи секретарем ЦК, получал для ознакомления и согласования документы Секретариата ЦК, помнил о постановлениях 1943 г., однако о них с трибуны не упоминал. Это обстоятельство свидетельствует о внутреннем, секретном (как и все материалы Секретариата ЦК) характере этих документов.

В литературных же кругах о настроениях Центрального Комитета знали – как по последствиям, так и по разъяснительным собраниям. Например, вполне осведомленный литературовед Л. И. Тимофеев записал в дневнике 6 января 1944 г.:

«В Союзе писателей – события. ЦК недоволен литературой: в ней еще не до конца поняли, что литература не только служение, но и служба. Асееву сказали, что в его стихах – голос врага (он писал об эвакуации – “Россия мучится, мочится, мечется” и т. п., говорят, впрочем, что там были и очень хорошие стихи). К журналам прикреплены “шефы” – к “Знамени” – Пузин, к “Октябрю” – Поспелов, к “Новому миру” – Александров. Фадеев выступил в

⁶⁶ Власть и художественная интеллигенция. С. 507.

⁶⁷ Там же. С. 508.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же. С. 509–510.

⁷⁰ Там же. С. 510.

⁷¹ Жуков Ю. Н. Указ. соч. С. 202.

Союзе с речью, в которой громил писателей “тунеядцев” и “молчалников” (в том числе Федина, Пастернака и др.)»⁷².

Но идеологический маховик раскручивался – руководство страны не было готово обходиться локальными мерами. Сталину было очевидно, что требуется коренное «первооружение» интеллигенции и поднятие массово-политической работы на совершенно иной уровень.

«О необходимости усиления этой работы свидетельствует также то, что на идеологическом фронте вскрыт ряд ошибок, извращений и шатаний. Серьезные ошибки вскрыты в работах отдельных работников литературного фронта, которые, оторвавшись от жизни, в своих трудах допустили грубейшие исторические и политические ошибки», – констатировал тогда глава Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР С. В. Кафтанов⁷³.

Неожиданное наступление Советского государства на «литературном фронте» самим литераторам казалось пугающим. Происходящее довольно точно резюмировал тогда К. И. Чуковский:

«... В литературе хотят навести порядок. В ЦК прямо признаются, что им ясно положение во всех областях жизни, кроме литературы. Нас, писателей, хотят заставить нести службу, как и всех остальных людей... В журналах и издательствах царят пустота и мрак. Ни одна рукопись не может быть принята самостоятельно. Все идет на утверждение в ЦК, и поэтому редакции превратились в мертвые, чисто регистрационные инстанции. Происходит страннейшая централизация литературы, ее приспособление к задачам советской империи»⁷⁴.

Окончательным свидетельством нового внутреннего курса СССР стало и исполнение в ночь на 1 января 1944 г. по Всесоюзному радио нового гимна СССР (утвержден 14 декабря на заседании Политбюро ЦК), который стал официально использоваться с 15 марта 1944 г. Ведь еще 28 октября 1943 г. на заседании Политбюро было отмечено, что «Интернационал» «по своему содержанию не отражает коренных изменений, происшедших в нашей стране»⁷⁵. Зато в новом гимне линия высшего руководства была озвучена уже в двух первых строфах:

Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки великая Русь⁷⁶.

---

⁷² Тимофеев Л. Дневник военных лет / Публ. О. И. Тимофеевой // Знамя. М., 2004. № 7. Июль. С. 153.

⁷³ Кафтанов С. В. Задачи высшей школы в 1944/45 учебном году: Обработанная стенограмма доклада автора на VII Пленуме ЦК Союза работников высшей школы и научных учреждений (август 1944 г.). М., 1944. С. 18.

⁷⁴ Информация наркома государственной безопасности СССР В. Н. Меркулова секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Жданову... // Власть и художественная интеллигенция. С. 523.

⁷⁵ Жуков Ю. Н. Указ. соч. С. 189.

⁷⁶ Сохранился рассказ выдающегося пианиста Э. Г. Гилельса, с которым Сталин беседовал на тему нового гимна: «“Тебе нравится гимн?” – спросил Сталин Гилельса (сильно проступал акцент) и испытующе посмотрел на него. “Нравится, Иосиф Виссарионович”. Сталин выждал небольшую паузу: “А мне – нэт!”» (Гордон Г. Б. Эмиль Гилельс: за гранью мифа. М., 2007. С. 157).

Философия – важнейшая отрасль идеологии

Вслед за литературой взор руководства страны устремился на общественные науки, первой и основополагающей из которых традиционно была философия. Именно налаживанию этой отрасли было посвящено постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 1 мая 1944 г. «О недостатках в научной работе в области философии». Это постановление – одно из двух решений Политбюро ЦК по Академии наук СССР, принятых за все военные годы (другое, касающееся организации АН Армянской ССР, было принято 29 октября 1943 г.).

Основные постулаты советской философии к тому времени уже были определены в работе Сталина «О диалектическом и историческом материализме», впервые опубликованной 12 сентября 1938 г. в «Правде»; в том же году работа Сталина вошла в канонический «Краткий курс истории ВКП(б)», и многократно издавалась отдельно. Таким образом, поскольку в актуальных проблемах философии все было предельно ясно, большинство серьезных исследований перетекло в плоскость истории философии. Впоследствии, в 1947 г. в дискуссии по книге Г. Ф. Александрова, директор Института философии АН СССР профессор Г. С. Васецкий констатировал, что «за последние восемь-девять лет (т. е. после выхода «Краткого курса». – П. Д.) почти все докторские диссертации защищались на историко-философские темы и ни одной докторской диссертации не было на актуальную тему исторического материализма в связи с социалистическим строительством»⁷⁷. Действительно, первой докторской диссертацией, защищенной в Институте философии (и вообще второй докторской диссертации по философии в СССР), была работа В. Ф. Асмуса «Эстетика классической Греции».

Конечно же, уход от актуальных проблем не мог стать панацеей от конфликта с властью ни в одной из областей науки, и рано или поздно идеологическая машина добиралась до всех. В этот раз баталии разразились вокруг многотомной «Истории философии», над которой с 1939 г. работал коллектив Института философии АН СССР. Первый том («философия античного и феодального общества») вышел весной 1941 г., в том же году появился второй («философия XV–XVIII вв.»), и в 1943 г. – третий («философия первой половины XIX в.»). Редакторами издания были Г. Ф. Александров, Б. Э. Быховский, М. Б. Митин и П. Ф. Юдин. В том же году авторский коллектив из восьми человек (кроме перечисленных в это число вошли В. Ф. Асмус, М. М. Григорьян, М. А. Дынник и О. В. Трахтенберг) был выдвинут на соискание Сталинской премии. В комиссию по Сталинским премиям Г. Ф. Александров представил три вышедших тома, а также один в рукописи – посвященный русской философии (с конца XV по XIX в. включительно). Коллективу в 1943 г. была присуждена Сталинская премия I степени, но, что вполне логично, только за вышедшие тома.

Издание «Истории философии» было бы продолжено, и авторский коллектив, скорее всего, получил бы еще одну Сталинскую премию, если бы в дело не вмешался профессор МГУ имени М. В. Ломоносова З. Я. Белецкий⁷⁸. С 1934 г. он был парторгом Института философии

⁷⁷ Дискуссия по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии», 16–25 июня 1947 г. С. 273.

⁷⁸ Белецкий Зиновий Яковлевич (1901–1969) – член РКП(б) с 1919 г., в 1925 г. окончил 1-й МГУ (медицинский факультет) (см.: Научные кадры ВКП(б): Персональный справочник о составе научных работников членов и кандидатов ВКП(б). [Издано с грифом «Секретно».] М., 1930. С. 30; именно по причине медицинского образования он поименован в разделе «физиология»). Окончив в 1929 г. ИКП, где он переквалифицировался в философа, Белецкий был отправлен в Ростовский университет (в 1929–1932 гг. заведовал кафедрой философии, в 1932–1933 гг. был заместителем директора), затем назначен директором в Ростовский институт марксизма-ленинизма (1933–1934). В 1934 г. переведен в Москву парторгом Института философии АН СССР; в 1943–1953 г. руководил кафедрой диалектического и исторического материализма философского факультета МГУ, затем был снят с занимаемой должности, а в 1955 г. уволен; стал преподавать в Московском инженерно-экономическом институте (в 1975 г. переименован в Институт управления). Им была инспирирована философская дискуссия 1947 г.; выступал с докладом на августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. Впрочем, он сам был проработан в МГУ в 1949 г. во время борьбы с космополитизмом (см.: Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации, 1938–1953 / Сост. Г. В. Костырченко. М., 2005. С. 324). Философ Г. П. Щедровицкий (1929–1994) дал в 1981 г. ему следующую характеристику:

фии, откуда был уволен в 1943 г. и перешел заведовать кафедрой на философский факультет МГУ⁷⁹. По-видимому, к такому шагу его подтолкнули личные причины: Белецкий, получив в 1929 г. звание профессора, не имел ученой степени, а когда после постановления СНК СССР от 13 января 1934 г. «Об ученых степенях и званиях» в ней возникла необходимость, то он, во-первых, не получил таковой «автоматически» распоряжением Президиума АН СССР (как большинство профессоров), а во-вторых, когда он подготовил в Институте философии диссертацию о развитии психики, то ее, несмотря на положительные отзывы, не допустили к защите соредакторы «Истории философии» Быховский и Юдин⁸⁰. И тогда, в конце зимы 1943 г., хорошо сведущий в вопросах исторического и диалектического материализма Белецкий написал развернутое письмо Сталину, в котором обращал внимание вождя на серьезные идеологические и теоретические ошибки, допущенные в третьем томе издания⁸¹.

Апелляция Белецкого к последней инстанции была смелым шагом, поскольку четыре соредактора критикуемого им издания были не просто цветом советской философской мысли. Г. Ф. Александров был кандидатом в члены ЦК ВКП(б) и руководил Управлением пропаганды и агитации ЦК (вскоре он станет членом Оргбюро ЦК и академиком); П. Ф. Юдин был директором Института философии и членом-корреспондентом АН СССР (членом ЦК и академиком он станет позднее); М. Б. Митин был членом ЦК, академиком АН СССР и директором ИМЭЛ при ЦК ВКП(б). Единственный член редколлегии, не входивший в состав советской элиты, был Б. Э. Быховский, «которого в известном смысле можно считать соавтором едва ли не всех глав этих томов и архитектором издания в целом»⁸². «Только Б. Э. Быховский по-настоящему проводил редакционную работу. Остальные члены редколлегии были заняты своими партийно-государственными делами и в лучшем случае имели дело с корректурами издания»⁸³.

Основной ошибкой тома было объявлено то, что в издании «смазано противоречие между прогрессивной стороной философии Гегеля – его диалектическим методом – и консервативной стороной – его догматической системой»⁸⁴.

Почему же в 1943 г. руководство страны вдруг проявило столь серьезное внимание к вопросам немецкой классической философии? Несомненно, в то время перед страной стояло множество более насущных задач. Подобный вопрос уже волновал других исследователей:

«Заведующий кафедрой диалектического материализма Зиновий Яковлевич Белецкий – горбун, подлинный Квазимодо, как будто только спустившийся с башен Нотрадама. Горбун, который, когда он стоял на кафедре, почти не был виден за ней, и он должен был, чтоб мы его видели, так сказать, подтягиваться, но все равно он едва выступал из-за кафедры. Это был очень резкий мужик, который почти ничего не писал – в этом состояла его жизненная стратегия, – он только читал лекции и делал доклады, причем запрещал как-либо фиксировать, подробно записывать их. У него был лозунг: “Понимать надо живую душу марксизма”. Но делалось это все просто для спасения. Это был человек, безусловно, очень сильный. У него было довольно много учеников, и до сих пор они существуют как такая компактная группа» (*Щедровицкий Г. П.* Я всегда был идеалистом... М., 2001. С. 251–252). Метафора мемуариста кажется нам удивительно точной. Белецкий был автором многих объемных доносов «на высочайшее имя», в том числе «целого трактата», обличающего Ю. А. Жданова, который рассматривался комиссией М. А. Суслова (*Жданов Ю. А.* Указ. соч. С. 304).

⁷⁹ Подробности о работе Белецкого в МГУ: *Батыгин Г. С., Девятко И. Ф.* Дело профессора З. Я. Белецкого // Из истории отечественной философии, XX век. М., 1998. Кн. 1. С. 218–242.

⁸⁰ *Батыгин Г. С., Девятко И. Ф.* Советское философское сообщество в сороковые годы: Почему был запрещен третий том «Истории философии»? // Вестник РАН. М., 1993. Т. 63. № 7. С. 634.

⁸¹ Само письмо до сих пор не выявлено, неизвестна и дата его написания. Судя по тому, что 25 февраля состоялось первое заседание совещания философов, то письмо было написано не позднее начала февраля.

⁸² *Каменский З. А.* Из истории изучения русской философской мысли в 40-х годах XX века: Воспоминания. Материалы личного архива // Отечественная философия: Опыт, проблемы, ориентиры исследования. М., 1992. Вып. X. С. 210.

⁸³ *Каменский З. А.* Философская дискуссия 1947 года (преимущественно по личным воспоминаниям) // Там же. М., 1991. Вып. VI. С. 11.

⁸⁴ О недостатках и ошибках в освещении истории немецкой философии конца XVIII и начала XIX вв. // Большевик. М., 1944. № 7/8. С. 14.

«Зная только текст постановления и сопоставляя его с концепцией третьего тома, невозможно понять, на кой черт партия заинтересовалась Гегелем в тяжелые годы войны»⁸⁵.

Но генезис постановлений Центрального Комитета далеко не всегда объяснялся здравым смыслом или насущной необходимостью. Здесь свою главную роль играли прежде всего настроение и мироощущение руководителя страны, которым сопутствовала непрекращаемая фракционная борьба в аппарате ЦК.

Почему претензии Белецкого были предъявлены именно к третьему тому? Во-первых, автор письма обладал действительно глубокими познаниями в области классической немецкой философии, а во-вторых, существованием недвусмысленной связи между немецкой философией и идущей войной, что в умелых руках делало обсуждение этой темы взрывоопасным.

В области немецкой философии неоспоримым авторитетом тогда был Б. Э. Быховский, который являлся еще и автором книги «Метод и система Гегеля» (М., 1941). Так вот, Э. Я. Кольман, еще один знаменитый советский философ, математик и сотрудник Института философии, убежденно заявил: «Я считаю, что Белецкий знает Гегеля лучше, чем Быховский»⁸⁶. То есть речь идет о критике не издания в целом, а конкретной темы – немецкой философии. Именно этой темой автор письма к Сталину владел настолько, чтобы быть уверенным в своей правоте и показать замеченные им идеологические ошибки в наиболее невыгодном для редакторов свете. И Белецкий обвинил авторов в некритическом подходе к сочинениям Гегеля и других немецких философов, поскольку именно их воззрения были взяты на вооружение идеологией фашизма.

Ознакомившись с письмом Белецкого, Сталин внимательно изучил само издание и счел доводы Белецкого основательными. Дальнейшие действия были давно отработаны: Секретариат ЦК начал «разбираться» с таким положением дел.

Из Секретариата ЦК (с ведома Г. М. Маленкова и А. С. Щербакова) распоряжение Сталина поступило к начальнику Управления пропаганды и агитации Г. Ф. Александрову, который, таким образом, оказался в достаточно щекотливом положении. Однако, владея умением аппаратной игры намного более остальных своих обязанностей, он предпринял спасший его шаг: пользуясь своим положением, запросил письменный отзыв на письмо Белецкого от других двух редакторов – М. Б. Митина и П. Ф. Юдина. В ответ в ЦК на имя Александрова была направлена записка, в которой Белецкий обвинялся во всех возможных методологических ошибках, но, главное, Митин и Юдин «выступили против антинемецкой истерии, поразившей советскую пропаганду, и выразили опасение по поводу усиливающейся в ней из месяца в месяц тенденции возвеличить все русское»⁸⁷.

Таким ответом не прочувствовавшие новой идеологии Митин и Юдин подставляли себя под удар и тем самым непреднамеренно отводили огонь критики от Александрова. Дальнейшая механика была такова: снабженная соответствующим комментарием Александрова записка Митина и Юдина перешла к секретарю ЦК Маленкову, который ознакомил с ней Сталина⁸⁸. Естественной реакцией Сталина было пожелание скорее навести порядок на этом участке идеологии.

Для этого в феврале – марте 1944 г. в ЦК ВКП(б) было созвано совещание по вопросам немецкой классической философии. Оно проводилось секретарем ЦК Г. М. Маленковым и состояло из трех заседаний – 25 февраля, 10 и 11 марта. На совещании присутствовало около 20 человек: секретарь ЦК А. С. Щербаков, авторский коллектив «Истории философии», ответ-

---

⁸⁵ Батыгин Г. С., Девятко И. Ф. Советское философское сообщество в сороковые годы. С. 635.

⁸⁶ Там же. С. 634.

⁸⁷ Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина... С. 255.

⁸⁸ Там же.

ственные работники идеологического аппарата ЦК, председатель ВКВШ С. В. Кафтанов... Сталин на совещании не присутствовал.

Митин и Юдин с самого первого дня совещания предстали в качестве главных виновных. Притом они поначалу продолжали настаивать на умеренности в проявлении ура-патриотизма, особенно в части «фрицев». Без сомнения, они апеллировали к высказыванию Сталина, известному по праздничному приказу наркома обороны от 23 февраля 1942 г.:

«Но было бы смешно отождествлять клику Гитлера с германским народом, с германским государством. Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское остается. Сила Красной Армии состоит, наконец, в том, что у нее нет и не может быть расовой ненависти к другим народам, в том числе и к немецкому народу, что она воспитана в духе равноправия всех народов и рас, в духе уважения к правам других народов. Расовая теория немцев и практика расовой ненависти привели к тому, что все свободолюбивые народы стали врагами фашистской Германии. Теория расового равноправия в СССР и практика уважения к правам других народов привели к тому, что все свободолюбивые народы стали друзьями Советского Союза»⁸⁹.

Но все эти доводы были отодвинуты выступлениями секретаря ЦК А. С. Щербакова и сотрудника аппарата ЦК (в будущем также секретаря ЦК) Н. Н. Шаталина. Щербаков заявил:

«Наш враг – немцы. Выиграть такую небывалую войну нельзя без того, чтобы не ненавидеть наших врагов-немцев всем своим существом. В этом направлении известную работу проделали Толстой, Эренбург, Тарле. Разве не главное сейчас разбить немцев? А Юдин сидит в башне из слоновой кости, проповедует принцип “наука ради науки” и не хочет видеть, что творится в жизни»⁹⁰.

Шаталин на заключительном заседании был еще более резок:

«Почему вы сейчас нашли время для того, чтобы защищать немцев? Немцы сами себя защищать будут, когда мы их будем вешать, а вы нашли время – на трех заседаниях все немцев защищаете. И это в Отечественную войну»⁹¹.

К таким тезисам присоединились и коллеги-философы, что сыграло на руку Александрову. Ведь скрытая сторона дела состояла еще и в том, что Митин и Юдин находились в другом лагере, нежели Александров и «александровцы» – Кружков, Васецкий, Федосеев, Светлов, Ильичев, Поспелов, Иовчук... А Митин с Александровым вообще враждовали почти в открытую с конца 1930-х гг. И не воспользоваться таким численным и фактическим преимуществом было невозможно: вскоре основными последствиями философского совещания стало смещение Митина и Юдина с занимаемых постов и замена их выдвиженцами Александрова. Вместо первого – директором ИМЭЛ при ЦК ВКП(б) был назначен В. С. Кружков, а второго на посту директора Института философии АН СССР сменил В. Н. Светлов; из Института философии был уволен заведующий сектором истории философии Б. Э. Быховский. А провокатор всего мероприятия, профессор З. Я. Белецкий, 4 ноября 1944 г. указом Президиума Верховного Совета СССР был награжден орденом Трудового Красного Знамени⁹².

⁸⁹ [Сталин И. В.] Приказ народного комиссара обороны 23-го февраля 1942 года: [Ко дню XXIV годовщины РККА] // Правда. М., 1942. № 54. 23 февраля. С. 1.

⁹⁰ Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина... С. 255.

⁹¹ Там же.

⁹² Постановления и распоряжения Правительства: Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами

Однако философское совещание в ЦК обсуждало не только «немецкий» том. Еще более серьезная опасность таилась для авторского коллектива в не вышедшем «русском» томе, который был подан в Комитет по Сталинским премиям вместе с тремя изданными в виде рукописи, но был впоследствии отозван⁹³. В ходе обсуждения том не разбирался подробно, поскольку из инициаторов этого философского форума его мало кто видел, а для его авторов и редакторов это было невыгодно совсем, ведь том содержал намного более серьезные идеологические упущения, нежели неверная интерпретация философии Гегеля.

Кроме вопросов собственно содержания, до которых дело так и не дошло, участников совещания удивил другой факт, характеризовавший работу авторского коллектива: в ходе заседания выяснилось, что ни Александров, ни Юдин «русского» тома даже не читали; это обстоятельство удивило Маленкова и остановило обсуждение «русского» тома именно на этом факте. Спасать положение был вынужден Юдин, который взял всю вину на себя и впоследствии подал в ЦК объяснительную записку по этому поводу.

После совещания началась выработка итогового документа – собственно постановления ЦК ВКП(б), истинным автором основных положений которого был член ЦК и главный редактор «Правды» П. Н. Пospelов⁹⁴. Причем Маленков умышленно не допустил Александра к подготовке текста постановления; однако Пospelов не стал идти против Александра, умело «подрессорив» тон документа. Таким образом, постановление, напечатанное в апрельском номере журнала «Большевик» за 1944 г., было выдержано в спокойных строгих тонах и носило сугубо научно-философский характер. Вот некоторые его тезисы:

«В третьем томе “Истории философии” допущены серьезные ошибки в изложении и оценке немецкой философии. <...>

Авторы <...> отошли от марксистско-ленинской оценки значения гегелевской диалектики, не показали ограниченность диалектики Гегеля, не подчеркнули ее противоположность материалистической диалектике, а в ряде случаев характеристика диалектики Гегеля почти не отличается от марксистской диалектики. Рассматривая философию Гегеля, авторы тома явно переоценивают заслуги Гегеля <...>. Не учли, что противоположность идеалистической диалектики Гегеля и марксистского диалектического метода отражает противоположность буржуазного и пролетарского мировоззрения. <...>

Философия Канта, Фихте, Гегеля изображается преимущественно как прогрессивная, ввиду чего их консервативная философская система затушевывается. Классики марксизма-ленинизма резко критиковали консервативные политические воззрения немецких философов и подчеркивали преобладание в их мировоззрении консервативной стороны. <...>

Совершенно обойдены молчанием <...> реакционные рассуждения Гегеля о войне из его “Философии права”. <...> Гегель самым определенным образом высказывается за необходимость войн. Он выступает в данном случае как проповедник, апологет войны. <...> Гегель в своих сочинениях проводил точку зрения немецкого национализма и чисто прусский принцип господства германского народа над другими народами. Авторы III тома обходят молчанием и тезис Гегеля о необходимости систематической колонизации

и медалями работников высшей школы // Бюллетень Всесоюзного Комитета по делам высшей школы при Совнаркомe СССР. М., 1944. № 11. Ноябрь. С. 5.

⁹³ Не совсем понятно, в какой конкретно момент произошел отзыв тома – еще до обсуждения на экспертной комиссии или же в ходе обсуждения, когда стали очевидными большие идеологические недочеты. Подробнее о его содержании: *Каменский З. А. Указ. соч.* С. 204–216.

⁹⁴ *Батыгин Г. С., Девятко И. Ф. Советское философское сообщество в сороковые годы.* С. 635.

других народов. <...> Не раскритикованы в томе и реакционные суждения Гегеля о славянских народах <...>.

Таким образом <...> дается ошибочное значение истории немецкой философии, преувеличивающее ее значение, смазывающее противоречие между системой и методом философии Гегеля, вносящее путаницу в головы читателей»⁹⁵.

Уже в постановлении был указан «оргвывод», причем очень лояльный и, по сути, ничего не менявший, кроме замены дипломов лауреатов Сталинской премии:

«В 1943 году за три тома “Истории философии” была присуждена Сталинская премия. Комитет по Сталинским премиям вновь рассмотрел этот вопрос и решил, что Сталинская премия, присужденная за все вышедшие тома “Истории философии” не распространяется на третий том этого издания»⁹⁶.

Что касается выводов относительно «русского» тома (с рукописью которого могли ознакомиться участники совещания), то они также были сделаны, но в постановление не вошли; автором их также был П. Н. Поспелов. Они были озвучены новым директором Института философии В. Н. Светловым на собрании партактива АН СССР в дополнение к основному вопросу о постановлении ЦК. В этих выводах невооруженным взглядом можно видеть проводимую руководством страны идеологическую линию – отрицание западного влияния на развитие русской науки:

«Серьезные ошибки были обнаружены также в подготовленном Институтом философии VI томе “Истории философии”. Этот том, посвященный истории русской философии, был представлен на соискание Сталинской премии в совершенно сыром, недобросовестно подготовленном виде. Он не был подвергнут никакому коллективному обсуждению даже в стенах Института, дирекцией и Ученым советом не рассматривался и не утверждался. Ни разу не был созван коллектив авторов тома. Больше того, авторы отдельных глав не знали, кто пишет соседнюю главу, а некоторые авторы даже не знали, что их старые работы включены в том: это было сделано без их разрешения.

Естественно, таким образом, что целый ряд положений в этом томе оказался ошибочным. Во многих главах тома русские философские системы рассматриваются с точки зрения влияния на них западноевропейских философских систем, и в то же время совершенно не показана преемственная связь между самими русскими философами, не показано, что всякая позднейшая русская философская система исходила не только из критической переработки всей суммы идей, накопленных западноевропейской философией, но и из богатейшего идейного материала, накопленного предшествующими русскими философами. Многие же главы тома были построены так, что в них разбираются только те идеи, которые были выдвинуты западноевропейскими философами. Почти совершенно отсутствует указание на самостоятельность и оригинальность русской философии. Вместо этого в ряде глав сквозит другая неправильная линия, – что русская философия стала передовой только благодаря немецкой философии.

В томе восхвалялись и превозносились такие философы, как Владимир Соловьев, который перенес на русскую почву западноевропейские

---

⁹⁵ О недостатках и ошибках в освещении истории немецкой философии конца XVIII и начала XIX в. С. 14–19.

⁹⁶ О недостатках и ошибках в освещении истории немецкой философии конца XVIII и начала XIX в. С. 19.

реакционные философские взгляды. Восхвалялись и прямые изменники русской земли, как, например, князь Курбский, и в то же время умалялась роль Ивана IV.

Крупнейший недостаток тома состоит в том, что взгляды Герцена, Белинского, Чернышевского, Добролюбова не рассматриваются в нем как высшее развитие домарксовской философии, а между тем эти русские мыслители оставили позади себя Гегеля и Фейербаха, были на голову выше Гегеля и Фейербаха и ближе всех других подошли к диалектическому материализму. Ничего этого мы в томе не найдем»⁹⁷.

Но расстановкой акцентов в философии совещание не завершилось, оно естественным образом повлияло и на другие общественные науки. Это вообще является характерной особенностью публиковавшихся партийных документов: они воздействовали не только на узкую область, которой они, казалось, были адресованы, но путем обсуждений они актуализировались и в остальных областях науки:

«Вскрытые ЦК ВКП(б) ошибки и извращения, допущенные в 3-м томе “Истории философии”, являются своевременным и серьезным предупреждением теоретическим работникам не только в области философии, но и политэкономии, истории и других общественных наук»⁹⁸.

---

⁹⁷ Светлов В. Н. О недостатках в разработке вопросов истории западноевропейской и русской философии: (Из доклада на собрании партийного актива Академии наук СССР) // Вестник Академии наук СССР. [М.], 1944. № 7–8. С. 28–29.

⁹⁸ Кафтанов С. В. Задачи высшей школы в 1944/45 учебном году. С. 19.

Урок истории

После того как были даны установки в области философии, взор руководства страны пал на другую науку, традиционно прислуживающую власти, – историю. Еще в довоенные годы история привлекала к себе внимание Политбюро, что было совершенно естественно, поскольку, говоря словами С. М. Соловьева, «Отечественная история не могла остаться в забвении: самый блеск настоящего уже придавал значение прошедшему, великий народ должен быть велик всегда, от самой колыбели своей»⁹⁹.

Ход послевоенным событиям в области исторической науки был дан во время философского совещания, когда Г. Ф. Александров, стараясь отвлечь внимание Сталина от обсуждаемого вопроса, стал инициатором специальной записки «по затронутому в ходе обсуждений по истории философии вопросу о “школе Покровского”»¹⁰⁰, которая была подана Александровым, Поспеловым и Федосеевым секретарям ЦК ВКП(б) Маленкову и Щербакову.

В документе «детально разбирались “несознательные рецидивы покровщины” в выступлениях Митина и Юдина в ЦК. С целью более основательного опорочивания последних <...> в документе приводился длинный перечень уже полузабытых прегрешений самого Покровского: отрицал прогрессивное значение крещения Руси, называл Петра I “неудачным реформатором” и “пьяницей”, начало войны 1812 года охарактеризовал в том же духе, что “русские помещики напали на Наполеона”; утверждал, что патриотизма нет, а существует только национализм (“Наука не имеет никаких оснований проводить резкую черту между “несимпатичным” национализмом и “симпатичным” патриотизмом. Оба растут на одном корню”)¹⁰¹.

Этой запиской косвенным образом наносился удар и по давнему оппоненту Г. Ф. Александрова – историку А. М. Панкратовой.

Докладная записка не осталась без движения в Секретариате ЦК: высшее руководство страны приняло ее к сведению, что послужило причиной дальнейших событий на «историческом фронте». В плане действий Управления пропаганды и агитации ЦК, озаглавленном «Мероприятия по улучшению пропагандистской и агитационной работы партийных организаций», который был направлен Г. Ф. Александровым Г. М. Маленкову 31 марта 1944 г., на состояние исторической науки обращается особое внимание.

«В советской исторической литературе не преодолено еще влияние реакционных историков-немцев, фальсифицировавших русскую историю, доказывавших, что именно немцы принесли русским начала государственности и т. д. В отдельных трудах советских историков остались следы фальсификаторской деятельности реакционных немецких историков. <...> В учебниках СССР и других работах по истории весьма слабо освещены важнейшие моменты героического прошлого нашего народа, жизнь и деятельность выдающихся русских полководцев, ученых, государственных деятелей <...>. Присоединение к России нерусских народов рассматривается историками вне зависимости от конкретных исторических условий, в которых оно происходило, и расценивается как абсолютное зло»¹⁰² и т. д.

---

⁹⁹ Соловьев С. М. Сочинения. М., 1995. Кн. XVI: Работы разных лет. С. 230.

¹⁰⁰ Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина... С. 256.

¹⁰¹ Там же. С. 256–257.

¹⁰² Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны. С. 523.

Средством для исправления сложившегося в исторической науке положения было избрано уже опробованное на философам мероприятие – проведение совещания (оно было намечено на лето 1944 г.). В ходе подготовки последнего все материалы в Управлении пропаганды и агитации ЦК были обобщены в объемной записке, озаглавленной «О серьезных недостатках и антиленинских ошибках в работе некоторых советских историков»¹⁰³. Эта записка, подписанная начальником Управления Г. Ф. Александровым, главным редактором «Правды» П. Н. Поспеловым и заместителем начальника Управления П. Н. Федосеевым, была подана 18 мая 1944 г. в Секретариат ЦК на имя Г. М. Маленкова и А. С. Щербакова. Вот ее начало:

«В организации научной работы в области истории имеют место крупные недостатки, а в появившихся за последнее время трудах некоторых советских историков содержатся крупные ошибки антиленинского характера. Среди советских историков имеют хождение сочиненные немецкими историками реакционные легенды о прошлом русского народа, проявляются рецидивы антиленинских взглядов, свойственных “школе Покровского”, выражающиеся в пренебрежительном отношении к истории русского народа; получили известное распространение буржуазно-националистические взгляды»¹⁰⁴.

Записка содержала три раздела. Первый – «О влиянии реакционных взглядов немецких историков на современную русскую историографию», – где указывается на ошибки,

«совершенные под влиянием реакционных идей немецких историков, в свое время подвизавшихся в России или писавших о ней, – Байера, Шлецера, Миллера, Гакстгаузена, Клейншмидта, имевших целью подчинить немецкому влиянию широкие слои русской интеллигенции и в конечном счете идеологически подготовить экспансию на Восток немецких захватчиков. Реакционные немецкие историки всегда проявляли большой интерес к России. Засылаемые в Россию с далеко идущими политическими и идеологическими целями, эти историки создавали и прибирали к своим рукам исторические архивы, собирали и систематизировали исторические материалы с целью доказательства якобы организующей и миссионерско-культурной роли немцев в создании государственности русского народа»¹⁰⁵ и т. д.

Во втором разделе – «О пренебрежительном отношении некоторых советских историков к историческому прошлому нашей родины» – приводились исторические работы, в которых

«умалняется и принижается великое историческое прошлое нашей Родины, замалчивается и искажается роль выдающихся деятелей русского народа»¹⁰⁶; а также «культивируется старое, осужденное партией пренебрежительное отношение к прогрессивным явлениям русской истории и выдающимся деятелям России, непомерно раздувается значение реакционных деятелей России, что никак не содействует воспитанию чувства национальной гордости у советского народа, любви к историческому прошлому нашей Родины»¹⁰⁷.

---

¹⁰³ Новые документы о совещании историков в ЦК ВКП(б) (1944 г.) / Публ. И. В. Ильиной // Вопросы истории. М., 1991. № 1. С. 190–201.

¹⁰⁴ Там же. С. 190–191.

¹⁰⁵ Там же. С. 191.

¹⁰⁶ Там же. С. 194.

¹⁰⁷ Там же. С. 197.

Третий раздел – «Антиленинские взгляды некоторых историков по национальному вопросу» – содержал разбор ошибок в изданных недавно «Истории Казахской ССР» и «Очерках по истории Башкирии». Подчеркивалось, что в них

«проводится точка зрения реакционного буржуазного национализма на историю нашей Родины <...>. Россия изображается в этих исторических работах как злейший и самый опасный враг нерусских народов, а присоединение указанных народов к России рассматривается как абсолютное зло для них. Вместе с тем в этих работах не показывается ведущая роль русского народа в образовании и развитии многонационального государства в России»¹⁰⁸.

Заключалась записка словами:

«Ввиду явного неблагополучия в области исторической науки и вредного влияния на молодые кадры историков и на учащиеся средней школы и вузов ошибочных взглядов некоторых советских историков, требуется основательно поправить положение дел в Институте истории Академии наук СССР и в “Историческом журнале”»¹⁰⁹.

Документ был снабжен дополнением «О настроениях великодержавного шовинизма среди части историков». Здесь отмечалось, что пропаганда ура-патриотизма нашла столь сильный отклик, что некоторые (в том числе академики Е. В. Тарле и Б. Д. Греков) стали в своих выступлениях манкировать классовым подходом и классовой оценкой исторических явлений, перенося «отношения, сложившиеся в советской стране, – единство советского народа и советского государства – на историческое прошлое»¹¹⁰. Это также вызывало беспокойство авторов записки.

Кроме собственно аппаратной работы ЦК, созыв совещания историков, так же как и философское совещание, был инспирирован извне. И если роль детонатора для созыва философского совещания исполнил З. Я. Белецкий, то для исторической науки этим спусковым механизмом явилась инициатива одного из ведущих историков СССР, заместителя директора Института истории АН СССР, члена-корреспондента (впоследствии действительного члена) Академии наук СССР Анны Михайловны Панкратовой¹¹¹.

Будучи специалистом по истории рабочего движения и членом ВКП(б) с 1919 г., она имела и некоторые пятна в биографии – в 1917–1918 гг. она входила в партию левых эсеров¹¹². Из потока ее обращений в ЦК 1942–1944 гг. особенно важны два письма. Первое (от 2 марта 1944 г.) направлено на имя секретаря ЦК А. А. Жданова, который именно в связи с совещанием историков начинает в 1940-х гг. возвращаться на идеологическую арену; в письме Панкратова призывает вмешаться ЦК, «поскольку война требует ясности, принципиальности и твердости не только в политике, но и в пропаганде, а в последней – история в условиях войны занимает важное место»¹¹³; также она критикует Г. Ф. Александрова за плохое руководство «историческим фронтом». Второе письмо (от 12 мая 1944 г.), направленное на имя Сталина,

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Там же. С. 201.

¹¹⁰ Там же. С. 202.

¹¹¹ Поводом, побудившим А. М. Панкратову осмелиться беспокоить секретарей ЦК, послужило следующее: написанная под ее руководством коллективная монография «История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней» (Алма-Ата, 1943), выдвинутая на соискание Сталинской премии, получила отрицательные отзывы и лишилась премии. В таком повороте событий А. М. Панкратова видела (очевидно, не без оснований) личную неприязнь к ней со стороны некоторых историков, в том числе академика Е. В. Тарле, что и побудило ее взяться за перо. Естественно, в своих письмах она ставила вопрос шире личной обиды, да и сводить ее обращение в ЦК исключительно к сведению счетов было бы неверным.

¹¹² Научные кадры ВКП(б). С. 141.

¹¹³ Письма Анны Михайловны Панкратовой / Публ. Ю. Ф. Иванова // Вопросы истории. М., 1988. № 11. С. 55.

Жданова, Маленкова и Щербакова, содержит пожелание, чтобы ЦК ВКП(б) собрал совещание историков¹¹⁴.

Недаром на этом совещании она говорила:

«Мы не раз уже имели со стороны ЦК нашей партии указания, помощь и внимание, облегчавшие нашу ориентировку в самых трудных и сложных исторических проблемах. Эту помощь мы всегда воспринимали с огромным энтузиазмом и благодарностью. Каждое указание руководителей партии, каждое их выступление по вопросам истории, каждое их критическое замечание по общим или конкретным историческим проблемам поднимало нашу советскую историческую науку на высшую ступень, обогащая теоретически каждого из нас в отдельности и всех вместе, вооружая нас методологией творческого марксизма. Последнее решение Центрального Комитета партии <...>, конечно, относится не только к философам, но также и к нам, советским историкам. Я уже не говорю о том, что реакционные стороны и отрывки гегельянства, которые сейчас были продемонстрированы <...>, оказывали в прошлом известное влияние на развитие исторической науки»¹¹⁵.

Совещание по вопросам истории в ЦК ВКП(б) проходило летом 1944 г. и состояло из шести заседаний: 29 мая оно было открыто выступлением Г. М. Маленкова, затем состоялись заседания 1, 5, 10 и 22 июня, а последнее заседание прошло 8 июля. На заседаниях присутствовали известные советские историки, в основном специалисты по истории СССР, в том числе С. В. Бахрушин, Б. Д. Греков, И. И. Минц, М. В. Нечкина, А. М. Панкратова, Е. В. Тарле, М. Н. Тихомиров, С. П. Толстов, А. Н. Удальцов¹¹⁶, ключевые работники аппарата ЦК, а также секретари ЦК А. А. Андреев и Г. М. Маленков (не всегда оба), председательствовал на заседаниях А. С. Щербаков¹¹⁷.

Первое заседание носило вводный характер; вступительное слово держал Г. М. Маленков, это было именно вступлением, а не докладом. «Он сказал, что ЦК обсудил этот вопрос и счел необходимым встретиться с историками, чтобы обсудить спорные вопросы, а затем выработать принципиальные установки для всех историков»¹¹⁸. Маленков, как свидетельствует конспект его выступления, ограничился списком основных вопросов совещания, сформулированных на основании записки ЦК и отражавших волнующую ЦК проблематику¹¹⁹.

На остальных заседаниях, судя по опубликованным стенограммам¹²⁰, А. С. Щербаков ограничивался лишь функциями ведущего, не участвуя в дискуссии. Несмотря на такую выжидательную (или наблюдательную) позицию секретаря ЦК, точка зрения руководства страны вполне отчетливо просматривалась по выступлениям сотрудников аппарата ЦК, поскольку подобные выступления готовились заранее и утверждались руководством. Для определения

¹¹⁴ Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году / [Публ. Ю. Н. Амиантова и З. Н. Тихоновой] // Вопросы истории. М., 1996. № 2. С. 50.

¹¹⁵ Там же. С. 67.

¹¹⁶ Некоторые историки были не на всех заседаниях; например, академик Е. В. Тарле еще в мае уехал на Кавказ для отдыха и чтения лекций (откуда был вызван правительственной телеграммой за подписью Г. Ф. Александрова, которая долго его искала) и смог присутствовать только на двух последних заседаниях.

¹¹⁷ Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году. С. 47.

¹¹⁸ Письма Анны Михайловны Панкратовой. С. 58.

¹¹⁹ Текст выступления Маленкова см. в кн.: Дубровский А. М. Историк и власть: Историческая наука в СССР и концепция истории русской феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск, 2005. С. 443–445.

¹²⁰ Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 г. // Указ. изд. 1996. № 2. С. 55–82 (1 июня); № 3. С. 82–110 (5 июня); № 4. С. 65–91 (10 июня); № 5/6. С. 77–105 (22 июня); № 7. С. 70–86 (8 июля, начало); № 9. С. 47–67 (8 июля, окончание).

позиции ЦК и соответственно руководства страны особенно важно выступление заведующего отделом пропаганды Управления пропаганды и агитации С. М. Ковалева¹²¹ на заключительном заседании совещания. То была речь о «великом русском народе»:

«Я остановлюсь на одном вопросе, который в прениях не нашел достаточного отражения, – на вопросе о том, что до сих пор в советской исторической науке не преодолено до конца пренебрежительное отношение к великому прошлому нашей Родины, которое насаждалось длительное время не только “школой Покровского”, но всей дворянской и буржуазной историографией <...>. Рецидивы такого рода взглядов сказываются в нашей исторической науке. Это проявляется, в частности, в том, что среди части советских историков укоренился совершенно неверный взгляд, согласно которому наука, литература, искусство в России всегда отставали в своем развитии от культуры Запада и не создали ничего самостоятельного. Дело представляется таким образом, что Россия и русские ничего не дали миру ценного, а находились как бы на иждивении Запада. <...>

Представление о том, что Россия в своем духовном развитии слепо подражала Западу, противоречит важнейшему тезису марксистской науки о том, что идеи людей возникают на основе их общественного бытия, вырастают из условий материальной жизни общества. Ясно также, что, достигая вершин мировой культуры, русские выдающиеся деятели создали величайшие духовные ценности, которые явились замечательным вкладом в мировую культуру и оказали на нее огромное влияние»¹²².

Проведя критический разбор трудов русских и советских историков, оратор завершил свое выступление следующим тезисом:

«Марксистско-ленинская наука учит, что новый общественный строй не может утвердиться и развиваться без использования всего лучшего, что создано предшествующими поколениями. <...> В этом случае становится непонятным, как могла победить социалистическая революция впервые в истории именно в России, почему ленинизм, который является вершиной передовой теоретической мысли всего человечества, вместе с тем является высшим достижением русской культуры, почему русскому народу и другим народам СССР удалось первыми в истории построить социалистическое общество»¹²³.

Впоследствии свое мнение о речи С. М. Ковалева высказал С. В. Бахрушин:

«К русской культуре тов. Ковалев подошел очень упрощенно; он считает невозможным отмечать в ней что-либо отрицательное, не позволяет

---

¹²¹ Сергей Митрофанович Ковалев (1913–1990), кандидат исторических наук, сотрудник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) (с V курса МИФЛИ переведен в ВПШ, откуда без промедления в 1941 г. принят консультантом в Управление, с 17 февраля 1943 г. – заведующий отделом кинематографии, с 1944 г. – заведующий отделом пропаганды). После смерти А. А. Жданова направлен из аппарата ЦК в Курский обком ВКП(б) секретарем, в 1951 г. возвращен в Москву и назначен директором Госполитиздата, в 1954 г. защитил в АОН при ЦК КПСС диссертацию на соискание ученой степени доктора философских наук на тему «Коммунистическое воспитание трудящихся», впоследствии член редколлегии журнала «Проблемы мира и социализма» (1960–1965), редактор и член редколлегии газеты «Правда» (1965–1971), первый заместитель главного редактора БСЭ (1971–1980), в последние годы – профессор АОН.

¹²² Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году // Указ. изд. № 7. С. 70–72.

¹²³ Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году. С. 76.

критически подходить к явлениям русской жизни XVII в., рекомендует голое восхваление. Такая голословная идеализация ненаучна»¹²⁴.

Но отнюдь не научность была главным мерилом и целью совещания в ЦК.

В русло выступления С. М. Ковалева вполне укладываются и многочисленные критические замечания участников совещания в адрес академика Е. В. Тарле: на совещании муссировался доклад «О роли территориального расширения России в XIX–XX вв.», сделанный им на юбилейном заседании Ученого совета ЛГУ в эвакуации в Саратове¹²⁵. Кроме прочего, в докладе академика имелись и следующие слова:

«Если мы встанем на точку зрения решительно патриотическую, точку зрения, имеющую очень много за собой, в особенности теперь, когда русское государство спасает человеческую цивилизацию, — очень извинительно увлекаться сейчас русским патриотизмом, которым сейчас увлекаются и в Англии, и в США, и в Швеции, и в Швейцарии. Это сейчас извинительно, но, даже принимая это во внимание, мы, как историки, обязаны палки не перегибать и должны удерживаться от слишком большого увлечения, которое может только повредить нашей правильной позиции»¹²⁶.

То есть необходимость здорового патриотизма, которого действительно недоставало в то время, стала к 1944 г. уже не тезисом, а фундаментом нарождающейся идеологической кампании. А поскольку важной характеристикой идеологических кампаний в нашей стране всегда являлась их необузданность, то все предостережения Тарле были восприняты как политическая близорукость, и доклад ученого получил соответствующую политическую оценку.

По результатам состоявшегося в ЦК совещания Управление пропаганды и агитации довольно быстро подготовило итоговый документ: 12 июля 1944 г. в секретариат Щербакова поступил подписанный Г. Ф. Александровым, П. Н. Федосеевым и П. Н. Поспеловым проект постановления Политбюро ЦК «О недостатках научной работы в области истории». Но на первом листе доклада А. С. Щербаков лаконично выразил свое, а может быть и не только свое, отношение: «Не годится»¹²⁷.

И тогда в процесс подготовки Постановления включился член Политбюро и секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Жданов. Несмотря на то что он не присутствовал на заседаниях, поскольку находился в Ленинграде, где занимал должность 1-го секретаря Ленинградского обкома и горкома ВКП(б), он несомненно был в курсе дела, поскольку получал для ознакомления материалы Секретариата ЦК. А начиная с 19 июля 1944 г., даты его окончательного переезда в Москву, Жданов с энтузиазмом занялся вопросом истории, и «первое, чего он добился, было отклонение проекта постановления Политбюро»¹²⁸. После этого вся работа по подготовке итогового документа по результатам совещания историков перешла к Жданову.

Итогом работы Жданова на «историческом фронте» стали тезисы «О недостатках и ошибках в научной работе в области истории СССР». Написание их представляло для Жданова некоторые трудности (в личном архиве Жданова сохранилось несколько вариантов этого текста), поскольку, возвратившись из Ленинграда, он еще не мог полностью понять точку зрения Сталина, которому он отправил 12 августа 1944 г. окончательный вариант тезисов¹²⁹. В них Жданов пытался теоретически обосновать приоритет классового и политического над нацио-

¹²⁴ Дубровский А. М. Указ. соч. С. 460–461.

¹²⁵ Тарле Е. В. 1944 год: не перегибать палку патриотизма / [Публ. Ю. Н. Амиантова] // Вопросы истории. М., 2002. № 6. С. 3–13.

¹²⁶ Там же. С. 8.

¹²⁷ Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году. Указ. изд. № 2. С. 50, 54.

¹²⁸ Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина... С. 257.

¹²⁹ Дубровский А. М. Указ. соч. С. 480.

нальным, что входило в противоречие с установками самого Сталина, в голове которого уже сформировалась и выкристаллизовалась национальная и патриотическая линия. Именно этим и вызваны пометы Сталина на ждановском тексте: рядом с фразой «У трудящихся не было тогда настоящего отечества» Сталин пишет: «Не то»; напротив слов «Советский патриот любит свою страну и свою нацию» Сталин вопрошает: «Какую?» и т. д.

После этого состоялась встреча Сталина со Ждановым, посвященная доработке документа. В числе сделанных в результате этой беседы перемен выделяется и обращение к дореволюционному прошлому как к источнику патриотизма.

«Патриотизм есть присущее самым широким народным массам глубоко жизненное чувство любви к своей родине, чуждое враждебности к другим народам. Патриотизм рос и развивался задолго до появления интернационализма. Великие патриоты нашей родины, память о которых мы свято чтим и примеру которых мы стремимся подражать, не были, конечно, и не могли быть интернационалистами. Но мы, советские люди, являемся наследниками и преемниками их славных патриотических дел и традиций. Советский патриотизм представляет собой дальнейшее развитие и высшую ступень патриотизма, перерастание его в интернационализм»¹³⁰.

Кроме этого, окончательный текст Жданова, с которым были ознакомлены и другие работники аппарата ЦК (9 сентября 1944 г. он был направлен секретарям ЦК Щербакову и Маленкову), имел серьезные и еще непривычные для сотрудников аппарата ЦК отличия от того материала, который был подготовлен Управлением пропаганды и агитации ранее. Если текст Управления, где большая часть тяжких обвинений досталась А. М. Панкратовой и Е. В. Тарле, все-таки оставался, хотя и с соблюдением жанра эпохи, но в рамках исторической науки и научности, то документ Жданова беззастенчиво переводит вопрос науки в область идеологии. Поскольку Сталин участвовал в подготовке документа и был, несомненно, его инициатором, то нужно считать его вдохновителем и соавтором этого текста.

Постулаты в этом документе «были предельно актуализированы в идеологическом и политическом отношениях. Так, в обстановке либерализации режима деятельности православной церкви Жданов к стандартному набору критических определений школы Покровского добавил “нигилистические взгляды” на историческое значение крещения Руси, распространение христианства, цивилизаторскую роль монастырей. <...> Бросается в глаза еще одно обстоятельство. В проекте Жданова был даже для своего времени явный перебор грубых натяжек, политиканских построений, неверных с научной точки зрения характеристик и определений политических явлений»¹³¹.

«В тезисах Жданова критика участников совещания в адрес Тарле трансформировалась в прямые политические обвинения. Жданов писал, что Тарле и другие историки “идут на поводу у вражеской пропаганды, уверяющей, будто бы обширные пространства, морозы и грязь воспрепятствовали немцам завоевать нашу страну”, сбиваются на “губительный путь расизма и национальной исключительности”, пытаются “направить советских историков в русло чуждой идеологии”»¹³².

---

¹³⁰ Дубровский А. М. Указ. соч. С. 483.

¹³¹ Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 г. // Указ. изд. № 2. С. 51.

¹³² Там же. С. 52.

То есть уже в тезисах 1944 г. можно видеть весь тот арсенал установок, который стал достоянием общественности в 1946 г. Однако документ не пошел дальше и не перерос в постановление ЦК, хотя отдельные его положения явно стали ориентиром для работников партийного аппарата¹³³. Подлинные причины, по которым этот выстраданный руководством страны документ был «похоронен», неизвестны; но принципиальные моменты этих тезисов прослеживаются в последующих выступлениях партийных руководителей¹³⁴, да и участвовавшие в совещании историки смогли уяснить идеологические заповеди.

Кроме того, по-видимому, именно благодаря помощи Сталина Жданов сформулировал определение советского патриотизма, «который, согласно его трактовке, с одной стороны, “вырос на почве интернационализма”, а с другой – “не имеет ничего общего с безродным и беспочвенным космополитизмом” и базируется на “любви всех советских народов к своему социалистическому отечеству – СССР»¹³⁵.

Что же касается непосредственных результатов совещания историков, то они не вылились в решение ЦК ВКП(б), а лишь проявлялись лейтмотивом в рецензиях на исторические монографии, подвергнутые критике в ходе совещания. Единственным зримым воплощением, да и то с некоторой задержкой, было постановление Политбюро ЦК от 2 июля 1945 г. о реорганизации журнала «Исторический вестник» в журнал «Вопросы истории» и смене его редколлегии.

Существует мнение, что причиной отсутствия какого-либо постановления ЦК по итогам работы совещания «было нежелание даже частично признать правоту Панкратовой. Партийному руководству не могло понравиться, что широкой постановкой в своих письмах в ЦК ВКП(б) вопроса о положении в исторической науке, а также своей ортодоксальной позицией Панкратова как бы взяла на себя то, что ЦК, и прежде всего Сталин, считал своей неотъемлемой прерогативой»¹³⁶. Однако мы не склонны считать, что подобные опасения или же мысли в данном конкретном случае вообще имели место; возможно, тому причиной были какие-то другие обстоятельства.

Кроме того, что многочисленные участники совещания делали соответствующие выводы, новые партийные установки стали достаточно известны иным, необычным путем: ознакомлением с ходом совещания и его основными положениями занялась сама А. М. Панкратова, которая по ходу совещания составляла специальные отчеты. Эти тексты выросли в сочинение, озаглавленное «Записка о моих впечатлениях и выводах по поводу совещания историков в ЦК ВКП(б)»¹³⁷; к экземплярам записки обычно прилагалась и копия второго письма автора на имя секретарей ЦК.

А вот подобная «просветительская работа» обычно заканчивалась для инициаторов плачевно, порой даже трагически. Несмотря на то, что первоначально в предваряющей совещание историков записке Управления пропаганды и агитации от 18 мая основные претензии предъявлялись именно Панкратовой, в ходе совещания она сумела перевести основной удар партийной критики на отсутствующего на первых заседаниях академика Тарле, цитируя стенограмму его саратовского доклада. Но распространение собственных впечатлений привело к оргвыводам: 30 августа 1944 г. Г. Ф. Александров подал на имя секретарей ЦК Жданова, Маленкова

¹³³ Одним из примеров его воздействия является не допущенная в 1944 г. к изданию книга И. В. Сергеева для старшего школьного возраста «И. А. Крылов», в которой «автор неправильно освещает события 1812 г., говоря, что «без сопротивления французы лавиной катились в глубь страны». Героизм русского народа и русской армии совершенно не отражен автором» (Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны. С. 729). В переработанном виде книга увидела свет в 1945 г.

¹³⁴ Дубровский А. М. Указ. соч. С. 488–489.

¹³⁵ Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина... С. 258.

¹³⁶ Новые документы о совещании историков в ЦК ВКП(б) (1944 г.). С. 189.

¹³⁷ Письма Анны Михайловны Панкратовой. С. 56–79.

и Щербакова докладную записку, в которой обвинял Панкратову в антипартийных методах борьбы (здесь он привел в доказательство вышеуказанную «Записку о моих впечатлениях...»); также Александров припомнил ей не только принадлежность к левым эсерам (что не было большим секретом), но и участие в «антипартийных троцкистских группировках Фридлянда – Ванага»¹³⁸. Это решило судьбу Панкратовой: 5 сентября, в день беседы по этому поводу между Ждановым и Щербаковым, она лишилась должности заместителя директора Института истории АН СССР¹³⁹.

---

¹³⁸ Новые документы о совещании историков в ЦК ВКП(б) (1944 г.). С. 190.

¹³⁹ *Костыриченко Г. В.* Тайная политика Сталина... С. 258. Оговоримся, что автор видит особый, «неслучайный» подтекст в указанной Александровым последовательности имен секретарей ЦК, который может быть объяснен и вполне прозаически – последовательностью букв русского алфавита.

Идеологическая линия сформулирована

Одновременно с совещанием в ЦК ВКП(б) в июне 1944 г. в Московском университете с большим размахом прошла конференция «Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры». Это было не отраслевое мероприятие, а первый с начала войны научный форум, который уже за год до победы обозначил основную линию сталинского руководства:

«И. В. Сталин – соратник Ленина, великий гений современности – обогащает науку положениями и выводами, соответствующими новым историческим условиям, руководит всей гигантской борьбой советского народа. Сталин возвеличил силу и мощь нашего государства, как никто другой в истории.

Сталин, сметая с нашего пути врагов ленинизма, глубже всех понимал и видел, что без социалистической индустриализации и коллективизации сельского хозяйства невозможно добиться экономической независимости нашей Родины, роста ее культуры, процветания ее народов.

Под руководством товарища Сталина созданы в нашей стране миллионные кадры советской интеллигенции, патриотов Родины, обогащающих новыми достижениями науку и технику, литературу и искусство.

Наши ученые всегда получают от товарища Сталина четкие и ясные указания о том, как ломать старое, устаревшее, и четко прислушиваться к голосу опыта, прокладывая новые пути в науке»¹⁴⁰.

Научная конференция в июне 1944 г. как раз была призвана довести до ученого сообщества «четкие и ясные указания о том, как ломать старое, устаревшее, и <...> прокладывая новые пути в науке». Новый путь был следующим:

«Научная сессия, посвященная роли русских ученых в развитии мировой науки, является весьма важным начинанием. Распространение у нас иностранных учебников и копирование западноевропейских образцов, имевшее подчас место до революции и полностью не изжитое и ныне, привели к недооценке роли русских ученых в создании современной культуры.

Не все работники нашей промышленности, не все наши студенты и даже крупные ученые помнят, что именно в России зародились задолго до Западной Европы такие идеи, как закон сохранения материи (Ломоносов), учение об условных рефлексах (Павлов), теория ассимиляции углекислоты растениями (Тимирязев) и ряд других открытий. Производство азотной кислоты, нержавеющей стали, синтетического каучука, крекирование нефти создано русской промышленностью и впоследствии копировалось за рубежом. Упомяну еще, что ведь главным образом на основе работ русских ученых Бутлерова, Марковникова, Зелинского, Лебедева и их учеников развивалась передовая промышленность переработки нефти в США. Таких примеров можно найти много.

Вскрыть крупную роль русской науки в создании современной культуры – значит показать советской молодежи силу нашей страны, внушить

---

¹⁴⁰ Москалев М. А. Ленин и Сталин – корифеи мировой науки // Московский университет. М., 1944. № 23/24. 5 июня. С. 1.

ей уверенность в своих возможностях, показать ей достойные образцы для подражания из славного прошлого русской науки»¹⁴¹.

Профессор МГУ Н. К. Гудзий призван был на этой конференции «вскрыть» выдающееся значение русской литературы; в преддверии конференции он писал:

«Общепризнан тот факт, что русская литература обогатила и оплодотворила мировую литературу, оказав большое влияние на ее развитие, покорив своей художественной силой и идейной высотой.

Предстоящая в начале июня в университете конференция о роли русской науки в развитии мировой науки и культуры должна воочию показать тот большой вклад, какой внесла русская наука в общую сокровищницу научной культуры»¹⁴².

Проблематика этой конференции не стала неожиданностью – еще в конце 1943 г. Московский университет начал готовить монументальное 14-томное издание по истории русской науки¹⁴³, где отводился отдельный том и для филологии (но поскольку в те годы невозможно было поспеть за политической конъюнктурой, то издание не осуществилось).

Конференция открылась 5 июня в Коммунистической аудитории МГУ.

«В празднично украшенном зале – академики, ученые Москвы, профессора, студенты, представители партийных и общественных организаций. Конференцию открыл ректор университета проф[ессор] И. С. Галкин. Он рассказал о величайших русских ученых – Ломоносове, Менделееве, Пирогове, Тимирязеве и др., сделавших ряд замечательных открытий всемирно-исторического значения. <...> С докладом о великом русском ученом Д. И. Менделееве выступил акад[емик] Н. Д. Зелинский. Он обрисовал образ великого химика-новатора, отдельные этапы его жизни и деятельности. Второй доклад, заслушанный на первом заседании конференции, сделал член-корреспондент Академии наук СССР В. В. Голубев о роли русской механики в развитии мировой науки. Он охарактеризовал работы Чебышева, Ляпунова, Жуковского, Чаплыгина и Крылова. С большим подъемом участники конференции приняли приветствие товарищу Сталину, товарищам Молотову и Щербакову»¹⁴⁴.

6 июня на пленарном заседании конференции с докладом «Основные черты русской классической философии и ее всемирно-историческое значение» выступил профессор МГУ и заместитель начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) М. Т. Иовчук; затем о выдающейся роли русских физиологов доложил Х. С. Коштыянец, а о влиянии русской математики на мировую науку – П. С. Александров.

7 июня на пленарных заседаниях профессор А. К. Тимирязев выступил с докладом об основоположниках физики в России, а также были прочитаны два доклада по общественным наукам – лауреата Сталинской премии члена-корреспондента Академии наук СССР Е. А. Косминского «Русская историческая наука и ее достижения» и профессора Н. К. Гудзия «Мировое значение русской литературы».

Следующее пленарное заседание было уже заключительным, оно состоялось 12 июня в Большом зале Московской консерватории.

---

¹⁴¹ Фрост А. В. Знаменательное событие // Московский университет. М., 1944. № 22. 26 мая. С. 1.

¹⁴² Гудзий Н. К. Впервые в истории университета // Московский университет. М., 1944. № 22. 26 мая. С. 1.

¹⁴³ Азадовская Л. В. Из научного наследия М. К. Азадовского: Замыслы и ожидания // Азадовский М. К. Статьи и письма: Незданное и забытое. Новосибирск, 1978. С. 208.

¹⁴⁴ Первые дни конференции // Московский университет. М., 1944. № 25. 9 июня. С. 1.

«С большим вниманием был прослушан доклад академика А. Я. Вышинского на тему “Советское государство в дни Отечественной войны”. Затем конференция приняла приветствие Красной Армии. В заключительном слове ректор Московского университета проф[ессор] И. С. Галкин отметил значение прошедшей конференции для развития советской науки...»

Наиболее информативный отчет о прошедшей конференции был напечатан в журнале «Славяне»:

«Научная конференция, которая происходила в Московском университете с 5 по 12 июня 1944 года, привлекла к себе внимание широкой советской общественности. Она нашла отклики в иностранной печати. Знаменателен ее созыв во время войны. Знаменательна ее тема.

Конференция собралась накануне трехлетия войны Советского Союза против гитлеровской Германии. Она как бы подвела некоторые итоги, да и сама вошла некоторым образом в состав этих итогов. На конференции речь шла о том месте, какое занимала, занимает и призвана занять в будущем русская наука в развитии мировой науки и культуры. Не подлежит сомнению, что место это очень велико и будет еще больше. Это ясно из того, что русский народ сыграл решающую роль в борьбе с гитлеровской Германией, и русскому, советскому народу предстоит важнейшая роль в предстоящем решении судеб Европы.

Это знает и чувствует каждый русский человек, гордый за свою родину. Русский воин нанес смертельный удар фашистскому зверю, ныне пытающемуся спасти свою шкуру, уползая в свою берлогу. Советское государство освободило мир от величайшей опасности, которая угрожала всему развитию культуры на земле. Победу Красной Армии некоторые иностранцы называют “русским чудом”. Это “чудо” совершено русскими, советскими людьми на фронте и в тылу. Однако в этом нет ничего сверхъестественного и необъяснимого.

Победила советская техника, победил советский человек. Одно неотделимо от другого. Нынешнюю войну называют войной моторов. Победил советский мотор в руках советского человека. Это значит, что победили советская наука и советская культура. За три года войны люди науки, люди труда и люди военного дела тесно спаялись в общем подвиге. Их всех объединила родина. Русский народ наново узнал себя в испытаниях Отечественной войны, в ее страде и в радостях ее успехов. Война, которая проверяет государства и народы, измерила величие русского духа. Русскому народу много дано его богатой историей, много он сделал, и многого ожидают от него все другие нации и племена. <...>

На конференции Московского университета было прочитано на пленарных заседаниях свыше 60 докладов. Был обрисован в общих чертах весь путь русской науки. В Европе сначала не замечают этого русского пути. Иным казалось, что он за пределами большой науки. Русские ученые еще не были “приняты” в нее. Русский язык был совсем чужд ученому миру Западной Европы. <...> Вплоть до 1917 года, до Великой Октябрьской социалистической революции, выдающиеся русские ученые входят в мировую науку большей частью как одиночки. Русские университеты и институты, скованные ограничениями царизма, еще не становятся мировыми центрами научной мысли. Мало того: в иных случаях выдающиеся русские ученые

становятся известны за границей раньше, чем в России. Царский режим стесняет и ограничивает развитие русской науки, и это отражается на ее месте в науке мировой. Царское правительство не могло, да и не хотело доставить науке русского народа то положение, какого эта наука заслуживает. <...>

В советском государстве русская наука полностью развернула свои силы. В заключительном докладе академик А. Я. Вышинский показал, в чем заключается творческая сила советского государства. Оно покоится на науке и поощряет науку. Смелое научное исследование – в самой природе советской власти. Ленин и Сталин – великие мировые ученые и деятели. Советское правительство не только сняло все и всякие ограничения с научной мысли: оно предоставило в распоряжение науки огромные материальные средства.

Московская университетская конференция была смотром русской науки в советское время и, в частности, во время Отечественной войны. Мы не станем перечислять все достижения русских ученых. Это и невозможно в небольшой статье. <...>

Роль русской науки в развитии мировой науки велика и заметна. Ей предстоит быть еще более видной. В некоторых областях знания русская наука должна занять ведущее место. Морально-политический разгром фашизма должен дополнить военную его ликвидацию. Вооруженная передовой философией, русская наука должна очистить мировую культуру от всего того, что было внесено в нее фашистским мракобесием, мистическим идеализмом, реакционными взглядами на общество»¹⁴⁵.

Значительное число докладов конференции было впоследствии напечатано в шести выпусках Ученых записок МГУ, объединенных в специальную серию «Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры»¹⁴⁶.

¹⁴⁵ Демидов К. Русская наука и мировая культура / Научная конференция «Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры» в Московском ордена Ленина государственном университете имени М. В. Ломоносова // Славяне. М., 1944. № 7. Июль. С. 27–29. Существует версия, что псевдонимом К. Демидов в 1940-х гг. пользовался Д. И. Заславский (ср.: Блинов В. А. Был лермонтовский год... // Уральский библиофил. Челябинск, 1989. С. 18–21).

¹⁴⁶ Ученые записки Московского ордена Ленина государственного университета им. М. В. Ломоносова: Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры: т. I–III: Т. I. Кн. 1. [Математика. Механика. Астрономия.] Вып. 91. М., 1947. (Александров П. С. Русская математика XIX и XX вв. и ее влияние на мировую науку, с. 3–33; Бернштейн С. Н. Чебышев, его влияние на развитие математики, с. 35–45; Степанов В. В. Московская школа теории функций, с. 47–52; Колмогоров А. Н. Роль русской науки в развитии теории вероятностей, с. 53–64; Понтрягин Л. С. Топология в Советском Союзе, с. 65–76; Делоне Б. Н. Развитие теории чисел в России, с. 77–96; Голубев В. В. Русские работы по механике и влияние их на развитие мировой науки, с. 97–104; Космодемьянский А. А. Основоположники современной аэромеханики: Н. Е. Жуковский и С. А. Чаплыгин, с. 105–128; Моисеев Н. Д. А. М. Ляпунов и его труды по теории устойчивости, с. 129–147; Артоболевский И. И. Русская школа теории механизмов и машин, с. 149–156; Орлов С. В. Роль Ф. С. Бредихина в развитии мировой науки, с. 157–185; Блажко С. Н. Астрономия в Московском университете, с. 187–194.) Т. I. Кн. 2. [Физика.] Вып. 92. М., 1946. (Тимирязев А. К. Основоположники физики в России М. В. Ломоносов, А. Г. Столетов, П. Н. Лебедев, с. 3–23; Капцов Н. А. Русские электрики, с. 24–37; Семенченко В. К. Роль периодического закона Д. И. Менделеева в развитии атомной физики, с. 38–45; Конобеевский С. Т. Роль русских исследователей в развитии учения о твердом теле (Федоров, Курнаков, Чернов), с. 46–57; Акулов Н. С. Роль русских физиков в развитии учения о магнетизме, с. 58–62; Ильин Б. В. Проблема молекулярных сил в работах П. Н. Лебедева и Б. Б. Голицына, с. 63–68; Горшков Г. П. Роль Б. Б. Голицына в развитии сейсмологии, с. 69–72.) Т. II. Кн. 1. [Биология.] Вып. 103. М., 1946. (Коштоянц Х. С. Школа русской физиологии и ее значение в развитии мировой физиологии, с. 3–34; Матвеев Б. С. Русская школа морфологов и ее роль в развитии дарвинизма, с. 35–46; Завадовский М. М. Основные этапы в истории экспериментальной биологии (зоологии) в России, с. 47–60; Парамонов А. А. Роль К. А. Тимирязева в развитии дарвинизма, с. 61–68; Некрасов А. Д. Александр Онуприевич Ковалевский и его значение в мировой науке, с. 69–78; Опарин А. И. Роль русских ученых в развитии современных представлений о химизме дыхания растений, с. 79–84; Алехин В. В. История русской фитоценологии и ее особенности, с. 86–94; Бреславец Л. П. Значение работ русских цитологов (ботаников) в мировой науке, с. 95–104.) Т. II. Кн. 2. [Естествознание.] Вып. 104. М., 1946. (Кадек М. Г. Труды М. В. Ломоносова в области географии, с. 3–16; Барков А. Московская географическая школа, с. 17–23; Орлов Б. П. Юлий Михайлович Шокальский и его роль в развитии русской и мировой науки, с. 24–32; Захаров С. А. В. В. Докучаев – основоположник русской и мировой науки о почвах, с. 33–45; Виленский Д. Г. Влияние русской докучаевской школы почвоведения на развитие мировой картографии почв, с. 46–59; Ремезов Н. П. Влияние работ академика К. К. Гедройца и его школы на развитие генетического почвоведения, с. 60–

Июньская конференция 1944 г. оказалась пробным шаром в продвижении новой идеологической линии в области науки «на местах». Вслед за ней, с 9 по 21 декабря 1944 г., в МГУ состоялось еще более масштабное мероприятие – конференция «Современные проблемы науки». «Она является естественным продолжением научной сессии “О роли русской науки в развитии мировой науки и культуры”, состоявшейся 5–12 июня»¹⁴⁷, – писала университетская газета.

Чувствуя изменения политической конъюнктуры и явную актуальность вопроса для руководства страны, в конференции приняли участие ведущие проводники сталинской идеологии. Всего было заслушано 127 докладов, а на пленарных заседаниях выступили: начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александров с докладом «100 лет марксистской философии», член ЦК ВКП(б) и главный редактор газеты «Правда» П. Н. Поспелов с докладом «И. В. Сталин и строительство партии», заместитель начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) М. Т. Иовчук с докладом «Философская и общественная наука СССР в борьбе за морально-политический разгром фашизма»¹⁴⁸.

Особенно стоит отметить тот факт, что на заключительном пленарном заседании 21 декабря с докладом «Свойства жидкого гелия» выступил академик П. Л. Капица¹⁴⁹, который лишь через год после этой конференции – 2 января 1946 г. – напишет Сталину свое, ставшее знаменитым, письмо об умалении роли отечественной науки.

77; Мазарович А. Н. История геологического изучения Русской платформы, с. 78–88; Бокий Г. Б. Очерк по истории развития кристаллографии в России, с. 89–97; Кузнецов Е. А. К истории русской петрографии: Федоровский метод, его возникновение в России и развитие на родине и за границей, с. 98–103.) Т. III. Кн. 1. [Филология.] Вып. 106. М., 1946. (Обнорский С. П. Итоги научного изучения русского языка, с. 3–21; Виоградов В. В. Русская наука о литературном языке, с. 22–147.) Т. III. Кн. 2. [Филология.] Вып. 107. М., 1946. (Державин Н. С. Вклад русского народа в мировую науку в области славянской филологии, с. 3–24; Петерсон М. Н. Фортунагов и московская лингвистическая школа, с. 25–35; Булаховский Л. А. Потехня – лингвист, с. 36–62; Дмитриев Н. К. Труды русских ученых в области тюркологии, с. 63–70; Миллер Б. В. Труды русских ученых в области иранского языкознания, с. 71–85; Сергиевский М. В. Романо-германская филология в России и СССР, с. 86–98; Крачковский И. Ю. Очерки истории арабистики в России и СССР, с. 99–121; Гудзий Н. К. Мировое значение русской литературы, с. 122–138; Благой Д. Д. Советское литературоведение (новое в изучении русских классиков), с. 139–150; Белецкий А. И. Русская наука о литературах Запада, с. 151–160; Соколов А. Н. А. Н. Веселовский – основоположник исторической поэтики, с. 161–172.)

¹⁴⁷ Научная конференция // Московский университет. М., 1944. № 44. 7 декабря. С. 1.

¹⁴⁸ Галкин И. С. Научная конференция университета // Там же. М., 1944. № 43. 30 ноября. С. 1.

¹⁴⁹ Закрытие научной конференции // Там же. М., 1945. № 1. 1 января. С. 1.

Начало эпохи Жданова

После совещания историков Сталин в очередной раз оценил талант Жданова-идеолога, посчитав необходимым вернуть его на реальную работу в Секретариат ЦК, поближе к себе, и 4 января 1945 г. Политбюро ЦК провело распоряжение о переводе Жданова в Москву¹⁵⁰. Присутствие Жданова в столице оказалось в тот момент еще и необходимостью: в декабре 1944 г. тяжело заболел главный идеолог партии А. С. Щербаков¹⁵¹, и, кроме Жданова, в сталинском окружении не оказалось никого равновеликого, кому можно было доверить это важнейшее направление. В Ленинграде оставались выращенные Ждановым руководители, не понаслышке известные руководству страны, что давало возможность не беспокоиться за колыбель русской революции. Также важно учитывать личные отношения Сталина и Жданова: «Он больше всех любил Жданова»¹⁵²; «Сталин Жданова больше всех ценил. Просто великолепно к Жданову относился»¹⁵³, – свидетельствует В. М. Молотов.

За первые месяцы 1945 г. Жданов уже занял главенствующее положение в аппарате ЦК, а возможный его конфликт с Щербаковым не состоялся: когда Щербаков, несколько восстановившись после инфаркта миокарда, выпросил у врачей разрешения приехать 9 мая из Барвихи в Кремль для празднования Победы, то не смог воздержаться от употребления спиртного и скончался на следующий день от «паралича сердца»¹⁵⁴.

Тем самым гордиев узел кремлевского закулисья Сталину в этот раз не потребовалось разрубать – он развязался сам собой, и Жданов без жертв оказался вторым человеком в партии, а возможный его конкурент Г. М. Маленков был слегка отодвинут в сторону¹⁵⁵.

Если говорить об окружении Сталина, как, впрочем, и любого политика подобного стиля правления, то определяющими качествами для сохранения доверия вождя являлись беспримерная личная преданность и четкое осознание своей второстепенной роли. Жданов для Сталина был именно таким человеком, причем между ними на протяжении долгих лет сохранялись действительно вполне дружеские отношения, что еще более подкреплялось умением Жданова работать инициативно, но оставаясь в русле неизреченных условий сталинского окружения. Началось это еще с 1930-х гг.

«Партия поддерживает все передовое и прогрессивное в советском искусстве <...>. Огромную помощь партии в этом оказывал один из активных деятелей ее А. А. Жданов. Будучи на руководящей советско-партийной работе, в первые после социалистической революции годы он большое внимание уделял привлечению на сторону советской власти передовой части старой русской интеллигенции, выдвижению и воспитанию своих, плоть от плоти народных, творческих работников.

Начиная с 30-х годов А. А. Жданов вел неослабную борьбу за торжество в советском искусстве метода социалистического реализма, ленинско-

¹⁵⁰ Жуков Ю. Н. Указ. соч. С. 274.

¹⁵¹ А. С. Щербаков был младшим братом жены А. А. Жданова Зинаиды Сергеевны, в девичестве Щербаковой, и именно Жданов обеспечил Щербакову выдающуюся карьеру.

¹⁵² Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991. С. 312.

¹⁵³ Там же. С. 322.

¹⁵⁴ Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина... С. 277.

¹⁵⁵ Последовавший вскоре перевод в Москву А. А. Кузнецова еще более ослабил позиции Г. М. Маленкова, что стало причиной сплочения тандема Берия – Маленков в противодействии ленинградцам и привело к известным последствиям.

сталинского принципа партийности. Большое внимание он всегда уделял идейному росту и воспитанию деятелей советского искусства»¹⁵⁶.

Наиболее значительным вкладом Жданова в идеологическую работу была

«проникнутая коммунистической партийностью, пламенным советским патриотизмом речь на первом Всесоюзном съезде советских писателей в 1934 году. В ней заложена целая идейно-творческая программа, выдвигавшаяся партией большевиков перед советской литературой и искусством в период борьбы за победу социализма в СССР. <...> А. А. Жданов дал исчерпывающую характеристику особенностей социалистического реализма, раскрыл его превосходство над деградирующим буржуазным искусством. Речь его явилась блестящим образцом умения сочетать разработку важнейших эстетических проблем с постановкой и разъяснением насущных творческих задач»¹⁵⁷.

В этом выступлении, многократно ссылаясь на руководителя страны, Жданов ставит перед литературой такие же цели, какие стоят перед всем советским обществом. В нем говорит бывший руководитель сельскохозяйственного и планово-финансово-торгового отделов ЦК ВКП(б) – он воспринимает литературу как еще одну отрасль народного хозяйства. В 1934 г. Жданов еще совсем не идеолог, он только учится. Но, имея квалифицированного педагога и способности, он вскоре станет таковым.

«Успехи советской литературы обусловлены успехами социалистического строительства. Рост ее есть выражение успехов и достижений нашего социалистического строя. Наша литература является самой молодой из всех литератур всех народов и стран. Вместе с тем она является самой идейной, самой передовой и самой революционной литературой. Нет и никогда не было литературы, кроме литературы советской, которая организовывала бы трудящихся и угнетенных на борьбу за окончательное уничтожение всей и всяческой эксплуатации и ига наемного рабства <...>.

Такой передовой идейной революционной литературой могла стать и стала в действительности только советская литература – плоть от плоти и кость от кости нашего социалистического строительства. (Аплодисменты.)»¹⁵⁸

Заканчивал свой доклад Жданов словами:

«Для советской литературы созданы все условия, чтобы она могла создать произведения, отвечающие требованиям культурно выросших масс. Ведь только наша литература имеет возможность быть так тесно связанной с читателями, со всей жизнью трудящихся, как это имеет место в Союзе Советских Социалистических Республик. Настоящий съезд является особенно показательным. Съезд готовили не только литераторы, съезд готовила вместе с ними вся страна. В этой подготовке ярко сказались та любовь и внимание, которыми окружают советских писателей партия, рабочие и колхозное крестьянство, та чуткость и вместе с тем та требовательность, которые

---

¹⁵⁶ Бондарева Е. Л. А. А. Жданов в борьбе за коммунистическую идейность советской литературы и искусства: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / БГУ им. В. И. Ленина. Минск, 1953. С. 6.

¹⁵⁷ Там же. С. 7.

¹⁵⁸ Жданов А. А. Советская литература – самая идейная, самая передовая литература в мире: Речь на Первом Всесоюзном съезде советских писателей. М., 1934. С. 8.

проявляют рабочий класс и колхозники к советским литераторам. Только в нашей стране литература и писатель подняты на такую высоту.

Организируйте же работу вашего съезда и работу Союза советских писателей так, чтобы творчество писателей отвечало достигнутым победам социализма.

Создайте творения высокого мастерства, высокого идейного и художественного содержания. Будьте активнейшими организаторами переделки сознания людей в духе социализма. Будьте на передовых позициях борцов за бесклассовое социалистическое общество. (Бурные аплодисменты.)»¹⁵⁹

В подобной эстетике Жданов мог тогда вещать как о литературе, так и о любой отрасли социалистического хозяйства. Осуществляя в ЦК ВКП(б) наблюдение за работой водного транспорта, Жданов 30 мая 1935 г. говорил:

«Большевистская воля, большевистская организованность, умение двигать и поднимать людей, умение руководить людьми, умение сочетать революционный размах с деловитостью, – вот что придавало силу нашим организаторам, вот что придавало и придает силу всем нашим мероприятиям во всех областях. Именно этим всегда побеждала и побеждает наша партия – сочетанием высокой идейности, высокой принципиальности с деловой практической работой, с организацией масс и проверкой исполнения. Этими же методами должен победить и водный транспорт»¹⁶⁰.

Именно такими методами впоследствии «побеждали» и советская история, и советская философия, и советская литература, и советская музыка...

Однако обращение Жданова к вопросам культуры не является случайным: в Политбюро он, после Сталина, был одним из самых сведущих. Портрет Жданова – культуртрегера середины 40-х гг. оставил один из руководителей югославских коммунистов, Милован Джилас:

«Жданов был небольшого роста, с каштановыми подстриженными усами, с высоким лбом, острым носом и болезненно красноватым лицом. Он был образованным человеком и в Политбюро считался крупным интеллектуалом. Несмотря на его общеизвестную узость и начетничество, я сказал бы, что его знания были достаточно обширны. Но несмотря на то что он понемногу разбирался во всем, даже в музыке, я не думаю, чтобы он обладал обширными знаниями в одной определенной области, – это был типичный интеллектуал, который накапливал сведения из разных областей посредством марксистской литературы. Он был вдобавок интеллигентом-циником, что еще более отталкивало, так как за подобной интеллигентностью неизбежно скрывался сатрап, “великодушный” к людям духа и литературы»¹⁶¹.

Исторически и историографически сложилось так, что сталинская политика второй половины 40-х гг. в области культуры давно канонизирована под именем ждановщины, что в действительности противоречит исторической правде, поскольку Жданов был инициативным, ярким, умелым, но все-таки проводником и исполнителем. Тогда как генератором этих идей был только один человек – Сталин.

---

¹⁵⁹ Там же. С. 14–15.

¹⁶⁰ Жданов А. А. Водный транспорт должен победить: Речь на совещании руководящих работников водного транспорта в ЦК ВКП(б) 30 мая 1935 года. [М.], 1935. С. 6.

¹⁶¹ Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 107.

При аксиоматичности положения о верховенстве и диктаторстве Сталина, ближайшее окружение его, хотя и равнозначно с точки зрения соучастия в его преступлениях, было очень разнородным. Безусловно, у каждого из его соратников были те необходимые черты, которые позволяли им долгие годы быть приближенными к тирану и по мере сил потакать ему в геноциде собственного народа и укреплении единоличной власти. Однако одновременно каждый из членов «ближнего круга» имел собственную индивидуальность, которая позволяла ему приносить наибольшую пользу на определенном участке партийно-государственной работы. Жданов не исключение; а практически неограниченное доверие Сталина, которое он стяжал после смерти Кирова, позволяло раскрыть во всей полноте черты собственной индивидуальности.

Считаем важным указать на некоторые личные качества Жданова, как их представляют современные историки.

«Жданов резко выделялся личностными свойствами и характеристиками из общего фона ленинградских руководителей. Его отличали: незаурядный здравый смысл, реалистическое мышление, умение быстро ориентироваться и адаптироваться к обстановке, неординарная память, способность из огромного потока информации извлекать главное, очень высокая деловая активность, внимательное отношение и неподдельный интерес к содержательным предложениям и идеям, от кого бы они ни исходили <...>. И хотя общее образование у него было обычным средним – реальное училище в Твери, меньше половины первого курса Московского сельскохозяйственного института да четырехмесячная школа прапорщиков в Тбилиси, – самообразование и природный талант, умение ладить с самыми разными людьми позволяли ему достаточно квалифицированно решать многие вопросы <...>. В среде ленинградского руководства военного времени А. А. Жданов, безусловно, играл роль авторитетного и уважаемого лидера.

Сложнее с определением его личного вклада в сугубо военные дела. Нам кажется, что Жданов вполне отдавал отчет в ограниченности своих знаний и опыта в этой области и знал свое место в решении специальных вопросов. <...> Однако и считать его отстранившимся от разработки и проведения оборонительных мероприятий мы никак не можем. Напротив. Вряд ли без активности Жданова, его напористости перед Сталиным, могли осуществиться столь быстро такие крупные оборонные проекты, как создание Лужского рубежа, армии народного ополчения. <...>

И последнее о роли Жданова в битве за Ленинград. Все его лучшие качества, вся его активность и весь здравый смысл заканчивались там, где начиналась воля Сталина. Страх перед Сталиным, безропотное, безоглядное подчинение ему сопровождали Жданова всю жизнь, включая, разумеется, и блокаду»¹⁶².

Умелым и деятельным проводником сталинского курса Жданов зарекомендовал себя еще во время руководства Горьковской областью в 1929–1934 гг. (образована 14 января 1929 г. как Нижегородский край, с 1932 г. – Горьковский край). Именно благодаря работе Жданова в Нижегородском крае с таким успехом шла индустриализация.

1 января 1932 г. вступил в действие Нижегородский автомобильный завод, построенный по лицензии американской фирмы «Форд» силой более чем 5 тыс. человек за 18 месяцев; 29 января с его конвейера сошел первый автомобиль – полуторка Наз-АА. 1 февраля 1932 г. было запущено производство на Горьковском авиационном заводе (его строительство было

¹⁶² Блокада рассекреченная / Сост. В. Демидов. СПб., 1995. С. 137–138. Здесь излагается точка зрения историков В. И. Демидова и В. А. Кутузова.

выполнено также в рекордные сроки – 21 месяц, а в августе 1932 г. были выпущены первые истребители И-5). Одновременно был построен Нижегородский станкостроительный завод. В мае 1933 г. был открыт Окский мост в Нижнем Новгороде, в декабре 1933 г. – железнодорожный мост через Волгу. При Жданове в крае была ликвидирована безработица, почти вдвое возросло число рабочих мест, по уровню промышленного производства край вошел в число ведущих в стране; за успехи в развитии сельского хозяйства в январе 1934 г. Горьковский край награжден орденом Ленина.

В статье «Бороться и побеждать!», написанной навстречу XVII партсъезду для газеты «Правда», Жданов дает отчет о работе края:

«В итоге первого пятилетия мы ввели в действие 78 новых фабрик, заводов и цехов. <...> Мы построили за годы пятилетия такие гиганты советского машиностроения, как Автозавод, Станкозавод, Выксунский завод дробильно-размолочных машин и довели продукцию машиностроения в 1933 году до суммы свыше 500 миллионов рублей. Мы создали в крае новые отрасли промышленности, каковой является, прежде всего, основная химия в лице Чернореченского химического комбината. Мы построили крупнейшее в Европе предприятие бумажной промышленности – Балахнинский бумажный комбинат. Мы освоили ряд новых производств, обеспечивающих технико-экономическую независимость Советского Союза. Автомобили, фрезерные и токарные станки, дизеля, радио-телефония, высококачественный инструмент, качественная сталь, изделия химической промышленности, бумага. Все это в настоящее время дает Стране Советов промышленность Горьковского края»¹⁶³.

К этому серьезному прорыву Жданов имеет самое непосредственное отношение; его сын вспоминал, что отец, «будучи первым секретарем Нижегородского крайкома ВКП(б), буквально пропал на строительстве Горьковского автозавода, «Красного Сормова», Дзержинского военно-химического комбината, Балахны, широкоэвещательного радицентра, сети современных автотрасс (край держал первенство в стране)»¹⁶⁴.

Естественно, что такие успехи давались Нижегородскому краю и его руководителю, а точнее говоря, советским гражданам, огромной ценой, перед которой Жданов, как и все деятели того времени, конечно же не останавливался, руководствуясь в своей работе исключительно указаниями партии и «интересами дела».

Не менее активно Жданов проявил себя в «разгроме кулачества» в Нижегородском крае, провел значительную чистку в органах управления колхозами.

«С помощью политотделов мы вытеснили из правлений и аппаратов правлений колхозов тысячи классово враждебных людей, рвачей, жуликов и расхитителей колхозного добра. Мы командировали в деревню несколько тысяч большевиков из города и среди них сотни лучших организаторов в политотделы»¹⁶⁵.

Жданов был оценен Сталиным: 10 февраля 1934 г. он был назначен секретарем ЦК ВКП(б), членом Оргбюро ЦК и переведен в Москву.

Но наиболее активным в проведении сталинского курса Жданов проявил себя в Ленинграде, куда 15 декабря 1934 г. он был назначен на должность 1-го секретаря обкома ВКП(б). Его тандем с начальником Ленинградского УНКВД Л. М. Заковским показал поистине выда-

¹⁶³ Жданов А. А. Бороться и победить! // Правда. М., 1934. № 15. 15 января. С. 2.

¹⁶⁴ Жданов Ю. А. Указ. соч. С. 155.

¹⁶⁵ Жданов А. А. Бороться и победить! С. 2.

ющиеся результаты и оказался достойным наследником дел покойного Кирова. Ввиду того, что Жданов и Заковский успешно справились с репрессиями 1935–1936 гг., чем дали «другим республикам и областям образец беспощадного уничтожения и искоренения “замаскированных” оппозиционеров, шпионов и врагов»¹⁶⁶, то непосредственно на них, а не на центральное руководство НКВД в Москве Сталин возложил подготовку и проведение массовых репрессий в Ленинграде в 1937–1938 гг.

«Решения на проведение массовых операций 1937–1938 гг. в Ленинграде и области принимались Управлением НКВД в точном соответствии с указаниями НКВД СССР, а вот методы их выполнения полностью отражали сложившуюся годами местную практику реализации подобного рода мероприятий»¹⁶⁷.

В результате усилий Заковского и Жданова «в период террора органами ОГПУ – НКВД было арестовано около 480 тыс. ленинградцев и жителей области, из которых 56 тыс. были уничтожены»¹⁶⁸; число коммунистов в Ленинграде с 1934 по 1938 г. уменьшилось с 300 до 120 тыс. человек, причем абсолютное большинство лишенных партбилета были репрессированы¹⁶⁹.

Особенной оговорки требует тот факт, что во время руководства Ленинградом Жданов манкировал участием в составе «особой тройки» НКВД. Эти внесудебные инстанции, на которых лежит огромное число приговоров времени Большого террора, были учреждены по указу от 31 июля 1937 г.; в состав «особой тройки» входили местный начальник НКВД (в качестве председателя), прокурор области и секретарь обкома ВКП(б). Так вот, Жданов, пользуясь положением секретаря ЦК ВКП(б), старался не брать на себя роль последней инстанции, а перекладывал эти обязанности на вторых секретарей: в состав первой «тройки», назначенной в тот же день, 31 июля 1937 г., приказом НКВД СССР, вошли Л. М. Заковский (председатель, начальник УНКВД; расстрелян в 1938 г.), Б. П. Позерн (прокурор области; расстрелян в 1939 г.) и П. И. Смородин (2-й секретарь обкома ВКП(б); расстрелян в 1939 г.). По сути, работа «троек» сводилась к машинальному утверждению готовых решений УНКВД. С августа 1937 по ноябрь 1938 г. здесь было арестовано 90 555 человек, из них 53 658 по политическим мотивам; из общего числа арестованных 44 479 человек были приговорены к высшей мере¹⁷⁰.

И хотя Жданов публично выступал в печати с осуждением репрессий, заявляя в 1936 г., что «массовые репрессии дискредитируют руководство», а последовавший Большой террор называл провокацией НКВД¹⁷¹, не с его ли согласия все это проводилось?

«Выполняя волю партии, А. А. Жданов со свойственной ему большевистской страстностью воодушевляет и мобилизует ленинградскую партийную организацию на разгром и выкорчевывание троцкистско-зиновьевских двурушников и предателей, еще теснее сплачивает ленинградских большевиков вокруг ЦК ВКП(б) и товарища Сталина»¹⁷².

Причем в юрисдикцию Жданова входили не только Ленинград и Ленинградская область:

¹⁶⁶ Иванов В. А. Миссия Ордена... С. 123.

¹⁶⁷ Там же. С. 135.

¹⁶⁸ Иванов В. А. Репрессии против ленинградской интеллигенции в 1920–1940-е годы // VI World Congress for Central and East European Studies, 29 July – 3 Aug. 2000, Tampere, Finland: Divergences, Convergences, Uncertainties: Abstracts. [Helsinki, 2000]. P. 177.

¹⁶⁹ «Ленинградское дело» / Сост. В. И. Демидов, В. А. Кутузов. Л., 1990. С. 41–42.

¹⁷⁰ Иванов В. А. Миссия Ордена. С. 202.

¹⁷¹ Жданов Ю. А. Указ. соч. С. 364.

¹⁷² Андрей Александрович Жданов, 1896–1948. [М.], 1948. С. 6.

«До декабря 1936 г. в Карелии, до июня 1938 г. в Мурманской области, а до осени 1944 г. в Псковской и Новгородской областях руководство органами госбезопасности, милиции, суда и прокуратуры осуществлялось из Ленинграда. Все крупные репрессивные мероприятия на их территории в эти годы согласовывались с ОК ВКП(б), Леноблисполкомом и командованием ЛВО»¹⁷³.

Отдельного упоминания достоин тот факт, что с марта 1939 г. по декабрь 1941 г. в Ленинграде работал небезызвестный С. И. Огольцов – будущий первый заместитель министра госбезопасности СССР В. С. Абакумова. Он с 4 марта 1939 г. по 26 февраля 1941 г. был начальником УНКВД по Ленинграду, с 13 марта по 31 июля 1941 г. – заместителем начальника УНКГБ по Ленинградской области, а с августа по декабрь 1941 г. – заместителем начальника УНКВД по Ленинградской области.

Во время войны Жданов, по рассказам, стал сторониться подобных дел, да и вообще больше занимался работой как член Военного совета фронта, о чем вспоминали ответственные сотрудники УНКВД:

«Он стал нас избегать, подставляя вместо себя – пользуясь положением секретаря ЦК партии – Кузнецова, Штыкова и других. У нас, в УНКВД, мы его и не видели. Кузнецов бывал часто – чуть не каждый день заезжал за начальником управления Кубаткиным на обед»¹⁷⁴.

А когда П. Н. Кубаткин, вообще очень активно трудившийся на вверенной ему ниве, докладывал лично Жданову компромат, то часто «Жданов никак не реагировал: распишется на информации – и все...»¹⁷⁵.

В 1995 г. ленинградские историки В. И. Демидов и В. А. Кутузов заявили относительно участия Жданова в репрессиях, что

«среди тысяч имевших к нему отношение бумаг (включая материалы НКВД) <...> никто не обнаружил пока ждановских санкций и инициатив по политическому преследованию тех или иных конкретных граждан. Не попадались его автографы противоправного характера и опрошенным нами прокурорам и судьям, осуществлявшим реабилитацию жертв сталинского режима. Только что, наконец, мы получили и, можно считать, официальное заключение самых компетентных органов – прокуратуры Союза и КГБ СССР: “Документов о личной причастности А.А Жданова к репрессиям 30–50-х годов не обнаружено”. Он очень многое знал о репрессиях – факт, не боролся против них, а всемерно восхвалял политику Сталина – тоже факт. Но назвать его даже одним из активнейших участников сталинского террора мы сегодня не можем»¹⁷⁶.

Затем они повторили: «Мы санкций и инициатив Жданова не обнаружили, хотя очень настойчиво их искали»¹⁷⁷.

---

¹⁷³ Иванов В. А. Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20-х – 40-х гг.: (На материалах Северо-Запада РСФСР) / Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. СПб., 1998. С. 3.

¹⁷⁴ «Ленинградское дело». С. 48. Петр Николаевич Кубаткин (1907–1950) занимал должность начальника УНКВД с 24 августа 1941 г. (был переведен по протекции Л. Берии с такой же должности из Москвы; в 1946 г. при помощи Кузнецова переведен в Москву; арестован по «ленинградскому делу», расстрелян).

¹⁷⁵ Там же. С. 48.

¹⁷⁶ Блокада рассекреченная. С. 138.

¹⁷⁷ Там же. С. 140.

Однако, факт отсутствия доказательств – не доказательство отсутствия факта. Кроме того, должность Секретаря ЦК действительно являлась серьезной причиной – получая ежедневно положенные по должности телефонограммы и шифрограммы, пакеты документов Секретариата ЦК (Сталин согласовывал с ним очень многие серьезные государственные, партийные и кадровые вопросы), Жданов был и без того перегружен.

Уже в военное время деятельность Жданова в Ленинграде не была публичной, а почти полное отсутствие его голоса в репродукторе объяснялось современниками тем обстоятельством, что война с Германией пошатнула позиции Жданова в глазах Сталина (поскольку Жданов якобы был сторонником Германии, то он старался не «высовываться», хотя это не очевидно¹⁷⁸). Такое мнение бытовало в военном и послевоенном Ленинграде; обладающая удивительной политической проницательностью О. М. Фрейденберг¹⁷⁹ писала в своем дневнике относительно отсутствия заместителя власти в репродукторе: «Жданова совершенно не было слышно, потому что он был сторонником Германии против Англии, и со времени войны его держали на голосовой диете»¹⁸⁰.

¹⁷⁸ Стоит оговориться, что сын Жданова Юрий Андреевич в своих воспоминаниях показывает это иначе: «В июне 1941 года Политбюро приняло решение о предоставлении очередного отпуска для лечения моему отцу. 19 июня отец приехал в Москву из Ленинграда и отправился к Сталину. Там он поделился своей тревогой: в немецком консульстве какая-то возня, уничтожают документы, вскоре все может начаться. Сталин на это: “Нам известно, что немцы планировали нападение на 15 мая. Теперь они завязли на Балканах. Немцы в этом году упустили наиболее выгодное для них время нападения. Скорее всего, это случится в сорок втором. Поезжайте отдыхать. Правда, тревожит то, что немцы не опубликовали в своей прессе опровержение ТАСС”. <...> Всей семьей мы отправились в Сочи. По дороге отец с тревогой говорил: “Успеем ли доехать”. 21 июня мы были на месте. Утром 22 мать вошла в мою комнату и сказала: “Война!”. Наступила новая эпоха. В Москву мы вернулись поздно, 25 июня. <...> Отец сразу же отправился к Сталину. Мы ждали его допоздна, он вернулся ночью. Вот его слова: «Пал Двинск. Горит Минск. Немцы наносят свой главный удар на Ленинград. Настроение Сталина тяжелое: “Мы не сберегли завещанное нам Лениным... Немедленно отправляйтесь в Питер”» (*Жданов Ю. А.* Указ. соч. С. 157–158).

¹⁷⁹ Фрейденберг Ольга Михайловна (1890–1955) – филолог-классик, профессор ЛГУ. Родилась в Одессе в семье изобретателя автоматического телефона и наборной буквоотливной машины М. Ф. Фрейденберга и А. О. Пастернак, двоюродная сестра Б. Л. Пастернака. В 1908 г. закончила с серебряной медалью частную женскую гимназию Е. М. Гедда в Петербурге, на Высшие женские курсы не могла поступить из-за процентной нормы; занималась самообразованием, путешествовала, с началом Первой мировой войны стала сестрой милосердия; в 1917 г. поступила вольнослушательницей на Классическое отделение ФОН Петроградского университета, в 1919 г. зачислена в действительные студенты; окончила университет в 1923 г. (итоговая работа по греческой мифологии «Фамирид» выполнена под руководством С. А. Жебелева), 14 ноября 1924 г. защитила при поддержке Н. Я. Марра, под влиянием которого находилась в то время, магистерскую диссертацию по теме «Происхождение греческого романа». В 1925 г. зачислена «по словесному представлению Н. Я. Марра» (ПФА РАН. Ф. 302. Оп. 2. Д. 269. Л. 1) в штат НИИ сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока имени А. Н. Веселовского (впоследствии переименован в Государственный институт речевой культуры), где делает успешную научную и общественную карьеру: «В связи с директивами партии о перестройке учебного дела я была выдвинута общественностью данного Института на должность зав. учебной частью, в которой пробыла с 1932 по 1933 г. и организовала учебный процесс в том виде, как он существует сейчас. Одновременно, с 1931 г., председательствовала в секции по изучению худ. литературы в связи с мышлением (“антирелигиозной”) и вела исследовательскую работу в области фольклора и методологии литературы» (ПФА РАН. Ф. 302. Оп. 2. Д. 270. Л. 7); с 1 ноября 1932 г. она была заместителем директора, с 15 ноября – штатным профессором. В 1932 г. была приглашена организовать заново кафедру классических языков ЛИФЛИ (затем вошел в состав ЛГУ) с получением звания профессора кафедры, на которой проработала до 1950 г. В 1928 г. закончила написание докторской диссертации «Поэтика сюжета», которую защитила в 1935 г. («Поэтика сюжета и жанра. Период античной литературы»), а 23 ноября 1935 г. ВАК утвердил ее в ученой степени доктора литературоведения – она стала первой женщиной в СССР, получившей таковую. Вышедшая в следующем году в виде монографии диссертация подверглась «критике», продажа ее была приостановлена; в результате обращения на имя И. В. Сталина Наркомпрос РСФСР остановил травлю. От идей Н. Я. Марра она отошла в начале 1930-х гг.: «Во мне накопилось в душе от Марра. Чем влиятельней он становился, чем насильственней он заставлял принимать свое учение и подлаживаться под политику, тем громче поднимался во мне негодующий протест. Я желала сбросить с себя гнет его имени, тяготевший над моей научной индивидуальностью; мне надоело терпеть гонение за недостатки его теории и отдавать в его приходную книгу свои научные достижения. Его клика, его камарилья, ничтожества, выдвигавшиеся им в ущерб науке, его недоступность, вырождение былых взглядов и привычек, партийная лесть и деспотизм – это все раздражало меня, вызывало во мне стыд, и я хотела отмежеваться от марризма. Столько лет борясь за Марра, я боролась за передовую мысль и ее независимость; теперь я видела, что она сама стала деспотичной, нетерпимой, неумной» (цит. по: *Брагинская Н. В.* Мировая известность: Ольга Фрейденберг об античном романе / Препринт WP6/2009/05. М., 2009. С. 20–21). Все годы войны оставалась в Ленинграде. Кроме греческого и латинского языков владела многими новыми – английским, французским, немецким, итальянским, испанским, шведским. В 1949 г. вынуждена была оставить руководство кафедрой, в 1950 г. прекратила преподавательскую деятельность.

¹⁸⁰ *Фрейденберг О. М.* Осада человека / Публ. К. Невельского // Минувшее: Исторический альманах. М., 1991. [Вып.] 3.

Действительной же причиной было то, что Жданов испытывал панический страх, настоящую фобию перед налетами вражеской авиации, и почти всю войну, находясь в Ленинграде, он провел в бункере глубокого залегания на территории Смольного, который был построен метростроевцами в самом начале войны.

«Когда началась блокада, и немцы стали обстреливать город, Жданов практически переселился в бомбоубежище, откуда выходил крайне редко. Прилетая в Москву, он сам откровенно рассказывал нам в присутствии Сталина, что панически боится обстрелов и бомбежек и ничего не может с этим поделать. Поэтому всей работой “наверху” занимается Кузнецов. Жданов к нему, видимо, очень хорошо относился, рассказывал даже с какой-то гордостью, как хорошо и неутомимо Кузнецов работает, в том числе заменяя его, первого секретаря Ленинграда. Занимаясь снабжением города, я и мой представитель с мандатом ГКО [Д. В.] Павлов имели дело по преимуществу с Кузнецовым, оставляя Жданову, так сказать, протокольные функции.

Сталин питал какую-то слабость к Жданову, не спаивал его, поскольку знал, что тот склонен к алкоголизму, жена и сын удерживают его часто. Простил ему и это признание в трусости. Может быть, потому, что сам Сталин был не очень-то храброго десятка. Ведь это невозможное дело: Верховный Главнокомандующий ни разу не выезжал на фронт!»¹⁸¹

Но не следует полагать, что Жданов исключительно отсиживался – его деятельность в Ленинграде во время войны, несмотря на серьезные проблемы со здоровьем (во время блокады он перенес инфаркт), была очень активной, особенно в качестве члена Военного совета Ленинградского фронта и секретаря обкома. Он ежедневно разбирал сводки с фронтов, участвовал в работе бюро обкома, проводил совещания, периодически собирал партактив, выступал на собраниях политработников и агитаторов... Вся хозяйственная деятельность по Ленинграду и области лежала большей частью на А. А. Кузнецове и П. С. Попкове. Также никто не складывал с него обязанностей члена Политбюро и секретаря ЦК...

Об обстановке, в которой работал аппарат Жданова, повествует О. М. Фрейденберг, которая относилась туда 30 мая 1943 г. свое прошение:

«Секретариат Жданова занимает в Смольном особое здание. Туда не только не пропускают народа-диктатора, но не позволяют даже стоять в преддверии. Все кишит откормленными, мрачными, звероподобными чекистами в военной форме. Обращение грубое, травмирующее. Чекист нажимает кнопку. Является злая и грубая баба, которая принимает письмо. На конверте должна быть фамилия просителя, иначе оно не принимается. Молчаливо, грубым движением руки, чекист заставляет уйти с порога в междверье. Кругом прекрасные, благоухающие чистой природой, сады. Ветхая старинная культура церквей и подворий. Угрюмые чекисты не спускают с тебя звериных глаз»¹⁸².

Лишним доказательством активности Жданова в военные годы являются факты репрессивного контроля Смольного в отношении литературы – они зарегистрированы уже в 1942 г. В этой связи уместен рассказ об одном из персонажей этой книги – Г. П. Макогоненко, будущем

С. 18–19. (В действительности публикация подготовлена Ю. М. Каган, взявшей псевдоним К. Невельской. См.: *Глазырина [Костенко] Н. Ю.* Проблемы публикации мемуарного и эпистолярного наследия ученых: (По материалам личного архива проф. О. М. Фрейденберг) / *Дипломная работа студентки V курса Историко-архивного института РГГУ. М., 1994. Без пагинации. Гл. III. Ч. 1.)*

¹⁸¹ Микоян А. И. Так было: Размышления о минувшем. М., 1999. С. 562–563.

¹⁸² Фрейденберг О. М. Записки // Машинописная копия в собр. Н. В. Брагинской.

профессоре филологического факультета ЛГУ, – содержащийся в письме Е. Р. Малкиной¹⁸³ к А. А. Фадееву от 27 июля 1942 г.:

«Расскажу в двух словах, в чем дело: несколько времени тому назад я в качестве редактора Радиокomiteта попросила З. К. Шишову¹⁸⁴ дать нам поэму “Дорога жизни”. 13 июля поэма передавалась по радио. Во время передачи позвонили из горкома и потребовали, чтобы поэма была немедленно снята¹⁸⁵; передача была прервана.

Как выяснилось, поэма была предварительно отклонена горкомом; у нас порядок таков: подписывает сначала редактор (в данном случае я), потом Макогоненко, как начальник отдела и вместе главный редактор, потом председатель Радиокomiteта Широков (будущий косвенный виновник постановления 1946 года о литературных журналах. – П. Д.), предварительно согласующий произведение с горкомом (с [Т. Г.] Паюсовой). Итак, поэма была отклонена, но ни я, ни Макогоненко об этом не знали, узнали уже *post factum*, так как Широков Макогоненку в известность не поставил (я думаю, без умысла, просто по забывчивости). О точке зрения горкома ни я, ни Макогоненко даже не подозревали.

24 июля я узнала, что Макогоненко снят с работы. Я считала, что это несправедливо, так как никакого нарушения требований горкома с его стороны не было (поскольку он об этих требованиях ничего не знал), считала, что по существу несу за случившееся совершенно такую же ответственность, как и Макогоненко (между тем никакие репрессии меня ни в какой мере не коснулись) <...>. Все это заставило меня позвонить в горком и добиться там разговора. К Маханову (А. И. Маханову, секретарю горкома. – П. Д.) я не попала (он с утра отсутствовал, а потом был на совещании), говорила с Лесючевским (часть разговора происходила в присутствии Паюсовой). Из разговора с Лесючевским я узнала, что поэма Шишовой была снята, как произведение в корне “порочное” и “одиозное” (слова Лесючевского). <...>

Что касается Макогоненки, то он снят постановлением горкома. На мои слова о том, что Макогоненко не знал о мнении горкома, на мой вопрос, почему же тогда не снята также и я с работы, – мне было сказано, что я как редактор сделала ошибку, пропустив поэму Шишовой (даже мягче – “упущение”), что же касается Макогоненко, то, если он не знал о запрещении горкома, это лишь удваивает его вину. <...>

Забыла еще Вам сказать, что в день, когда я была в горкоме, там проходило совещание, на которое был приглашен ряд писателей и на котором гвоздем была поэма Шишовой, но почему-то ни Шишова, ни Макогоненко, ни я на это совещание приглашены не были»¹⁸⁶.

¹⁸³ Малкина Екатерина Романовна (1899–1945) – литературовед, критик, переводчик; специалист по русской литературе начала XX в.

¹⁸⁴ Шишова Зинаида Константиновна (1898–1977) – поэтесса, прозаик; родилась в Одессе, участник одесского кружка «Зеленая лампа»; наибольшую известность ей принесли книги для детей и подростков.

¹⁸⁵ Смольный во время войны постоянно контролировал радиокomiteт; исполняющий обязанности начальника Ленрадиокomiteта в 1941–1942 гг. В. А. Ходоренко вспоминал: «Главные передачи просматривали в обкоме или прослушивали. Прямая связь со Смольным сохранялась все время, и там могли слушать даже репетиции. Это давало не только возможность контроля, но и вполне реальной помощи. Нам говорили о том, что сейчас наиболее важно» (цит. по: *Рубашкин А. Голос Ленинграда: Ленинградское радио в дни блокады*. СПб., 2005. С. 48).

¹⁸⁶ Александр Фадеев: Письма и документы (из фондов Российского государственного архива литературы и искусства) / Сост. Н. И. Дикушина. М., 2001. С. 224–225.

Несомненно, терминология оценки художественного произведения – «порочное» и «одинственное» – вполне перекликается с характеристиками августа 1946 г., да и прервана трансляция была, скорее всего, по распоряжению Жданова. В результате критики поэма была переработана З. Шишовой, получив при этом новое заглавие – «Блокада», и издана единственный раз, в 1943 г., преодолев цензурные препятствия, чинимые даже в ЦК ВКП(б)¹⁸⁷. В этой поэме не так уж много места отводилось радостному предвосхищению победы – этого в блокадном ленинградском сознании почти не было. Под натиском всепоглощающего голода, холода и смерти оптимизм – не первое чувство, что стремится лечь на бумагу:

А в нашей шестикомнатной квартире,
Где из шести – разрушено четыре,
Жильцов осталось трое: я да ты,
Да ветер, дующий из темноты...

Увозит смерть мужей, детей, отцов...
Что ж, мы хороним наших мертвецов, –
Ведь это тоже сила и победа –
В такие дни похоронить соседа!¹⁸⁸

<...>

Я обнимаю худенькие плечи, –
Ведь больше мне сейчас ответить нечем, –
И говорю тебе, как друг, как мать:
– Вставай, мой сын, сейчас нельзя лежать!

И ты поднялся. Так встают из гроба.
Ты зашагал. Ты зашагал как робот,
Механикой и волею ведом.
И вышагнул. А улица рябила,
А сердце молотом с размаху било,
И, как корабль, покачивался дом...

А я ходила в угол из угла
И все ждала тебя. Как я тебя ждала!

Вошел, с трудом переставляя ноги,
Вошел, времянку тронул по дороге, –
Холодная... Ты чаю не спросил.
Хлеб? Я тебе оставила немножко.
Ты ел, в ладоши собирая крошки,
Солил и ел, потом опять солил¹⁸⁹.

---

¹⁸⁷ 21 декабря 1942 г. Л. И. Тимофеев записал в дневнике: «Была Михайлова (Екатерина Михайловна, ответственный секретарь редколлегии журнала «Знамя». – П. Д.). Жаловалась, что не пропускают в печать хорошие вещи: «Блокаду» Шишовой, прозу Довженко. Все решает отдел печати ЦК. Таким образом, громко выражаясь, общественное мнение страны определяется только его мнением. Понятно, что при такой системе страна превращается в инкубатор дураков». (Тимофеев Л. Указ. соч. // Знамя. М., 2003. № 12. Декабрь. С. 150).

¹⁸⁸ Шишова З. Блокада. Поэма. Л., 1943. С. 7.

¹⁸⁹ Там же. С. 17–18.

Несколько ранее, в феврале 1942 г., порицание ленинградского руководства получил и «Февральский дневник» Ольги Берггольц, сочиненный ею к юбилею РККА и прочитанный в эфире Ленинградского радио 23 февраля¹⁹⁰.

В 1943 г., когда началось «сокращение» евреев с руководящих постов и вообще укрепление кадров коренной национальностью, Ленинград также старался не отставать от столицы. В том же Ленинградском радиокomiteте 16 апреля 1943 г. была уволена группа сотрудников-евреев, без всякой мотивировки¹⁹¹. Среди них оказался и художественный руководитель радиокomiteта Я. З. Бабушкин. Ольга Берггольц писала по этому поводу А. А. Фадееву 11 мая:

«Но главное, о чем я хочу тебе написать – это о Яше Бабушкине. Его глупо и хамски уволили из Радиокomiteта, – ни за что, без всяких мотивировок, – дико сказать, но гл[авным] обр[азом] за... неарийское происхождение, т. к. у нас по этой линии проверяют и реконструируют ряд пропагандистских учреждений. В общем, пошел обедать, приходит, а на стенке приказ: “сдать дела и освободить от работы в Радиокomiteте”. Все-таки с коммунистом так поступать нельзя, тем более что Яшка не щадил жизни в полном и самом серьезном смысле слова на этой работе. Мы обязаны ему созданием оркестра, после того, как оркестр наполовину вымер, то же – с хором, он же поднял и создал ряд концертных ансамблей, исполнение “Седьмой симфонии” – это его дело, городской театр – тоже, – в общем, после той страшной зимы, ранней весной 42 г. он за все это принял, когда люди еще вымирали, когда ничего не осталось»¹⁹².

Нет сомнений, что все эти события отражают политическую волю, которая не могла проводиться без участия Жданова, а управление литературой вполне укладывается в постулаты, впоследствии верифицированные в постановлении ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград». Но пока это было лишь скрытое принуждение.

Ленинградский поэт Михаил Дудин в начале 1944 г. написал «в стол» стихотворение «Разговор с неназванным дядей о принципах нашей поэзии», которое как нельзя лучше отражает идеологические настроения, насаждавшиеся аппаратом Жданова в осажденном городе в соответствии с высочайшими указаниями. Начинается оно следующими строками:

Сухая канцелярская доска,
Очередной переходящий дядя,
В мои стихи с какой-то стати глядя,
Сказал, что в них присутствует тоска,
Безвыходность, уныние, потеря
Того, сего. Что я живу, не веря
В грядущее. Что оптимизма мало.
А говоря короче, из журнала
Он вымарал стихи мои. И вот
Перед собраньем открывая рот,
В кипучих выражениях неистов,
Меня причислил к лику пессимистов...¹⁹³

¹⁹⁰ Александр Фадеев: Письма и документы. С. 243.

¹⁹¹ Рубашкин А. Указ. соч. С. 195.

¹⁹² Александр Фадеев: Письма и документы. С. 242. После снятия брони Бабушкин работал на заводе, а в конце июня 1944 г. был мобилизован и, добравшись в 1944 г. до линии фронта, погиб в первый же день боев.

¹⁹³ Дудин М. Меня поэтом сделала война: Стихи / Публ. и предисл. Б. Г. Друяна // Нева. Л., 2006. № 11. С. 58.

То есть еще задолго до 1946 г. Андрей Александрович Жданов все «знал и умел».

Направив все свои силы на идеологический фронт и получив при этом от Сталина относительную свободу, Жданов продолжил ревностно претворять идеи вождя в жизнь советского общества.

1945-й и первая половина 1946 г. не были отмечены громкими постановлениями ЦК в области идеологии (руководство страны занималось вопросами внешней политики, и Жданов был в это время занят урегулированием отношений с Финляндией, которыми занимался с 1944 г.), а потому в историографии традиционно события на идеологическом фронте начинают отсчитывать с лета 1946 г. Однако Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) твердо шло выбранным курсом и свои обязанности исправляло ревностно.

«Ибо из 150 с небольшим человек нашего аппарата Управления пропаганды, – писал в марте 1944 г. Г. Ф. Александров, – почти все от инструкторов и вплоть до зав. отделами – это пропагандисты-профессионалы, специально подготовленные для пропагандистской работы и работающие в течение ряда лет на этом поприще, сделавших делом своей жизни пропаганду»¹⁹⁴.

Характерным примером этой работы является брошюра «Великая заслуга советского народа перед историей человечества», вышедшая из-под пера уже упоминавшегося руководителя отдела пропаганды Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) С. М. Ковалева; она была издана Наркоматом обороны для проведения политзанятий в РККА. Название четко отражает суть. Кроме обсуждения военных подвигов, внимание красноармейцев обращалось и на вопросы культуры:

«Но не только своими ратными подвигами заслужил наш народ уважение других народов мира. Народы нашей страны, и прежде всего великий русский народ, внесли неоценимый вклад в сокровищницу мировой культуры.

Великий русский народ оказал громадное влияние на духовное развитие всего человечества. Плеханов и Ленин, Белинский и Чернышевский, Пушкин и Толстой, Глинка и Чайковский, Горький и Чехов, Сеченов и Павлов, Репин и Суриков, Суворов и Кутузов – это лишь наиболее славные имена гениальных творцов во всех отраслях знания, без которых невозможно представить себе всего величия современной культуры. Это – наиболее яркое свидетельство величия русской нации, нашего народа, по праву занимающего выдающееся место во всей мировой истории, истории цивилизации. Русская литература, искусство, наука оказали громадное благотворное влияние на духовное развитие всего человечества»¹⁹⁵.

По окончании войны законное чувство патриотизма выросло в народе необычайно, а вкупе с усилиями пропагандистской машины ЦК патриотизм получил статус национальной идеи. Естественно, что такое нагнетание эмоционально-идеологических сил неминуемо должно было найти выход; необходима была биполярная схема, в которой сложившейся идее «великого русского народа» можно было бы противопоставить идею-антагониста. Ее не нужно было долго искать, а уж придумывать вовсе не приходилось: чем ближе был конец войны, тем очевиднее вырисовывались разногласия между союзниками, а то обстоятельство, что СССР, победив ценой огромных жертв, в результате испытания американцами нового оружия оказался сам в положении поверженного, предопределили этот выбор. Уязвленность Сталина

---

¹⁹⁴ Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны. С. 245.

¹⁹⁵ Ковалев С. Великая заслуга советского народа перед историей человечества. М., 1945. С. 6.

перерождением вчерашних союзников в мощных политических противников стала заметна и во внутривполитической линии руководства страны.

Атомная бомба как фактор идеологии

Создание атомной бомбы стало той сверхъестественной силой, о существовании которой подозревали, но явно не осознавали гигантского могущества, какое дает обладание ею. И, естественно, наличие такого противовеса одномоментно и окончательно превратило союзников во врагов.

12 октября 1941 г. академик П. Л. Капица заявил на митинге ученых в Колонном зале Дома союзов:

«Одним из основных орудий современной войны являются взрывчатые вещества. Наука указывает принципиальную возможность увеличить их взрывчатую силу в полтора-два раза. Но последние годы открыли еще новые возможности – это использование внутриатомной энергии. Теоретические подсчеты показывают, что если современная мощная бомба может, например, уничтожить целый квартал, то атомная бомба, даже небольшого размера, если она осуществима, с легкостью могла бы уничтожить крупный столичный город с несколькими миллионами населения»¹⁹⁶.

Не позднее начала 1942 г. Сталин знал о ведущихся союзниками работах по созданию нового вида оружия, а в апреле к Сталину обратился с письмом лейтенант авиации и будущий академик Г. Н. Флеров, который до войны занимался вопросами расщепления атомов урана. Будучи в Воронеже, он зашел в научную библиотеку для просмотра новых статей по своей тематике в иностранных журналах, но ничего по искомой теме не нашел. Именно об этом он и написал Сталину:

«Во всех иностранных журналах полное отсутствие каких-либо работ по этому вопросу. Это молчание не есть результат отсутствия работы <...>. Словом, наложена печать молчания, и это-то является наилучшим показателем того, какая кипучая работа идет сейчас за границей. <...> Нам всем необходимо продолжить работу над ураном»¹⁹⁷.

28 сентября 1942 г. Сталин подписал распоряжение ГКО «Об организации работ по урану»; 11 февраля 1943 г., как свидетельство возросшего интереса власти к атомной проблеме, было принято более детальное распоряжение ГКО, а также назначено руководство. Научное направление возглавил И. В. Курчатов, административное – член ЦК ВКП(б), заместитель председателя СНК СССР, нарком химической промышленности М. Г. Первухин и кандидат в члены ЦК, председатель ВКВШ С. В. Кафтанов.

16 июля 1945 г., накануне открытия Потсдамской конференции, американцы произвели в штате Нью-Мексико успешное испытание атомной бомбы; Сталин узнал об этом в начале 20-х чисел, а 24 июля президент Трумэн сообщил Сталину о новом оружии «необычайной разрушительной силы». Но истинную силу нового оружия Сталин смог оценить только после 6 и 9 августа 1945 г., когда американские бомбы были сброшены на японские города Хиросима и Нагасаки. Как и после 22 июня 1941 г., Сталин все понял – поражение было очевидным.

После этого работа над созданием советской атомной бомбы приняла совершенно иной размах: 20 августа решением ГКО был создан Специальный комитет под руководством Л. П. Берии, а также 1-е Главное управление при СНК СССР. С августа 1945 до 29 августа 1949 г. – дня успешного испытания первой советской атомной бомбы в Семипалатинской области – раз-

¹⁹⁶ Ученые всего мира – на борьбу с гитлеризмом!: Антифашистский митинг в Москве // Правда. М., 1941. № 284. 13 октября. С. 3.

¹⁹⁷ Смирнов Ю. Н. Сталин и атомная бомба // Вопросы истории естествознания и техники. М., 1994. № 2. С. 125.

работка нового оружия была одной из важнейших задач руководства страны, с соответствующим в подобных случаях выделением материальных, человеческих и иных ресурсов.

Именно с разработкой атомного оружия связано серьезное ужесточение режима секретности в середине 1940-х гг., введенное еще в 1941 г. обстоятельствами военного времени; причем сковывал он не одну специальную область физики, а распространялся на все области советской науки. Об этом 19 сентября 1944 г. академик П. Л. Капица писал заведующему отделом науки ЦК С. Г. Суворову¹⁹⁸:

«Промышленность каждой страны пользуется всей суммой достижений, полученных в процессе развития мировой культуры, и уровень ее техники определяется уровнем развития мировой науки. Поэтому всякая культурная страна должна быть заинтересована в развитии большой науки и техники в мировом масштабе и всеми средствами содействовать их развитию.

Узкий эгоизм, воображающий, что можно брать, не давая, может быть политикой только тупого человека. Недаром в священном писании сказано: «рука дающего не оскудеет». Жизненный опыт показывает, что узкий эгоизм как в жизни отдельного человека, так и в жизни государства никогда не оправдывается.

Дело в том, что мы должны всевозможными путями уметь использовать достижения мировой культуры, претворять их в жизнь, поднимая тем самым культурную жизнь нашей страны. Если другой раз мы этого не умеем делать достаточно интенсивно, то мы должны винить в этом только себя и не воображать, что путем засекречивания мы можем обогнать Запад»¹⁹⁹.

Резюмирует академик следующими словами:

«Развитие мировой культуры не под силу одной стране. Поэтому все, что хоть немного содействует развитию этой большой науки и техники, должно быть сделано общим достоянием. Не надо смущаться, что не только мы, но и кто-либо другой использует их раньше и пойдет дальше. Открытие радиотелеграфа Поповым было основано на работах Герца, Бранли, Риги и других. Потом после Попова был сделан большой шаг вперед Маркони, Флемингом и многими другими, и мы имеем в результате радио сегодняшнего дня. Чем больше мы дадим мировой науке и технике, тем больше от нее и получим. Поэтому, мне кажется, в области техники следует секретить только частные процессы, конструкции и пр., как например, рецептуры, катализаторы, специальные машины и т. д., которые применяются в замкнутой промышленности и не входят в широкое употребление»²⁰⁰.

Однако Капица, со свойственными ему либеральными взглядами, конечно, уже не мог остановить необратимого процесса, который подчинял себе не только советскую, усугубляющуюся мнительностью Сталина линию поведения, но и вообще общемировую науку; причем

¹⁹⁸ Суворов Сергей Георгиевич (1902–1994) – физик, окончил в 1928 г. физико-математический факультет 1-го МГУ, затем учился в ИКП, член ВКП(б) с 1924 г. (Научные кадры ВКП(б). С. 16.) В 1940–1947 гг. – заведующий отделом науки Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), впоследствии директор Физико-математического издательства, в 1954–1987 гг. был заместителем главного редактора журнала «Успехи физических наук». Вышедшая в 1948 г. в его переводе на русский язык книга А. Эйнштейна и Л. Инфельда предварялась предисловием в духе эпохи: *Суворов С. Г.* Об идеологических пороках в книге А. Эйнштейна и Л. Инфельда «Эволюция физики» // *Эйнштейн А., Инфельд Л.* Эволюция физики: Развитие идей от первоначальных понятий до теории относительности и квант. / Пер. с англ. М.; Л., 1948. С. 5–24.

¹⁹⁹ *Капица П. Л.* Указ. соч. М., 1989. С. 219. Капица в этом письме давал отрицательное заключение на вопрос о целесообразности наложения грифа «Секретно» на книгу С. А. Векшинского «Новый метод металлографического исследования сплавов».

²⁰⁰ *Капица П. Л.* Письма о науке, 1930–1980. С. 220.

начался этот процесс тогда не в СССР. Выдающийся американский математик, основоположник кибернетики Норберт Винер, имевший отношение к военным исследованиям, пишет:

«Среди многих вопросов, которые меня волновали, одним из самых больных был вопрос о том, как сложится отношение общества к науке и к ученым после взрыва бомбы. Во имя войны – именно во имя этой цели, как думали многие из нас, – мы добровольно согласились соблюдать некоторую секретность и поступиться значительной долей своей свободы; воспользовавшись этим, нам навязали совершенно бессмысленную засекреченность, которая во многих случаях мешала прежде всего не вражеским агентам, а нам самим, препятствуя необходимым контактам ученых друг с другом. Мы надеялись, что такое непривычное самоограничение – временная мера, и ждали, что после этой войны, как и после всех предшествующих войн, возродится тот хорошо знакомый нам дух свободного общения внутри страны и между странами, который и составляет жизнь науки. На самом же деле вышло, что, помимо нашего желания, мы оказались стражами секретов, от которых, быть может, зависит наше национальное существование. У нас не было шансов на то, что в обозримом будущем мы снова сможем заниматься исследовательской работой, как свободные люди. Те, кто во время войны получил чины и забрал над нами власть, не выражали ни малейшего желания поступиться полученными правами. Так как многие из нас знали секреты, которые, попав к врагам, могли быть использованы во вред нашему государству, мы, очевидно, были приговорены отныне и вовеки жить в атмосфере подозрительности, тем более что не было никаких признаков ослабления полицейского надзора, установленного во время войны над нашими политическими взглядами»²⁰¹.

Очевидным доказательством необходимости соблюдения строгой секретности оказалось и обилие информации, приходившей по линии советской разведки. Именно разведка сыграла очень большую роль в создании Советским Союзом своей атомной бомбы.

После августа 1945 г. СССР оказался в щекотливом положении: из-за атомной бомбы он утрачивал кровью завоеванный статус великой державы, а нежелание делиться технологией создания нового оружия подталкивали вчерашних союзников к новому противостоянию. Добавляло тревог и заявление президента Трумэна, сделанное 29 октября 1945 г., в котором он осветил внешнеполитические амбиции США²⁰².

Впрочем, Сталин отдавал себе отчет в неминуемом соперничестве с Америкой и не обольщался. Чуть позже он оговорился об этом: «Американцы бомбили чехословацкую промышленность. Этой линии американцы держались везде в Европе. Для них было важно уничтожить конкурирующую с ними промышленность. Бомбили они со вкусом!»²⁰³

Последовавший в середине сентября 1945 г. инсульт Сталина несколько сдвинул контрмеры СССР; но поскольку удар оказался не столь сильным, то уже в начале октября Сталин выехал на отдых в Сочи, откуда 17 декабря возвратился в Москву. Но и в отпуске он не снижал своей работоспособности и не изменял здравому восприятию мировой ситуации; об этом свидетельствует секретная телеграмма членам Политбюро, которая служит реакцией вождя на публикацию 9 октября в «Правде» речи английского премьер-министра:

---

²⁰¹ Винер Н. Я – математик. М., 1964. С. 294.

²⁰² Жуков Ю. Н. Указ. соч. С. 313.

²⁰³ Запись беседы И. В. Сталина, А. А. Жданова и В. М. Молотова с С. М. Эйзенштейном и Н. К. Черкасовым по поводу фильма «Иван Грозный», 26 февраля 1947 г. // Власть и художественная интеллигенция. С. 615.

«Считаю ошибкой опубликование речи Черчилля с восхвалением России и Сталина. Восхваление это нужно Черчиллю, чтобы успокоить свою нечистую совесть и замаскировать свое враждебное отношение к СССР, в частности, замаскировать тот факт, что Черчилль и его ученики из партии лейбористов являются организаторами англо-американско-французского блока против СССР. Опубликованием таких речей мы помогаем этим господам. У нас имеется теперь немало ответственных работников, которые приходят в телячий восторг от похвал со стороны Черчиллей, Трумэнов, Бирнсов и, наоборот, впадают в уныние от неблагоприятных отзывов этих господ. Такие настроения я считаю опасными, так как они развивают у нас угодничество перед иностранными фигурами. С угодничеством перед иностранцами нужно вести жестокую борьбу. Но если мы будем и впредь публиковать подобные речи, мы будем этим насаждать угодничество и низкопоклонство»²⁰⁴.

Отношение советской власти к союзникам, как минимум неблагодарное, замечалось еще во время войны. О. М. Фрейденберг писала тогда:

«О помощи союзников умалчивалось. Нигде Сталин не выказывал благодарности ни за вооружение, ни за продовольствие, ни за отвлечение немецких сил. Мы узнавали об этом из кратких цитаций и речей Черчилля и Рузвельта, который говорил, между прочим, что никогда ни одна страна не получала от Америки такого огромного количества продовольствия, вооружения и медикаментов, как Россия. Черчилль, неизменно указывавший с благодарностью на помощь Англии со стороны Америки, приводил относительно России такие же факты, как и Рузвельт»²⁰⁵.

Соперничество в области вооружений лишь подхлестнуло антагонизм руководства страны ко всему западному, который и так был виден невооруженным глазом. Вместе с этим Сталин прилагал все возможные усилия, чтобы приблизить решение атомного вопроса. И прежде всего с советскими попытками укрощения атома связаны заботы руководства страны об ученых и отечественной науке. Тем самым вопросы науки и борьба с влиянием Запада сковались в единой цепи идеологии.

25 января 1946 г. в кабинете Сталина состоялась беседа с научным руководителем атомного проекта И. В. Курчатовым. Ныне опубликована плохо разобранный запись, сделанная Курчатовым после беседы:

«Беседа продолжалась приблизительно один час с 7. 30 до 8. 30 вечера. Присутствовали т. Сталин, т. Молотов, т. Берия. Основные впечатления от беседы. Большая любовь т. Сталина к России и В. И. Ленину, о котором он говорил в связи с его большой надеждой на развитие науки в нашей стране. <...>

По отношению к ученым т. Сталин был озабочен мыслью, как бы облегчить и помочь им в материально-бытовом положении. И в премиях за большие дела, например, за решение нашей проблемы. Он сказал, что наши ученые очень скромны, и они никогда не замечают, что живут плохо – это уже плохо, и хотя, он говорит, наше государство и сильно пострадало, но всегда можно обеспечить, чтобы (несколько? тысяч?) человек жило на славу, [?] свои дачи, чтобы человек мог отдохнуть, чтобы была машина. <...>

---

²⁰⁴ Шифровка И. В. Сталина из Сочи членам Политбюро ЦК ВКП(б) В. М. Молотову, Л. П. Берии, Г. М. Маленкову, А. И. Микояну по поводу публикации в газете «Правда» речи У. Черчилля. Сочи, 10 ноября 1945 // Сталин и космополитизм. С. 31.

²⁰⁵ Фрейденберг О. М. Осада человека. С. 35.

(Затем?) были заданы вопросы об Иоффе, Алиханове, Капице и Вавилове и целесообразности работы Капицы. Было выражено (мнение?) на кого (они?) работают и на что направлена их деятельность – на благо Родине или нет. Было предложено написать о мероприятиях, которые были бы необходимы, чтобы ускорить работу, все, что нужно. Кого бы из ученых следовало еще привлечь к работе. Систему премий»²⁰⁶.

А незадолго до этой памятной встречи Сталин получил очередное послание от П. Л. Капицы, написанное 2 января 1946 г.; академик, уловив конъюнктуру момента, в качестве отступления делится своими воззрениями на проблемы развития советской науки:

«Часто причина неиспользования новаторства в том, что обычно мы недооценивали свое и переоценивали иностранное. Обычно мешали нашей технической пионерской работе развиваться и влиять на мировую технику организационные недостатки. Многие из этих недостатков существуют и по сей день, и один из главных – это недооценка своих и переоценка заграничных сил. Ведь излишняя скромность – это еще больший недостаток, чем излишняя самоуверенность. Для того чтобы закрепить победу и поднять наше культурное влияние за рубежом, необходимо осознать наши творческие силы и возможности. Ясно чувствуется, что сейчас нам надо усиленным образом подымать нашу собственную оригинальную технику»²⁰⁷.

Посвящено это письмо было представлению книги писателя Л. И. Гумилевского «Русские инженеры». Как писатель он не был даровит, а «Литературная энциклопедия» 1930 г. характеризует его следующим образом:

«Художественная ценность творчества Г. ничтожна. Язык – до крайности сер и штампован. “Герои” Г. менее всего могут быть названы живыми людьми. Внешне Г. пишет в жанрах психологического и социального реализма; в действительности же его творчество ходульно, даже явно халтурно. Несерьезность работы писателя над своими произведениями доказывается хотя бы количеством книг (40), выпущенных Г. за 11-летний период. За один 1925 им выпущено 13 книг. Г. – писатель явно приспособленческого типа с установкой на якобы общественную значимость содержания, а объективно – на дешевую обывательскую “сенсацию”»²⁰⁸.

К тому времени он уже был осужден общественным мнением за роман «Собачий перелок», вышедший первым изданием в 1926 г. Этот роман, описывавший студенческие нравы, был, по сути, признан порнографическим. Интересны в этой связи слова одного из первых исследователей влияния выступлений А. А. Жданова на литературу:

«А. А. Жданов обобщает опыт советской литературы в борьбе против грубого натурализма, биологизации, объективизма, выразившихся в самых различных формах – от лефовской “литературы факта” до клеветнических писаний Зошенко, до рецидивов декадентско-порнографической санинщины у П. Романова, Л. Гумилевского, С. Малашкина»²⁰⁹.

---

²⁰⁶ Смирнов Ю. Н. Указ. соч. С. 118–119. Вопросительные знаки, круглые и квадратные скобки наличествуют в публикации.

²⁰⁷ Капица П. Л. Указ. соч. С. 247–248.

²⁰⁸ Литературная энциклопедия. [М.], 1930. Т. 3. Стб. 87. (Автор статьи Ан. Тарасенков.)

²⁰⁹ Платонов Б. Е. А. А. Жданов и некоторые вопросы советской литературы: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1952. С. 10.

Но именно этого, осужденного мнением властей автора привлек Горький к сотрудничеству в серии «Жизнь замечательных людей», благодаря чему он нашел свое новое поле деятельности в написании популярных биографий деятелей науки и техники. В серии ЖЗЛ начинают выходить его книги об иностранных изобретателях: в 1933 г. – «Рудольф Дизель», в 1936 г. – «Густав Лаваль»; в том же году выходят его книги «Творцы паровых турбин» и «Творцы первых двигателей», в 1937 г. – «История локомотива». (Гумилевский не изменял своему принципу и был сильно плодовит в литературном творчестве.)

В 1943 г., обладая основами научно-технических познаний, Гумилевский, по совету Капицы, после конференций в Москве понявшего настроения власти, переключается на изучение биографий отечественных персонажей. В 1943 г. в серии «Великие люди русского народа» выходит его книга о Н. Е. Жуковском, год спустя – о металлурге Д. К. Чернове. В 1944 г. он начинает писать книги для популярной серии «Герои социалистического труда», в которой вышли книги: «Крылья истребителя» о конструкторе А. С. Яковлеве (1944) и «Строитель самолетов» о Н. Н. Поликарпове (1946). В 1945 г. выходит книга для детей старшего возраста по истории советской авиации «Крылья родины», выдержавшая несколько изданий²¹⁰.

Беседа Сталина с Курчатовым, несомненно, отражает умонастроения главы государства в тот момент; письмо же академика Капицы, как нам кажется, лишь попало в струю этих умонастроений²¹¹. А 9 февраля 1946 г. некоторые мысли были верифицированы Сталиным в выступлении на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы. Особенно принципиальной идеологической установкой были слова в заключительной части выступления:

«Теперь несколько слов насчет планов работы коммунистической партии на ближайшее будущее. Как известно, эти планы изложены в новом пятилетнем плане, который должен быть утвержден в ближайшее время. Основные задачи нового пятилетнего плана состоят в том, чтобы восстановить пострадавшие районы страны, восстановить довоенный уровень промышленности и сельского хозяйства и затем превзойти этот уровень в более или менее значительных размерах. Не говоря уже о том, что в ближайшее время будет отменена карточная система (бурные, продолжительные аплодисменты), особое внимание будет обращено на расширение производства предметов широкого потребления, на поднятие жизненного уровня трудящихся путем последовательного и систематического снижения цен на все товары (бурные, продолжительные аплодисменты) и на широкое строительство всякого рода научно-исследовательских институтов (аплодисменты), могущих дать возможность науке развернуть свои силы.

Я не сомневаюсь, что, если окажем должную помощь нашим ученым, они сумеют не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны. (Продолжительные аплодисменты.)»²¹²

²¹⁰ Впоследствии Гумилевский переработал и расширил некоторые биографии, которые превратились в книги для серии ЖЗЛ – А. М. Бутлерова (1951), В. И. Вернадского (1961), Н. Н. Зинина (1965), С. А. Чаплыгина (1969) и Д. К. Чернова (1975).

²¹¹ Нельзя обойти вниманием тот факт, что писатель В. В. Кожин является автором устоявшегося, благодаря широкой популярности его книг, мифа, будто борьба с низкопоклонством перед Западом была «начата по инициативе П. Л. Капицы» (см.: *Кожин В. В.* Россия: Век XX-й (1939–1964). Опыт беспристрастного исследования. М., 1999. С. 262). Это утверждение нам кажется необоснованным, поскольку Сталин задолго до этого уже сформировал свою точку зрения. Впоследствии Капица получил ответ Сталина: «Все Ваши письма получил. В письмах много поучительного – думаю как-нибудь встретиться с Вами и побеседовать о них. Что касается книги Л. Гумилевского “Русские инженеры”, то она очень интересна и будет издана в скором времени. И. Сталин» (*Капица П. Л.* Указ. соч. С. 258. 4 апреля 1946 г.). Книга Гумилевского вышла в свет в начале 1948 г. (на титульном листе указан 1947 г.), вторым изданием – в 1953 г.

²¹² Приводится по грамзаписи: РГАФД. Е. х. Н-374. В отредактированном виде: *Сталин И. В.* Речи на предвыборных собраниях избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 11 декабря 1937 г. и 9 февраля 1946 г. М., 1946. С.

Что касается академика Капицы, то он, притесняемый Л. П. Берия, старался поддержать свой авторитет в глазах Сталина и высших руководителей. Одной из таких попыток является политически актуальное письмо академика к Г. М. Маленкову:

«Если нашим критерием всегда будет только то, что сделано и апробировано на Западе, и всегда будет пересиливать боязнь начинать что-нибудь свое собственное, то судьба нашего технического развития – «колониальная» зависимость от западной техники. Может быть, нам кое-чему в этом направлении следовало бы поучиться у англичан. Англичане говорят: “British is the best” (британское – это лучшее). Находясь в Англии, я пытался им возражать, я им говорил: это лучше у французов, это – у американцев и т. д. Они отвечали: поскольку это наше, оно всегда для нас является лучшим. В этой утрированной постановке вопроса есть своя сила и логика. Может быть, в ней чувствуется английская надменность, но, хотя в нашем кредо “все заграничное лучше” и есть скромность, но оно обрекает развитие техники на жалкое будущее»²¹³.

Февральское выступление Сталина и проводимая антизападническая линия оказались как никогда актуальны: 5 марта 1946 г. в городке Фултон (штат Миссури) состоялось публичное выступление английского премьер-министра Черчилля в присутствии президента Трумэна. Эта речь, ставшая знаменитой, изменила мировую политику: Черчилль клеймил внешнюю политику бывшего союзника, «обвинил СССР в экспансионизме, в уже совершенном захвате всей Восточной Европы, над которой опустился “железный занавес”» и «призвал англосаксонские страны объединиться, используя имевшуюся монополию на ядерное оружие, незамедлительно дать отпор агрессивным замыслам Советского Союза»²¹⁴.

Немного позже, 6 ноября 1946 г., Жданов сформулировал точку зрения руководства страны:

«Кампания по срыву международного сотрудничества, ведущаяся со стороны открытых и скрытых противников прочного мира, сопровождается оголтелой антисоветской шумихой. Разнузданная антисоветская “атомная” пропаганда, шантаж и угрозы новой войны, которые усиленно стараются создать военно-политические разведчики и их соратники, нужны лишь поджигателям новой войны вроде Черчилля и его единомышленников. Эта антисоветская кампания направляется реакционными империалистическими кругами, для которых война – доходное дело, которые не хотят прочного демократического мира, и потому лезут из кожи вон, чтобы раздуть клеветническую кампанию против Советского Союза, как действительного поборника демократического мира.

В основе пропаганды новой войны лежит боязнь реакционных кругов демократических устремлений народов. Советский Союз, как авангард демократического движения, является основной мишенью этой кампании. Оно и понятно. Советский Союз является самым последовательным борцом за демократию, против агрессии, против экспансионистской политики.

28–29.

²¹³ Капица П. Л. Указ. соч. С. 268. 25 июня 1946 г. К сожалению, это письмо не смогло помочь Капице в отстаивании изобретенного им способа производства жидкого кислорода: 17 августа 1946 г. Сталин подписал постановление СНК СССР о увольнении его с должности директора Института физических проблем АН СССР и начальника Главкислорода при СНК; не спасли ученого от опалы и актуальные письма.

²¹⁴ Жуков Ю. Н. Указ. соч. С. 344.

Нельзя не отметить, что за последнее время клеветническая кампания, ведущая[ся] против СССР, приобрела особый размах. Она ведется в больших масштабах и рассчитана на то, чтобы подорвать возросшее доверие и авторитет Советского Союза среди народов демократических стран. Нельзя не напомнить также, что настойчивое прививание ненависти к Советскому Союзу, к его режиму, к людям, которые его населяют, не ново и не однажды уже кончалось печально для его инициаторов. Известно, что многие газеты и журналы в таких странах, как Соединенные Штаты Америки и Великобритания, специализировались на разжигании вражды, недоверия и подозрения ко всему советскому, старались пропустить поменьше правды о жизни и положении в СССР. Известно, что от той «информации» о России, которая наполняет столбцы многих газет в США и Великобритании, начинает спирать дух даже у многих буржуазных деятелей, выдавших всякие виды по части вранья. Теперь для того, чтобы написать что-либо о России, бывает достаточно смешать немножко клеветы, немножко невежества, немножко нахальства, и блюдо готово»²¹⁵.

---

²¹⁵ Приводится по грамзаписи: РГАФД. Е. х. 25391; в отредактированном виде: *Жданов А. А.* 29-я годовщина Великой Октябрьской Социалистической революции: Доклад на торжественном заседании Московского Совета 6 ноября 1946 года. М., 1946. С. 24–25.

Мобилизация на идеологическом фронте

Серьезные внешнеполитические перемены неумолимо должны были отразиться и на внутривнутриполитическом курсе. 13 апреля 1946 г. состоялось знаменательное заседание Политбюро, на котором, кроме кадровых передвижений, Сталин обратил внимание и на обстановку в идеологической сфере, выразив свое недовольство ее состоянием; Жданову и Александрову было поручено разработать план мероприятий по оживлению «идеологического фронта».

На том же заседании было решено «создать при Управлении пропаганды ЦК ВКП(б) газету, основной задачей которой должна явиться критика недостатков в различных областях идеологической работы: критические разборы газет, журналов, кинофильмов, театральных постановок, литературных произведений и т. д.»²¹⁶. Название для газеты было выбрано достаточно нейтральное – «Культура и жизнь»²¹⁷. Редактором газеты был назначен глава Управления пропаганды и агитации Г. Ф. Александров. Первоначально выход газеты планировался на 17 мая 1946 г. (тиражом 100 тыс. экземпляров), однако проект пробного номера датирован только 25 мая 1946 г., и 1 июня он был представлен Сталину, Жданову, Г. М. Попову и Н. С. Патоличеву. В свет первый номер газеты вышел 28 июня 1946 г., а постановлением Оргбюро ЦК от 26 июля 1946 г. тираж ее был увеличен вдвое – до 200 тыс. экземпляров²¹⁸.

Газета готовилась долго и кропотливо. Заведующий отделом информации «Правды» Л.К. Бронтман записал 16 мая 1946 г. в дневнике:

«ЦК решил издавать новую газету (газету для газет) “Культура и жизнь” (газета Управления пропаганды). Первый номер делают уже недели три. Вышло три пробных номера-варианта. Все переделали. Сегодня закончили четвертый вариант. Секретари ЦК уже видели. Завтра-послезавтра покажут Хозяину. Редактор – Александров»²¹⁹.

Употребленная формулировка «газета для газет» вполне отражает задачи нового печатного органа, сила воздействия которого оказалась столь внушительной, что газету окрестили «Александровским централом»²²⁰. Было очевидным, что «Культура и жизнь» выполняет роль политинформатора и является точкой зрения ЦК, недаром Д. Б. Кабалевский, выступая позднее на совещании деятелей советской музыки, говорил: «Мы не привыкли рассматривать точки зрения, высказанные в “Культуре и жизни”, как точки зрения дискуссионные»²²¹. Л. К. Бронтман писал о газете 21 августа 1946 г.: «Крепкая, резкая. Выходит раз в декаду. Писатели и артисты боятся ее страшно»²²².

Кроме создания газеты разрабатывался план мер по улучшению работы в области агитации и пропаганды; с этой целью в Управлении пропаганды и агитации было созвано специальное совещание, на котором 18 апреля 1946 г. Жданов начал свое выступление следующими словами:

²¹⁶ Сталин и космополитизм. С. 44.

²¹⁷ Стоит отметить, что ранее в Советской России уже выходило периодическое издание под таким названием – «Культура и жизнь: Еженедельник по вопросам просвещения, науки, искусства и литературы» (М., 1922), всего было выпущено четыре номера (три книжки) этого журнала.

²¹⁸ Впоследствии редакторами газеты были Д. Т. Шепилов, П. А. Сатюков и В. П. Степанов; 8 марта 1951 г. Политбюро ЦК по предложению Сталина приняло постановление прекратить издание газеты; редакционный коллектив был присоединен к редакции «Правды».

²¹⁹ Бронтман Л. К. Дневники 1932–1947 // @ Журнал «Самиздат» (zhurnal.lib.ru). 2004.

²²⁰ Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина... С. 284.

²²¹ Совещание деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б). С. 129.

²²² Бронтман Л. К. Указ. соч.

«Товарищи, нам предстоит доложить в Центральный комитет план мероприятий о значительном улучшении работы в области агитации и пропаганды и по укреплению аппарата агитационно-пропагандистской работы. <...> Все композиции плана должны исходить из указаний товарища Сталина, которые были даны в связи с поручением о плане. А указания товарища Сталина исходят из признания работы в области идеологии как работы, имеющей серьезные недостатки и серьезные провалы. Товарищ Сталин предложил все мероприятия по улучшению построить исходя именно из признания характеристики состояния работы как работы, страдающей крупными недостатками.

Основной вопрос, который сейчас должен пронизать всю композицию плана, заключается в значительном укреплении партийного руководства различными областями идеологии, ибо совершенно очевидно самотеком этих недостатков не исправишь и указания товарища Сталина исходят из того, что лечение недостатков на идеологическом фронте должно идти отсюда сверху, из аппарата ЦК. Отсюда необходимость усиления руководящего влияния партии на все отрасли идеологической работы. ...»²²³

Первым серьезным вопросом, который был поднят Сталиным на заседании 18 апреля, был вопрос о литературно-художественных журналах: Сталин долгие годы читал их почти все, притом внимательно, высказывая свои суждения. А потому первое направление усилий аппарата ЦК было определено:

«Товарищ Сталин дал очень резкую критику нашим толстым журналам, причем он поставил вопрос насчет того, что наши толстые журналы, может быть, даже следует уменьшить. Это связано с тем, что мы не можем обеспечить того, чтобы они все велись на должном уровне. Товарищ Сталин назвал как самый худший из толстых журналов “Новый мир”, за ним идет сразу “Звезда”. Относительно лучшим или самым лучшим товарищ Сталин считает журнал “Знамя”, затем “Октябрь”, “Звезда”, “Новый мир”. Товарищ Сталин указывал, что для всех четырех журналов не хватает талантливых произведений <...>.

Что касается критики, то товарищ Сталин дал такую оценку, что никакой критики у нас нет, а те критики, которые существуют, они являются критиками на попечении у тех писателей, которых они обслуживают, рептилии критики по дружбе. <...>

Товарищ Сталин поставил вопрос о художественной литературе, о состоянии таких участков, как кино, театр, искусство, художественная литература. Товарищ Сталин поставил вопрос о том, что эту критику мы должны организовать отсюда – из Управления пропаганды, т. е. Управление пропаганды и должно стать ведущим органом, который должен поставить дело литературной критики. Поэтому тов. Сталин поставил вопрос о том, что нам нужна объективная, независимая от писателя критика, т. е. критика, которую может организовать только Управление пропаганды, объективная критика не взирая на лица, не пристрастная, поскольку тов. Сталин прямо говорил, что наша теперешняя критика является пристрастной»²²⁴.

---

²²³ Из стенограммы выступления секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Жданова на совещании в Агитпропе ЦК по вопросам пропаганды // Сталин и космополитизм. С. 46–47.

²²⁴ Там же. С. 47–48.

Поскольку за выполнение этих пожеланий Сталина взялся сам Жданов, то результат был практически гарантирован. Позднее Д. Т. Шепилов с некоторым пафосом вспоминал:

«В осуществлении указаний Сталина Жданов был очень требователен и пунктуален. Но что за человек был сам Жданов, как он мыслил, как с ним работалось? Жданов принадлежал к тому замечательному поколению русской революционной интеллигенции, которое отдало всю свою кровь – каплю за каплей, все пламя своей души великому делу развития социалистического общества и торжеству идей марксизма-ленинизма во всемирном масштабе.

Как партийному лидеру ему приходилось заниматься самыми разными вопросами <...>. Но была сфера, соприкасаясь с которой Жданов буквально преображался, становился одержимым, с вдохновенным горением искал ответы на мучившие его вопросы. Это была сфера идеологии: вопросы марксистско-ленинской теории, художественной литературы, театра, живописи, музыки, кино и т. д.

Андрей Александрович Жданов был разносторонне образованным марксистом. Причем марксизм он, как и все интеллигенты – старые большевики, изучал не по шпаргалкам и цитатническим хрестоматиям. Он обогащал свой ум марксистской теорией постоянно и капитально, по первоисточникам. <...> Жданов мастерски обладал способностью пользоваться законами и категориями марксистской диалектики для освещения, анатомирования и обобщения самых различных явлений духовной жизни.

Меня всегда очень привлекали манера и метод работы Жданова над сложными идеологическими проблемами. Он никогда не ждал от Агитпропа ЦК и своих помощников готовых речей для себя или высиженных ими проектов решений по подготавливаемому вопросу. Он сам всесторонне изучал назревшую проблему, внимательно слушал ученых, писателей, музыкантов, сведущих в данном вопросе, сопоставлял разные точки зрения, старался представить себе всю историю вопроса, систематизировал относящиеся к делу высказывания основоположников марксизма. На этой основе А. Жданов сам ставил Агитпропу ЦК задачи исследования вопроса, формулировал основные выводы и предложения»²²⁵.

При этом Жданов и вправду старался участвовать во всех делах, касавшихся творческой интеллигенции. Типичен пример, описанный К. М. Симоновым, когда Сталин, Молотов и Жданов по ходу разговора с руководством Союза советских писателей обсуждали вопрос о литературных гонорах:

«– Ну что ж, – сказал Сталин, – я думаю, что этот вопрос нельзя решать письмом или решением, а надо сначала поработать над ним, надо комиссию создать. Товарищ Жданов, – повернулся он к Жданову, – какое у вас предложение по составу комиссии?»

– Я бы вошел в комиссию, – сказал Жданов.

Сталин засмеялся, сказал:

– Очень скромное с вашей стороны предложение.

Все расхохотались.

После этого Сталин сказал, что следовало бы включить в комиссию присутствующих здесь писателей»²²⁶.

---

²²⁵ Шепилов Д. Т. Указ. соч. С. 95–96.

²²⁶ Симонов К. Глазами человека моего поколения. С. 126. 13 мая 1947 г.

Эти характеристики Жданова важны еще и потому, что на заседании Политбюро 13 апреля 1946 г. было утверждено новое распределение обязанностей между секретарями ЦК ВКП (б); теперь именно Жданову, вместо Маленкова, было поручено «руководство Управлением пропаганды ЦК ВКП(б) и работой партийных и советских организаций в области пропаганды и агитации (печатать, издательства, кино, радио, ТАСС, искусство, устная пропаганда и агитация); руководство отделом внешней политики»²²⁷.

Кроме руководства идеологической машиной, Маленков в тот же день лишился и поста начальника Управления кадров ЦК ВКП(б), который перешел к ленинградскому выдвиженцу Жданова – секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Кузнецову. Сталин оставил Маленкову вопросы руководства работой ЦК компартий союзных республик, подготовку вопросов к Оргбюро ЦК и председательствования на его заседаниях, тем самым резко настроив Маленкова против Жданова и Кузнецова. Таким образом, в высшем руководстве страны начиналось очередное инспирированное Сталиным противостояние, оказавшее очень большое влияние на политические события последующих лет.

Рабочие вопросы Управления пропаганды и агитации Жданов решал без всяких замешательств:

«В 1946 г. Жданов лично корректировал список кандидатов на Сталинские премии и был недоволен поэмой А. А. Прокофьева “Россия”: страна показана “через соловьев и через черемуху. Воспевание России через природу. Воспевание березы”. В перечне песен В. Г. Захарова член Политбюро вычеркнул “Стану лицом к западу” и вписал “Про Катюшу”. Перед встречей со Сталиным Жданов инструктировал Храпченко. 13 марта 1946 г. в 8 часов 30 минут в приемной Сталина между ними состоялся диалог: “Жданов: Готовы к докладу? – Не совсем. Я не имею всех материалов. Жданов: Каких? – Проекта постановления. Жданов: Быстро ознакомьтесь. И чтобы не было недоразумений. Вам придется докладывать!! – Мне кажется, лучше было бы поручить доклад тов. Ал[ександрову]. Жданов: Нет, надо вам докладывать”. Но докладывать надо было то, что постановила комиссия Жданова. Вот еще характерная запись: “Большаков изложил решение комиссии [Жданова], а затем сказал: Кроме того еще мне разрешили выступить в защиту кинофильма “Во имя жизни”. Раздались голоса: “А без разрешения нельзя? А сами вы разве не имеете права выступать?”»²²⁸

Приведенный рассказ очень любопытен, поскольку характеризует даже не столько стиль работы самого Жданова, сколько вообще послевоенные методы проведения решений членами Политбюро.

²²⁷ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР, 1945–1953. С. 32.

²²⁸ Деятели русского искусства и М. Б. Храпченко. С. 106. Также стоит уточнить, что указанные Храпченко 8 часов 30 минут были вечерним временем.

Черная пятница августа 1946 года

*Он и праведный и лукавый,
И всех месяцев он страшней:
В каждом августе, Боже правый,
Столько праздников и смертей.*

А. Ахматова, «Август», 1957

Пятница 9 августа 1946 г. оказалась траурным днем для советской культуры: в этот день в знаменитом Мраморном зале на пятом этаже здания ЦК ВКП(б) на Старой площади, где до войны проходили встречи Сталина с писателями, состоялось расширенное заседание Оргбюро ЦК ВКП(б). Именно на этом заседании рассматривались вопросы литературных журналов, кинофильмов и театров, вылившиеся впоследствии в три знаменитых постановления ЦК ВКП(б) по так называемым идеологическим вопросам. Этот печальный триумvirат оказал огромное влияние на все дальнейшее развитие советской культуры. Эти решения были призваны, по словам самого Жданова, наверстать упущенное и мобилизовать силы на идеологические баталии:

«За годы войны мы не могли полностью в силу обстановки удовлетворить идейных и культурных запросов советского народа. Его идейный и культурный уровень вырос. Все это налагает огромную ответственность на тот отряд советской интеллигенции, который призван обслуживать нужды народа и государства в области воспитания, культуры и искусства.

Вы знаете, что Центральный комитет партии за последнее время вскрыл недопустимые факты безыдейности и аполитичности в нашей литературе и искусстве. Мы хорошо знаем природу этой безыдейности. Это те самые пережитки капитализма в сознании людей, которые еще приходится преодолевать и выкорчевывать. Последние решения ЦК ВКП(б) по вопросам идейно-политической работы имеют целью усилить большевистскую непримиримость ко всякого рода идеологическим извращениям и поднять на новый, более высокий, уровень все средства нашей социалистической культуры: печать, пропаганду и агитацию, науку, литературу и искусство. Нам нужно больше высокоидейных и художественных фильмов, беллетристических произведений, пьес и т. д.

Особенно большое значение имеет политическое воспитание нашего молодого поколения. Советский строй не может терпеть воспитания молодежи в духе безыдейности, в духе безразличия к политике. Необходимо оградить молодежь от тлетворных чуждых влияний и организовать ее воспитание и образование в духе большевистской идейности. Только так можно воспитать отважное племя строителей социализма, верящих в торжество нашего дела, бодрых и не боящихся никаких трудностей, готовых преодолевать любые трудности. <...>

Велики и благородны задачи, стоящие перед теми отрядами советской интеллигенции, которые призваны вести воспитательную работу в нашем народе, насаждать культуру, развивать в нашем народе новые вкусы и запросы, укреплять морально-политическое единство народа. Нет никакого сомнения в том, что армия наших пропагандистов, литераторов, работников искусства,

учителей, работников науки, как и вся советская интеллигенция, достойно выполнит свой долг. (Бурные аплодисменты.)»²²⁹

---

²²⁹ *Жданов А. А.* 29-я годовщина Великой Октябрьской Социалистической революции. С. 17–19.

Постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград»

Еще 31 марта 1944 г. в пространной записке Управления пропаганды и агитации секретарю ЦК А. С. Щербакову отмечалось: «Слабо выполняют свою роль литературно-художественные журналы “Знамя”, “Новый мир”, “Октябрь”, «Звезда»»²³⁰. Достоинство удивления, что аппарат ЦК констатирует такое положение всего через неполных четыре месяца после декабрьских постановлений 1943 г. о литературно-художественных журналах. То есть масштаб преобразований, проводимый редакциями этих журналов, совершенно не устраивал руководство страны. Именно поэтому Г. Ф. Александров тогда же предлагал «подготовить и внести на рассмотрение ЦК ВКП(б) предложения по коренному улучшению литературно-художественных журналов “Знамя”, “Октябрь”, “Новый мир”, “Звезда»»²³¹.

Поскольку такое положение констатировало невыполнение руководящих указаний ЦК партии, то уже намечались виновники сложившегося положения в литературных журналах: бывший руководитель идеологической сферой Г. М. Маленков и его креатуры в Управлении пропаганды и агитации – начальник Управления Г. Ф. Александров и заместитель – А. М. Еголин. Этот вывод следует из направления критики Сталина на заседании Политбюро 13 апреля: ведь «Новый мир», признанный Сталиным наихудшим из журналов, относился как раз к их номенклатуре.

Неизвестно, как бы шло дальнейшее развитие событий, но в конце июля 1946 г. с опозданием вышел в свет сдвоенный (5/6) номер ленинградского журнала «Звезда». В заведенном впервые в этом номере разделе «Новинки детской литературы» был помещен рассказ Михаила Зощенко «Приключения обезьяны». К слову, Сталин в былые годы относился к Зощенко вполне терпимо, любил его рассказы, ценил их юмор, об этом свидетельствуют воспоминания приемного сына Сталина – А. Ф. Сергеева (сына погибшего в 1921 г. революционера Артема): «Мы были одногодки с Василием. Сталин любил нам читать вслух Зощенко. Однажды смеялся чуть не до слез, а потом сказал: “А здесь товарищ Зощенко вспомнил о ГПУ и изменил концовку!”»²³²

Возможно, что редакция «Звезды», жившая, подобно другим редакциям литературных журналов, как на вулкане, всегда в напряжении ожидая отповеди за политическую близорукость, беспокоилась за свое детище, но уж точно не в связи с этим рассказом: то было проверенное произведение советской литературы. «Приключения обезьяны» впервые были напечатаны в 1945 г. в детском журнале «Мурзилка», после чего вошли в состав аж трех различных сборников произведений Зощенко. Но «Мурзилку»-то Сталин, по-видимому, не читал, а до сборников Зощенко ему досуга также в те годы уже не доставало. Но что касается «толстых» журналов, то они как раз находили в лице главы Советского государства своего постоянного и пытливого читателя.

И вот в первых числах августа 1946 г. Сталин читает в журнале «Звезда» рассказ некогда любимого им автора. И неожиданно рассказ, как тогда резюмировал его реакцию Г. Ф. Александров, «переполнил чашу весов»²³³. Недовольство вождя ленинградскими журналами, жупелом которых для Сталина оказался зощенковский рассказ, сразу привело в движение отлаженный партийный механизм немедленного реагирования – аппарат ЦК.

²³⁰ Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны. С. 527.

²³¹ Там же.

²³² Чуев Ф. Указ. соч. С. 295.

²³³ Капица П. И. Это было так // Нева. Л., 1988. № 5. С. 137.

Крайне любопытно то, что всю хронологию этих событий опережает появившаяся 30 июля 1946 г. на последней полосе газеты «Культура и жизнь» статья «Безликий журнал»²³⁴, в которой журнал «Ленинград» был подвергнут серьезной критике. Причем критика эта, вплоть до стихотворных цитат, совпадает с претензиями, которые вскоре были предъявлены журналу «Ленинград» в записке Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) от 7 августа 1946 г.²³⁵ А о журнале «Звезда» в статье от 30 июля речи не идет совсем, ну и, конечно, не упоминаются будущие фигуранты постановления (Ахматова и Зощенко).

Поскольку «Культура и жизнь» издавалась Управлением пропаганды и агитации, то становится очевидным, что в конце июля 1946 г. никаких серьезных мероприятий по поводу ленинградских журналов в ЦК ВКП(б) не планировалось – был только вопрос журнала «Ленинград», аполитично-развлекательный характер которого не устраивал идеологических оруженосцев. Если бы в аппарате ЦК были иные мысли, то статью, скорее всего, не дали бы в печать, чтобы не упреждать удар.

И только реакция Сталина на журнал «Звезда» с рассказом Зощенко дает повод к мгновенному объединению ошибок двух ленинградских литературных журналов в одно «дело», поскольку ошибки нескольких изданий демонстрировали не просто слабость редколлегий, они говорили о «системе» – неудовлетворительном руководстве всей литературой города Ленина, которая лежала прежде всего на городском партийном руководстве. Так буквально за несколько дней обычная критика журнала «Ленинград» вкупе с вкусовыми пристрастиями одного, но самого главного читателя страны как на дрожжах стала всходить и разрастаться до самого громкого постановления партии в области культуры.

Для принятия мер было мобилизовано Управление пропаганды и агитации, которое в самые сжатые сроки изучило положение дел в журнале «Звезда» и подало 7 августа 1946 г. докладную записку секретарю ЦК А. А. Жданову; в нее были включены уже опубликованные материалы о неудовлетворительном положении в журнале «Ленинград», а также был приложен проект постановления ЦК по этому вопросу. Подписана докладная записка, как, собственно, и полагалось, руководителем Управления Г. Ф. Александровым и его заместителем А. М. Еголиным.

В «Докладной записке Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Жданову о неудовлетворительном состоянии журналов “Звезда” и “Ленинград”» персонально были перечислены более десяти писателей, чьи произведения не отвечали идеологическим требованиям, а в заключении говорилось:

«Правление Союза советских писателей СССР и Ленинградское отделение ССП отдали журналы на откуп группе литераторов, не руководили их работой и не оказывали им никакой помощи.

Ленинградский горком ВКП(б) не уделяет достаточного внимания литературно-художественным журналам, не замечает крупных идейных ошибок в содержании произведений, опубликованных в “Звезде” и “Ленинграде”, не руководит работой редакций»²³⁶.

Причем, вероятнее всего, первоначально на неудовлетворительное состояние литературных журналов работникам ЦК могли указать сами ленинградцы. Дело в том, что вопрос о ленинградской печати живо обсуждался 26 июля на Пленуме ленинградского горкома ВКП(б), повестка дня которого предварительно должна была согласовываться с ЦК. На пленуме высту-

²³⁴ Колосков А. Безликий журнал // Культура и жизнь. М., 1946. № 4. 30 июля. С. 4.

²³⁵ Докладная записка Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Жданову о неудовлетворительном состоянии журналов «Звезда» и «Ленинград», 7 августа 1946 г. // Власть и художественная интеллигенция. С. 563–565.

²³⁶ Докладная записка Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) секретарю ЦК ВКП(б)... С. 565.

пил секретарь горкома по пропаганде И. М. Широков, который критиковал основные ленинградские газеты и журналы, и досталось тогда многим изданиям. Именно поэтому в итоговом докладе 1-й секретарь Ленинградского обкома П. С. Попков сказал:

«Надо выправить также работу журналов “Ленинград” и “Звезда”, критика которых участниками пленума была совершенно справедливой. Широкий размах идеологической работы бесспорно сыграет важнейшую роль в решении поставленных перед ней ответственных задач»²³⁷.

Но в итоговое постановление пленума вошли только названия общественно-политических изданий, на приведение которых в лучшее состояние стоит обратить внимание в первую очередь, – газеты «Ленинградская правда», «Смена» и журнал обкома и горкома партии «Пропаганда и агитация»²³⁸. По-видимому, новые ленинградские руководители (А. А. Кузнецов к тому времени уже был переведен в Москву) попросту побоялись внести в резолюцию критическую оценку литературных журналов – ведь те относились к ведомству Союза советских писателей СССР. А вторжение в сферу члена ЦК ВКП(б) А. А. Фадеева могло дать ненужные осложнения, и потому партийные органы Ленинграда ограничились исключительно самокритикой.

Что же касается основных будущих фигурантов постановления ЦК, то ленинградские власти особо пристального внимания на них не обращали – М. М. Зошенко, несмотря на постановление 1943 г., был утвержден горкомом ВКП(б) членом редколлегии «Звезды», А. А. Ахматова 28 мая триумфально участвовала в большом «Вечере поэтов» в филармонии²³⁹, а 7 августа читала свои стихи в БДТ на вечере памяти А. А. Блока²⁴⁰.

Подготовленный ведомством Г. Ф. Александрова проект постановления ЦК оказался вполне сдержанным, что показалось руководству страны недостаточным. Именно по этой причине было назначено расширенное обсуждение этого вопроса на заседании Оргбюро ЦК, куда были приглашены члены редколлегии, руководители ЛО ССП, ленинградские партийные руководители.

Предположение о том, что вопрос о созыве такого расширенного заседания был решен почти накануне, подтверждается тем фактом, что заседание Оргбюро было проведено не в среду 7 августа в 8 часов вечера (этот распорядок был установлен постановлением Политбюро ЦК от 13 апреля 1946 г.²⁴¹), а было перенесено на пятницу 9 августа. Аппарату ЦК было необходимо подготовиться к заседанию, а Секретариат ЦК должен был сформулировать оргвыводы и наметить проект постановления.

Ленинградцы же по вызову ЦК двинулись в столицу еще вечером 6 августа.

Член редколлегии «Звезды», парторг ЛО ССП П. И. Капица вспоминал:

«В начале августа нас срочно вызвали в Москву. Выехали Прокофьев, Саянов и я, а от редакции “Ленинграда” – Борис Лихарев, Дмитрий Левоневский и Николай Никитин. В пути мы узнали, что в этой же “Красной стреле” едут секретари горкома партии – Попков и Широков.

“Что же такое стряслось?” – принялись гадать мы. Обсудили многие материалы, напечатанные в последних номерах журналов, но никому и в голову не пришло вспомнить “Приключения обезьяны”.

²³⁷ Попков П. С. Об идейно-политическом воспитании партийных кадров и интеллигенции: Речь на пленуме Ленинградского городского комитета ВКП(б) 26 июля 1946 года // Ленинградская правда. Л., 1946. № 182. 4 августа. С. 2.

²³⁸ Ленинградская правда. Л., 1946. № 183, 6 августа. С. 2.

²³⁹ Вечер поэтов // Ленинградская правда. Л., 1946. № 123. 28 мая. С. 4.

²⁴⁰ Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. М., 2008. С. 411–413.

²⁴¹ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР, 1945–1953. С. 33.

Утром того же дня мы попали на прием к начальнику Управления пропаганды ЦК Александрову. Нам думалось, он начнет сразу распекать нас, но говорил он каким-то приглушенным тихим голосом, оба, мол, журнала печатали сырые, малохудожественные, а порой и идейно вредные произведения, но чашу весов переполнил рассказ “Приключения обезьяны”, поэтому нас всех вызывают на Оргбюро ЦК.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.